АГАТА КРИСТИ

РОЖДЕСТВО ЭРКЮЛЯ ПУАРО

Agatha Christie®

Рождество Эркюля Пуаро
Агата Кристи

Аннотация
Агата Кристи. Рождество Эркюля Пуаро
От автора
Часть I. 22 декабря
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
Часть II. 23 декабря
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
Часть III. 24 декабря
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5

Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Часть IV. 25 декабря
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Часть V. 26 декабря
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Часть VI. 27 декабря
Глава 1
Глава 2

Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Часть VII. 28 декабря
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6

Аннотация

На празднование Рождества престарелый миллионер Симеон Ли в кои-то веки решил собрать всю свою многочисленную родню. Но праздник был неожиданно прерван грохотом мебели, за которым последовал ужасный крик. Сбежавшиеся на шум домочадцы обнаружили главу семейства лежащим в луже крови посреди своего кабинета. На место преступления вызван инспектор Сагден, у которого, по счастливой случайности, в то время гостил непревзойденный детектив Эркюль Пуаро. Естественно, он тоже приехал в дом Ли, где обнаружил атмосферу всеобщей подозрительности. Миллионера мог убить кто угодно – ибо вся родня втайне ненавидела этого семейного тирана. Улик много, но ни одна из них не указывает ни на кого из присутствующих. Вот оно, настоящее дело для «серых клеточек» великого бельгийца…

Агата Кристи
Рождество Эркюля Пуаро

...Но кто бы мог подумать,
Что в старике так много крови?
У. Шекспир «Макбет» [1]

[1] Примечания: 1
Пер. М. Лозинского.

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

От автора

Мой дорогой Джеймс![2]

Ты всегда был моим самым верным и доброжелательным читателем, и я была не на шутку встревожена, когда услышала от тебя слово критики. Ты пожаловался, что-де мои убийства стали чересчур интеллигентными, даже анемичными. Ты возжаждал «хорошего зверского убийства и много-много крови». Убийства, в жестокости которого ни у кого не возникнет сомнений!

Итак, это история, написанная специально для тебя. Надеюсь, она тебе понравится.

Любящая тебя свояченица Агата

---

[2] Примечания: 2
Джеймс Уотт — муж старшей сестры А. Кристи.

Часть I
22 декабря

Глава 1

Подняв воротник пальто, Стивен быстрым шагом прошел по платформе. Над железнодорожным вокзалом висел туман. Огромные локомотивы громко шипели, выбрасывая в стылый сырой воздух облака пара. Все вокруг было грязным и почерневшим от копоти.

«Что за мерзкая страна!.. Что за мерзкий город!» — с отвращением думал он.

Первая восторженная реакция на Лондон, с его магазинами, ресторанами и шикарно одетыми женщинами, куда-то улетучилась. Теперь город представлялся ему куском сверкающего горного хрусталя в дешевой, безвкусной оправе.

Вот если б снова оказаться дома, в Южной Африке! Стоило подумать об этом, как он тотчас испытал острый приступ тоски по дому. Солнце… голубое небо… цветущие сады… цветы… изгороди из сланцевых плиток… синие вьюнки, цепляющиеся за стены домов…

А здесь… грязь, копоть и бесконечные толпы людей, вечно куда-то спешащих и толкающихся. Вечно занятые делом муравьи, трудолюбиво снующие вокруг муравейника.

«Наверное, зря я сюда приехал», — промелькнуло у него в голове.

Затем, вспомнив про цель приезда, Стивен сурово поджал губы. Нет, черт побери, он доведет это дело до конца! Он столько лет посвятил разработке планов… Он всегда намеревался это сделать… И он это сделает. Да-да, он непременно доведет задуманное до конца!

Это короткое сомнение, эти внезапные вопросы, адресованные самому себе… Зачем? Стоит ли оно того? К чему цепляться за прошлое? Почему бы не забыть обо всем? Нет, все это лишь минутная слабость. Он не мальчик, чтобы шарахаться из стороны в сторону в угоду мимолетной прихоти. Он — сорокалетний мужчина, уверенный в себе, имеющий цель в жизни. Он доведет дело до конца. Он выполнит то, что привело его в Англию.

Стивен вошел в вагон и зашагал по коридору в поисках свободного места. Он отказался от услуг носильщика и сам нес свой кожаный чемодан, заглядывая в одно купе за другим. Поезд был полон. Все места заняты. До Рождества оставалось всего три дня. Стивен Фарр с раздражением смотрел на переполненные вагоны.

Повсюду люди! Безликая людская масса! Та-

кая… какое бы подобрать слово… серая, такая унылая! Все одинаковые, не отличимые друг от друга! Те, у кого не было овечьих физиономий, походили на кроликов, подумал Фарр. Некоторые болтали и суетились. Другие, преклонного возраста, недовольно ворчали. Эти были больше похожи на свиней.

Даже девушки, стройные, с лицом в форме сердечка, с алыми губами, были удручающе одинаковы. Стивен неожиданно подумал о том, что тоскует по вельду[3], по пустынным, выжженным солнцем равнинам.

Он заглянул в очередное купе, и у него перехватило дыхание. Эта девушка была совершенно иной. Черные волосы, красивая матовая кожа, глаза, в которых есть глубина и темнота ночи. Печальные, гордые глаза Юга… С трудом верилось, что такая девушка сидит в поезде среди этих серых, унылых людей. Что забыла она в серой, тоскливой внутренней Англии? Ей следовало стоять на балконе с розой в зубах, с черной кружевной мантильей на гордой головке… а вокруг должны быть пыль и жара… И запах крови

[3] Примечания: 3

Вельд (велд) — обширные засушливые плато в Южной Африке, главным образом в ЮАР, расположенные в междуречье рек Лимпопо и Вааль и в верхнем течении реки Оранжевая.

— запах корриды — должен царить в воздухе. Ей полагалось сиять красотой, а не сидеть, забившись в угол, в купе железнодорожного вагона третьего класса.

Стивен Фарр был наблюдателен. От его цепкого взгляда не ускользнуло ничто: ни потертое черное пальто, ни ношеная юбка, ни дешевые матерчатые перчатки и такие же дешевые туфли, ни дерзкая нота огненно-красной сумочки. Тем не менее чувствовался в ней некий шик. Она была прекрасна, этакий яркий, экзотический цветок…

Какого дьявола она забыла в этой стране туманов, холода и вечно куда-то спешащих трудолюбивых муравьев?

«Я должен узнать, кто она такая и что делает здесь… — подумал Стивен. — Я обязан это узнать».

Глава 2

Пилар сидела, прижавшись к окну, и думала о том, как непривычно и странно пахнут англичане. Именно это поразило ее в Англии сильнее всего — совершенно иные запахи. Ни запаха чеснока, ни пыли, почти не пахло духами. В холодном вагоне стоял затхлый запах железных дорог — серы, мыла и еще один, ужасно противный. Похоже, он исходил от мехового воротника дородной особы, сидевшей с ней рядом. Пилар брезгливо принюхалась, вдыхая запах нафталина. И как только люди носят такое на себе, подумала она.

Раздался паровозный гудок, что-то прокричал зычный голос, и поезд, дернувшись, тронулся с места. Ага, они едут. Она тоже едет…

Сердце учащенно забилось в груди. Получится ли у нее? Сумеет ли она осуществить задуманное? Несомненно… Она ведь все обдумала, все до мельчайших подробностей… И теперь готова ко всему, к любому повороту событий. Нет-нет, у нее все получится… у нее непременно должно все получиться… обязательно…

Уголки рта Пилар поползли вверх. Внезапно

он стал каким-то жестоким, этот рот. Жестоким и жадным… как губы капризного ребенка или котенка… рот, которому ведомы одни лишь собственные желания, зато пока не ведома жалость.

Она с жадным любопытством ребенка огляделась по сторонам. Все эти люди, семеро… как забавно… все они англичане! Все на вид такие богатые, такие преуспевающие… чего только стоит их одежда… их обувь… О да, похоже, Англия — богатая страна, как она всегда слышала. Зато какие унылые у всех лица, какие удручающе серьезные…

Зато в коридоре стоит видный мужчина. Настоящий красавец, подумала Пилар. Ей понравилось его загорелое бронзовое лицо, прямой нос и широкие плечи. Девушка тотчас поняла: он тоже любуется ею. Хоть и не разглядывая его в упор, она знала: он то и дело сморит на нее… более того, знала, *как именно* он на нее смотрит.

Пилар отметила это без особого интереса или эмоций. Она родом из той страны, где мужчины без стеснения рассматривают женщин и не скрывают своего интереса, так как не видят в этом ничего неприличного. «Интересно, он англичанин? — задумалась Пилар и решила, что нет. — Он слишком живой, слишком ре-

альный, чтобы быть англичанином, — был ее вывод. — При этом он светловолос. Должно быть, американец». Он был похож на тех актеров, которых она видела в фильмах про Дикий Запад.

По коридору прошел проводник, толкая перед собой тележку.

— Первая смена! Первая смена! Занимайте места все, у кого билеты на ланч в первую смену!

У всех семи других пассажиров в купе Пилар имелись билеты на первую смену. Они дружно встали и вышли. Купе неожиданно опустело.

Пилар быстро подняла на пару дюймов окно, которое только что слегка опустила воинственного вида седовласая дама в противоположном углу. Затем откинулась на спинку сиденья и устремила взгляд на северные пригороды Лондона. Оборачиваться на звук отодвигаемой двери купе она не стала. Это был тот самый мужчина, что стоял в коридоре. Пилар не сомневалась: он вошел в вагон специально для того, чтобы заговорить с ней.

Она продолжала задумчиво смотреть в окно.

— Не желаете до конца опустить окно? — спросил Стивен Фарр.

— Напротив. Я только что его закрыла, — вежливо ответила Пилар. По-английски она говорила

прекрасно, хотя и с едва заметным акцентом.

Возникла пауза. «Какой прекрасный голос. В нем чувствуется солнце… Он теплый, как летняя ночь…» — подумал Стивен.

«Какой чудесный голос. Такой проникновенный, такой сильный… И сам он тоже хорош собой, да-да, очень даже хорош», — промелькнуло в голове Пилар.

— Поезд забит до отказа, — сказал Стивен.

— О да! Люди уезжают из Лондона. Наверное, потому, что здесь все так мрачно.

В детстве Пилар не учили тому, что разговаривать с незнакомцами в поездах нехорошо. Как и любая девушка, она при необходимости могла дать отпор наглецу, но строгие запреты были ей чужды.

Если б Стивен вырос в Англии, возможно, он не решился бы вступить в разговор с незнакомой девушкой. Но Стивен, человек общительный, считал абсолютно естественным разговаривать с тем, с кем ему хочется. Он без всякого стеснения улыбнулся и сказал:

— Лондон — ужасное место, не правда ли?

— О да. Мне он совсем не нравится.

— И мне тоже.

— Вы ведь не англичанин, верно? — спросила

Пилар.

— Я британский подданный, но приехал сюда из Южной Африки.

— О, тогда все понятно.

— Вы ведь тоже приехали из-за границы? — Ему было любопытно узнать это.

Пилар кивнула.

— Я из Испании.

— Из Испании? Так вы испанка?

— Я наполовину испанка. Моя мать англичанка. Вот почему я так хорошо говорю по-английски.

— У вас там война?[4] — поинтересовался Стивен.

— Это ужасно. Все так печально… Много разрушений, очень много… да.

— Лично вы на чьей стороне?

Политические пристрастия Пилар оказались довольно туманны. В ее родном городке, пояснила она, никто не обращал внимания на войну.

— Видите ли, это довольно далеко от нас. Мэр, он, конечно, офицер правительственных войск, поэтому он за правительство, а священник — за генерала Франко… но большинство людей заняты виноградниками и землей, и у них нет времени

---

[4] Примечания: 4

Роман А. Кристи «Рождество Эркюля Пуаро» был написан в 1938 г., когда в Испании шла гражданская война.

вдаваться в такие тонкости.

— Значит, рядом с вами боев не было?

Пилар ответила, что нет, не было.

— Но однажды я ехала через всю страну на машине, — объяснила она, — и видела много разрушений. Я также видела, как падают бомбы и как одна из них попала в машину, а другая уничтожила дом. Незабываемое зрелище!

Стивен Фарр улыбнулся уголком рта.

— То есть для вас это было лишь зрелище?

— Нет, конечно, потому что из-за этого возникли трудности, — объяснила Пилар. — Я хотела ехать дальше, но водителя моей машины убило.

— Но это вас не огорчило? — спросил Стивен, не сводя с нее взгляда.

Огромные темные глаза Пилар распахнулись еще шире.

— От смерти не спрячешься. Все когда-то умрут. Разве не так? Даже если она приходит быстро, с неба — бах! — она ничем не отличается от любой другой смерти. Человек какое-то время жив, а потом умирает. Так устроен мир.

— Значит, вы не пацифистка, — улыбнулся Стивен.

— Кто-кто? Как вы сказали? — Похоже, Пилар озадачило незнакомое слово, ранее не входившее

в ее лексикон.

— Вы прощаете своих врагов, сеньорита?

Пилар покачала головой.

— У меня нет врагов. Но если б были…

— Что тогда?

Он наблюдал за ней, вновь очарованный ее сочными, жестокими губами.

— Будь у меня враг, — серьезно начала девушка, — если б кто-то ненавидел меня, а я в ответ ненавидела его… Я бы перерезала ему горло… вот *так.*

Она выразительно чиркнула себя ребром ладони по горлу. Движение было быстрым и жестоким, и Стивен Фарр на мгновение оторопел.

— Да вы кровожадная молодая особа! — сказал он.

— А что бы вы сделали со своим врагом? — неожиданно спросила она.

Стивен вздрогнул, посмотрел на нее и рассмеялся.

— Наверное… — задумался он. — Если честно, не знаю.

— Неправда, наверняка знаете, — неодобрительно произнесла Пилар.

Мужчина перестал смеяться, вздохнул и, понизив голос, сказал:

— Ну хорошо, допустим, что знаю… А что заставило вас приехать в Англию? — спросил он, резко меняя тему разговора.

— Еду проведать родственников… моих английских родственников, — уклончиво ответила Пилар.

— Понятно.

Откинувшись на спинку сиденья, Стивен продолжил рассматривать ее, пытаясь представить эту девушку среди британской семьи в дни Рождества.

Интересно, как выглядят ее английские родственники? И как они воспримут чужестранку из Испании?..

— Наверное, в Южной Африке хорошо? — внезапно спросила Пилар.

Стивен принялся рассказывать ей о своей родине. Она слушала его с интересом ребенка, которому рассказывают сказку. Ее наивные, но точные вопросы доставили ему немалое удовольствие. Отвечая на них, Стивен нарочно все слегка приукрашивал, как будто рассказывал сказку.

Конец их разговору положило возвращение пассажиров, у которых были билеты в это купе. Стивен встал, улыбнулся Пилар и вышел в коридор.

Отступив на минуту в сторону, чтобы пропустить в купе пожилую женщину, он посмотрел на диковинный соломенный чемодан Пилар — вернее, на ярлык на нем — и с интересом прочитал ее имя: «*Мисс Пилар Эстравадос*». Затем его взгляд упал на бирку с адресом. Стивен не поверил собственным глазам: *Горстон-Холл, Лонгдейл, Эддлсфилд*.

Он повернулся и посмотрел на девушку уже совсем иначе — озадаченно, с легкой злостью и подозрением. Затем вышел в коридор, закурил и нахмурился…

Глава 3

В Горстон-холле, в просторной гостиной в золотисто-голубых тонах, Альфред Ли и его жена Лидия обсуждали планы на Рождество. Альфред был мужчиной средних лет, плотного телосложения, с нежным лицом и добрыми карими глазами. Говорил он ровным тоном, четко выговаривая все слова. Голова его была втянута в плечи, а сам Альфред производил впечатление вялого, безвольного человека. Лидия, напротив, была решительна, энергична и напоминала поджарую борзую. Она была худа, однако все ее движения — стремительны и грациозны. Лицо, с его резкими чертами, не отличалось красотой, однако в нем чувствовалась порода. А вот голос у нее был на удивление приятный.

— Отец настаивает! — произнес Альфред. — С этим ничего не поделаешь.

Лидия сдержала желание отмахнуться от его довода.

— Неужели обязательно всегда уступать ему? — спросила она.

— Он очень стар, моя дорогая…

— Я знаю… знаю!

— Он ждет, что все будет так, как хочется ему.

— Естественно, — сухо сказала Лилия, — потому что так было всегда! Но рано или поздно, Альфред, тебе придется проявить характер.

— Что ты хочешь этим сказать, Лидия?

Он посмотрел на нее с таким расстроенным и испуганным видом, что она прикусила язык, не зная, стоит ли продолжать разговор.

— Что ты хочешь этим сказать, Лидия? — повторил Альфред Ли.

Лидия пожала изящными плечами.

— Твой отец… склонен… к тирании, — произнесла она.

— Он стар.

— И состарится еще больше. И, как следствие, станет еще большим тираном. Чем все это закончится? Он и сейчас диктует, как нам жить. Помыкает нами как может. Мы даже не вправе строить собственные планы! Стоит нам это сделать, как он тотчас вставляет нам палки в колеса.

— Отец ждет, что всегда будет для нас на первом месте. Не забывай, он очень добр к нам, — возразил Альфред.

— О, добр к нам!..

— Очень добр, — несколько холодно добавил

Альфред.

— Ты имеешь в виду деньги? — невозмутимо уточнила Лидия.

— Да. Его собственные потребности весьма скромны. Для нас же он никогда не жалеет денег. Ты можешь тратить сколько хочешь. На платья и на этот дом, и все чеки оплачиваются без звука. Всего неделю назад он купил для нас автомобиль.

— Согласна, твой отец действительно щедр в том, что касается денег, — сказала Лидия. — Но за это он ждет, что мы будем слушаться его, как рабы.

— Рабы?

— Именно. Ты его раб, Альфред. Пожелай мы куда-нибудь поехать, а твой отец потребовал бы, чтобы мы остались, ты бы поставил на наших планах крест и безропотно подчинился ему. Взбреди ему в голову отправить нас в путешествие, мы бы тотчас уехали. У нас нет своей жизни… мы во всем зависим от него.

— Давай прекратим этот разговор, Лидия, — печально предложил ей муж. — Это крайне неблагодарно. Мой отец столько всего сделал для нас…

Лидия с трудом сдержалась, чтобы не сказать

колкость, и в очередной раз пожала изящными плечами.

— Знаешь, Лидия, старик очень любит тебя, — сказал Альфред.

— А я его совсем не люблю, — отчетливо ответила женщина.

— Лидия, мне очень неприятно слышать от тебя подобные вещи. Это так несправедливо…

— Возможно. Но иногда возникает желание сказать правду.

— Если отец догадается…

— Твой отец прекрасно знает, что я его не жалую! Думаю, его это забавляет.

— Ошибаешься, Лидия. Он не раз говорил мне, что очарован тобой, когда ты разговариваешь с ним.

— Естественно, я всегда с ним вежлива. Была и буду. Я просто сообщаю тебе, каковы мои истинные чувства. Мне не нравится твой отец, Альфред. Я считаю, что он злобный и деспотичный старикашка. Он издевается над тобой и злоупотребляет твоей любовью к нему. Тебе еще много лет назад следовало проявить характер…

— Хватит, Лидия. Больше не говори так! — резко произнес Альфред.

Женщина вздохнула.

— Извини. Наверное, я была не права… давай лучше поговорим о планах на Рождество. Как ты думаешь, твой брат Дэвид действительно приедет?

— Почему бы нет?

Она с сомнением покачала головой.

— Дэвид… он странный. И вообще, он не был в этом доме вот уже много лет. Он был так привязан к твоей матери… у него особое отношение к вашему дому.

— Дэвид всегда раздражал отца, — сказал Альфред. — Своей музыкой и своей мечтательностью. Согласен, отец порой бывал излишне суров к нему. Я все-таки думаю, что Дэвид с Хильдой приедут. Как-никак это ведь Рождество.

— Мир и покой, — сказала Лидия. Ее красивые губы скривились в иронической улыбке. — Посмотрим! Джордж и Магдалена тоже приезжают. Они сообщили, что, скорее всего, приедут завтра утром. Боюсь, Магдалене здесь будет ужасно скучно.

— И зачем только Джордж женился на девушке, которая моложе его на целых двадцать лет! — с досадой воскликнул Альфред. — Впрочем, он всегда был болваном!

— Он сделал успешную карьеру, — возразила

Лидия. — Избиратели его любят. Мне кажется, Магдалена многое делает для него в том, что касается его политического поприща.

— Мне она совсем не нравится, — медленно проговорил Альфред. — Да, она хороша собой, но порой напоминает мне грушу — розоватая мякоть и бледная, восковая кожура, — сказал Альфред и покачал головой.

— С гнильцой внутри? Ты это хочешь сказать? — уточнила Лидия. — Странно слышать от тебя такое, Альфред.

— Почему странно?

— Потому что ты, как правило… излишне деликатен. От тебя ни о ком почти не услышишь дурного слова. Порой ты этим жутко меня раздражаешь. Тебе недостает… как бы точнее выразиться?.. здорового скепсиса… приземленности.

Альфред улыбнулся.

— Здоровый скепсис, всегда считал я, это вопрос личной точки зрения.

— Неправда! — резко возразила Лидия. — Зло обитает не только в человеческих головах. Оно существует на самом деле! Просто ты его не замечаешь! В отличие от меня. Я чувствую его, чувствую его присутствие … здесь, в этом доме… — Она прикусила губу и отвернулась.

— Лидия!.. — взмолился Альфред.

Но она посмотрела куда-то мимо него и быстро подняла руку в предостерегающем жесте. Альфред обернулся. У двери в почтительной позе застыл молодой, темноволосый мужчина. Лицо его ничего не выражало.

— В чем дело, Хорбери? — резко спросила Лидия.

— Мистер Ли, мадам, — едва слышно произнес Хорбери, — велел передать вам, что на Рождество приедут еще два гостя, и просил вас подготовить для них комнаты.

— Еще два гостя? — переспросила Лидия.

— Да, мадам. Еще один джентльмен и молодая леди, — ответил Хорбери.

— Молодая леди? — удивился Альфред.

— Да, так сказал мистер Ли, сэр.

— Я сейчас поднимусь наверх к нему… — быстро сказала Лидия.

Хорбери сделал крошечный шаг, по сути, лишь подобие движения, но и его было достаточно, чтобы остановить Лидию.

— Простите, мадам, но мистер Ли сейчас спит — обычный послеполуденный сон. Он специально просил не беспокоить его.

— Понятно, — произнес Альфред. — Разумеется,

его нельзя беспокоить.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Хорбери и удалился.

— Какой отвратительный тип! — в сердцах воскликнула Лидия. — Вечно расхаживает по дому, словно кот… Никогда не услышишь, как он появляется за спиной.

— Я тоже его не люблю. Однако он прекрасно делает свое дело. Нелегко найти мужчину на роль сиделки. К тому же отец любит его, и это самое главное.

— Верно, это самое главное. Кстати, Альфред, что это за молодая леди? Какая молодая леди?

Ее супруг покачал головой.

— Представления не имею. Не знаю даже, кто это может быть.

Они недоуменно посмотрели друг на друга.

— Знаешь, о чем я сейчас подумала, Альфред? — спросила Лидия, скривив губы.

— О чем?

— Мне кажется, твоему отцу в последнее время стало скучно. И он решил в это Рождество устроить себе некое развлечение

— Пригласив двух незнакомых людей?

— Я, конечно, не знаю подробностей, но могу представить себе… что он решил позабавиться

над нами.

— Надеюсь, это доставит ему удовольствие, — мрачно произнес Альфред. — Бедняга, ему можно только посочувствовать. Инвалид с больными ногами… и это после той жизни, полной приключений, которая у него была.

— После той жизни… полной приключений, которая у него была, — задумчиво повторила Лидия.

Пауза, которую она сделала перед прилагательным, содержала некий намек. Альфред его уловил. Потому что тотчас покраснел и весь поник.

— Ума не приложу, как у него мог родиться такой сын, как ты! — внезапно сорвалась на крик Лидия. — Вы с ним не похожи, как небо и земля! При этом ты восхищаешься им, ты его обожаешь!

— Тебе не кажется, что ты заходишь слишком далеко, Лидия? — спросил Альфред с ноткой раздражения. — Нет ничего странного в том, что сын любит своего отца. Наоборот, было бы неестественно, будь оно иначе.

— В таком случае, — заявила Лидия, — большинство членов твоей семьи — *неестественные*. И не спорь со мной! И не обижайся. Знаю, я задела

твои чувства. Поверь мне, Альфред, я этого не хотела. Я искренне восхищена твоей… твоей… преданностью. Верность — крайне редкая вещь в наши дни. Скажем лучше, я ревную, ладно? Считается, что женщины ревнуют мужей к свекровям. Почему бы мне не ревновать к свекру?

Альфред нежно обнял ее.

— Твой язык, Лидия, опережает твои мысли. У тебя нет никаких оснований для ревности.

Она ответила ему нежным, покаянным поцелуем в мочку уха.

— Я знаю. И все равно, Альфред, вряд ли я стала бы ревновать тебя к твоей матери. Жаль, что я не знала ее.

— Она была несчастная женщина, — сказал он.

Лидия с интересом посмотрела на мужа.

— Так вот оно что!.. Несчастная женщина… Любопытно.

— Мне она запомнилась вечно хворающей… — задумчиво произнес Альфред. — Часто плакала… — Он покачал головой. — Была напрочь лишена характера.

— Как странно… — не сводя с мужа глаз, тихо проговорила Лидия.

Когда же Альфред повернулся и вопросительно посмотрел на нее, она встряхнула головой и по-

спешила переменить тему разговора:

— Коль нам не позволено знать, что за таинственные гости приезжают, я, пожалуй, схожу в сад и закончу работу.

— Там очень холодно, дорогая. Ветер пронизывающий.

— Я оденусь потеплее, — сказала Лидия и вышла из комнаты

Оставшись один, Альфред Ли несколько секунд постоял неподвижно, с хмурым лицом, затем подошел к большому окну в дальнем конце комнаты. Снаружи вдоль всей длины дома протянулась терраса. Через пару минут там, одетая в длинное вязаное пальто, появилась Лидия с корзинкой в руках. Поставив корзину на пол террасы, она принялась копать землю в низкой каменной вазе квадратной формы.

Какое-то время муж наблюдал за ней. В конце концов он покинул комнату и, захватив пальто и теплый шарф, вышел на террасу через боковую дверь. Шагая, Альфред миновал несколько каменных ваз, в которых были устроены миниатюрные «сады» — плод трудов умелых рук Лидии.

Одна композиция представляла собой пустыню: ровный слой желтого песка, караван верблюдов и парочка крошечных фигурок арабов.

Из пластилина были вылеплены несколько убогих глинобитных хижин. Имелся также итальянский сад с террасами и цветочными клумбами из разноцветного воска. Был и арктический «сад» с зелеными стекляшками вместо айсбергов и стайкой пингвинов. Рядом приютился сад японский с парочкой прекрасных миниатюрных деревьев, увеличительным стеклом, изображавшим водоем, и вылепленными из пластилина мостиками.

Наконец, Альфред подошел к жене и остановился рядом. Она положила на дно вазы синюю бумагу, а поверх нее — стекло. Вокруг рукотворного «моря» уже вздымались миниатюрные скалы. В данный момент Лидия насыпала между ними из мешочка мелкие камешки и формировала из них морской берег. Между скал торчали крошечные кактусы.

— Да, это именно то, что я и хотела, — пробормотала она.

— Что это за новое произведение искусства? — поинтересовался Альфред.

Лидия вздрогнула, потому что не услышала, как он подошел к ней.

— Это?.. Это Мертвое море, Альфред. Тебе нравится?

— Какое-то оно безводное, верно? — ответил он. — Разве не должно быть здесь больше растительности?

Лидия покачала головой.

— Таково мое представление о Мертвом море. Понимаешь, оно же *мертвое*…

— Оно не такое красивое, как твои другие работы.

— Но оно и не должно быть особенно красивым.

Внезапно на террасе раздались шаги. Это к ним направлялся пожилой дворецкий, седовласый и слегка сгорбленный.

— Миссис Джордж Ли звонит по телефону, мадам. Спрашивает, будет ли вам удобно, если они с мистером Джорджем приедут завтра утром в двадцать минут шестого.

— Да, передайте им, что нас это устроит.

— Благодарю вас, мадам.

Дворецкий торопливо удалился. Лидия проводила его глазами. Выражение ее лица смягчилось.

— Старый добрый Трессильян… Какой надежный помощник! Представить себе не могу, как бы мы обходились без него.

— Да, это старая гвардия, — согласился с ней

Альфред. — Вот уже сорок лет в нашем доме. И так предан нашей семье…

— Верно, — кивнула Лидия. — Типичный старый слуга, как будто сошел со страниц романа. Такой, как он, не задумываясь, солгал бы, будь это нужно ради защиты кого-то из членов семьи.

— Пожалуй, — ответил Альфред. — Да, наверняка он так бы и сделал.

Лидия поправила последний камешек.

— Готово, — сказала она.

— К чему готово? — недоуменно переспросил Альфред.

— К Рождеству! — рассмеялась Лидия. — К сентиментальному семейному Рождеству, которое мы собираемся отпраздновать.

Глава 4

Дэвид читал письмо. Сначала он скомкал листок и в сердцах отшвырнул в сторону. Затем потянулся к нему, поднял, разгладил и снова перечитал.

Его жена Хильда молча наблюдала за ним. Она заметила, как дергается на виске мужа мускул (или это нерв?), как дрожат длинные, изящные пальцы, сколь нервны и судорожны все его движения.

Когда же он убрал прядь светлых волос, которая вечно норовила упасть ему на лоб, и умоляюще поднял на нее голубые глаза, она уже была готова.

— Хильда, что мы будем с этим делать?

Его жена не спешила с ответом. В голосе мужа она уловила мольбу. Дэвид всегда и во всем полагался на нее — так было с самого первого дня, когда они поженились. Она знала: окончательное решение принимать ей. И потому не торопилась высказывать свое мнение.

Когда же Хильда заговорила, голос ее звучал спокойно и ровно, напоминая голос опытной няни в детском саду:

— Все зависит от того, как ты к этому относишься, Дэвид.

Будучи женщиной крупной, Хильда не отличалась красотой, но от нее исходила некая невыразимая притягательность. Таких женщин изображали на своих полотнах голландские живописцы. В звуках ее голоса было нечто теплое и чарующее. При этом в ней чувствовалась сила — скрытая жизненная сила, которую те, кто слабее, находят неодолимой. Невысокая, дородная женщина средних лет, не отличающаяся умом, отнюдь не яркая, но обладающая *чем-то таким*, мимо чего невозможно пройти. Сила! Хильда Ли обладала силой!

Дэвид встал и принялся расхаживать взад-вперед по комнате. Его волосы были практически не тронуты сединой. Внешне он скорее напоминал юношу. В его лице было нечто от рыцаря с картин Бёрн-Джонса[5]. Лицо человека не от мира сего…

— Ты знаешь, Хильда, что я думаю по этому поводу, — задумчиво произнес Дэвид. — Ты не можешь не знать.

— Я не уверена.

— Но я же говорил тебе, причем не один раз! Как

---

[5] Примечания: 5

Эдвард Коли Бёрн-Джонс (1833–1898) — британский художник.

я все это ненавижу — и дом, и местность вокруг него, и все-все! Это не вызывает у меня никаких воспоминаний, кроме уныния. Я ненавидел каждую секунду своего существования, когда рос там! Стоит мне вспомнить об этом… обо всем, что ей довелось вынести… моей матери…

Хильда сочувственно кивнула.

— Она была такая нежная и такая терпеливая. Лежать, испытывая муки, но, терпя их, покорно сносить все невзгоды. Когда же я вспоминаю об отце… — Лицо Дэвида потемнело. — Я вспоминаю о тех несчастьях, которые он принес в ее жизнь, унижая ее, хвастаясь своими любовными победами, постоянно изменяя ей с другими женщинам и даже не пытаясь это скрывать.

— Наверное, зря она с этим мирилась, — произнесла Хильда Ли. — Ей нужно было уйти от него.

— Мать была слишком порядочна, чтобы поступить так, — с легкой ноткой укоризны ответил Дэвид. — Она считала своим долгом оставаться с ним до конца. Кроме того, это был ее дом, ей некуда было уйти.

— Она могла бы жить самостоятельно.

— В те годы это было невозможно! — раздраженно воскликнул Дэвид. — Ты не понимаешь. Тогда женщины вели себя иначе. Они терпе-

ливо страдали. Ей нужно было помнить о нас. Даже разведись она с моим отцом, что было бы? Он наверняка женился бы снова. Завел бы новую семью. Мы и наши интересы были ему безразличны. Ей приходилось всегда помнить об этом. — Хильда ничего не ответила, и Дэвид продолжил: — Нет, мать все делала правильно. Она была святая женщина! Он все вытерпела до самого конца, никогда ни на что не жалуясь.

— Так уж и никогда? Тогда откуда тебе так много известно, Дэвид? — возразила Хильда.

— Да, она кое-что мне рассказывала, — тихо произнес он, и лицо его прояснилось. — Она знала, как я любил ее. Когда она умерла…

Дэвид умолк и пригладил волосы.

— Хильда, это было ужасно! Одиночество! Она была еще совсем не старая, она не должна была умереть. Это он убил ее, мой отец! Это он виноват в ее смерти! Он разбил ей сердце. Тогда я поклялся, что не стану жить вместе с ним под одной крышей. Я сбежал, сбежал от всего этого.

Хильда одобрительно кивнула.

— Ты поступил мудро, — сказала она. — Это было верное решение.

— Отец хотел, чтобы я продолжил семейное дело. Значит, мне пришлось бы жить дома. Я

бы этого не вынес. До сих пор не понимаю, как Альфред так много лет с этим мирится.

— Он ни разу не восставал против отца? — удивилась Хильда. — Кажется, ты рассказывал мне о том, как он был вынужден отказаться от другой карьеры.

Дэвид кивнул.

— Альфред хотел пойти служить в армию. Отец для него все устроил. Альфред как старший должен был поступить в кавалерийский полк. Гарри, так же как и мне, предстояло продолжить семейное дело. Джорджу прочили карьеру политика.

— Но все пошло не так, как предполагалось?

Дэвид покачал головой.

— Гарри все испортил! Он всегда был жутким сумасбродом! Залез в долги, вляпался во всевозможные неприятности… А потом и вообще скрылся, прихватив с собой несколько сот тысяч фунтов, которые ему не принадлежали. Оставил записку, в которой сообщил, что просиживать штаны в конторе — работа не для него и что он хочет посмотреть мир.

— И вы больше о нем никогда не слышали?

— Слышали, еще как слышали! — рассмеялся Дэвид. — Даже слишком часто! Он изо всех уголков мира слал телеграммы, в которых вечно

клянчил денег. И всегда их получал!

— А Альфред?

— Отец заставил его бросить армейскую службу и вернуться домой, чтобы продолжить семейное дело.

— И он не возражал?

— Вначале даже очень. Он ненавидел контору. Но отец всегда вил из Альфреда веревки. Мне кажется, брат до сих пор всецело во власти отца.

— Ты же… этого избежал! — подвела итог Хильда.

— Да. Я уехал в Лондон и стал изучать живопись. Отец прямо сказал мне, что если я буду и дальше заниматься этим дурацким делом, мне будет ежемесячно причитаться от него очень скромное содержание и я ничего не получу в наследство после его смерти. Я ответил, что мне все равно. Он обозвал меня молодым дураком, и на этом все кончилось. С тех пор я его больше не видел.

— И ты никогда не жалел об этом? — мягко спросила Хильда.

— Нет, конечно. Понимаю, моими картинами я ничего не добьюсь. Мне никогда не стать великим художником… но ведь мы вполне счастливы в нашем домике… у нас есть все, что нам

нужно… есть все необходимое. И если я умру, ты получишь мою страховку. — Немного помолчав, Дэвид добавил: — И вдруг — это!

Он хлопнул ладонью по письму.

— Мне жаль, что твой отец написал это письмо, если оно тебя так расстроило, — сказала Хильда.

Дэвид заговорил снова, как будто не слышал ее:

— Просит меня привезти на Рождество жену. Выразил надежду на то, что мы все соберемся на Рождество. Этакий семейный сбор. Что бы это могло значить?

— По-твоему, это должно значить что-то еще, помимо сказанного? — спросила Хильда.

Дэвид вопросительно посмотрел на нее.

— Я имела в виду, — с улыбкой сказала она, — что твой отец стареет. И начал впадать в сентиментальность. Такое бывает, ты сам знаешь.

— Предположим, что это так, — медленно проговорил Дэвид.

— Твой отец — одинокий старик.

Он бросил на жену быстрый взгляд.

— Хочешь, чтобы я туда поехал, Хильда?

— Было бы невежливо не ответить на приглашение. Наверное, я старомодна, но почему бы действительно не проявить по случаю Рождества

добрую волю?

— После всего того, что я тебе рассказал?

— Я понимаю, мой дорогой, понимаю. Но все это уже в прошлом. С этим покончено.

— Но не для меня.

— Лишь потому, что ты *не даешь прошлому умереть*. В мыслях ты никак не можешь с ним расстаться.

— Такие вещи не забывают.

— Ты их не забудешь — ты ведь это хочешь сказать?

Дэвид сурово поджал губы.

— Мы, Ли, — такие. Мы помним обиды годами, размышляем о них и не расстаемся с воспоминаниями.

— По-твоему, это повод для гордости? — слегка раздраженно спросила Хильда. — Вот уж не думаю!

Дэвид пристально посмотрел на жену. В нем чувствовалась некая решимость.

— Ты не придаешь большого значения верности, — сказал он, — верности воспоминаниям.

— По-моему, сегодняшний день важнее прошлого. Прошлое должно уйти. Если мы будем пытаться его оживить, то в конечном итоге непременно исказим его. Мы видим его, словно в

кривом зеркале, в искаженной перспективе.

— Я отлично помню каждое слово, каждое событие тех дней! — пылко заявил Дэвид.

— Верно, но лучше этого не делать, дорогой. Это противоестественно. Ты судишь о тех днях с позиции юноши, вместо того, чтобы смотреть на них спокойным взглядом зрелого мужчины.

— И в чем же разница? — раздраженно спросил Дэвид.

Хильда помедлила с ответом. Наверное, было бы не слишком умно продолжать в том же духе, и все же были вещи, которые ей не терпелось высказать.

— Мне кажется, — сказала она, — ты воспринимаешь отца как этакое пугало. Возможно, если ты сейчас увидишься с ним, ты поймешь, что это обычный человек. Человек, который позволял страстям брать над собой верх. Человек, чья жизнь была небезупречна, далека от совершенства, но все же человек, а не какое-то там бездушное чудовище.

— Ты ничего не понимаешь! То, как он относился к матери…

— Существует вид кротости… покорности… — задумчиво произнесла Хильда, — которая пробуждает в человеке худшие его качества, но этот

же самый человек, столкнувшись с силой духа и твердым характером, может проявить себя с совершенно иной стороны!

— Ты хочешь сказать, что это была ее вина…

— Нет, конечно же, нет! — оборвала его Хильда. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что твой отец скверно обращался с твоей матерью, но брак — это нечто особенное… я считаю, что посторонний человек… пусть даже ребенок, родившийся в этом браке… не имеет права выносить суждения. Кроме того, твое отношение к отцу уже никак не поможет твоей матери. Все давно прошло. Теперь все по-другому. Теперь твой отец — старик с плохим здоровьем, который просит своего сына приехать к нему на Рождество.

— Ты хочешь, чтобы я поехал?

Хильда помолчала, не спеша с ответом, но затем приняла решение.

— Да, — сказала она. — Я хочу. Хочу, чтобы ты поехал — и раз и навсегда похоронил прошлое.

Глава 5

Джордж Ли, член парламента от Уэстерингема, являл собой дородного джентльмена сорока одного года. У него были светло-голубые глаза, в которых читалась едва заметная подозрительность, тяжелая нижняя челюсть и медленный педантичный выговор.

— Я сказал тебе, Магдалена, что считаю своим долгом поехать туда, — многозначительно произнес он.

Его жена нетерпеливо пожала плечами.

Она была изящным созданием: платиновая блондинка с выщипанными в ниточку бровями и гладким, как яйцо, лицом. Временами оно делалось совершенно бездумным и лишенным какого-либо выражения. Именно таким ее лицо было и в данный момент.

— Дорогой, — произнесла она, — там будет абсолютно ужасно, я в этом уверена.

— Более того, — сказал Джордж Ли, просияв, ибо в голову ему пришла мудрая мысль. — Это позволит нам существенно сэкономить. Рождество — время крупных расходов. Мы могли бы перевести прислугу на полный пансион.

— Какая разница? — воскликнула Магдалена. — В конце концов, Рождество ужасно в любом месте.

— Полагаю, они ждут, что им подадут рождественский ужин, — сказал Джордж, думая о своем. — Приличный стейк вместо индейки.

— Кому? Прислуге? О, Джордж, не суетись. Вечно ты переживаешь из-за денег.

— Кому же еще переживать из-за них, как не мне? — возразил Джордж.

— Верно, но ведь так глупо экономить даже на мелочах… Почему ты не потребуешь у отца больше денег?

— Он и так выдает мне внушительную сумму.

— Нет, это ужасно — полностью зависеть от отца, как ты. Ты должен открыто потребовать, чтобы он увеличил тебе содержание.

— У него свое мнение по этому вопросу.

Магдалена посмотрела на мужа. Ее пустые карие глаза неожиданно приобрели осмысленность. Взгляд сделался острым, проницательным.

— Он ведь ужасно богат, да, Джордж? Наверное, миллионер, а?

— Скорее дважды миллионер.

Магдалена завистливо вздохнула.

— Где же он заработал такую кучу денег? Не-

ужели в Южной Африке?

— Да. В молодости отец сделал там целое состояние. Главным образом благодаря алмазам.

— Подумать только! — воскликнула Магдалена.

— Потом он вернулся в Англию, развернул свое дело, и его состояние, насколько мне известно, удвоилось или даже утроилось.

— А что будет, когда он умрет? — спросила Магдалена.

— Отец предпочитает не говорить на эту тему. Разумеется, никто не осмелится его спросить. Могу предположить, что деньги достанутся мне и Альфреду. Но Альфред, конечно же, получит больше меня.

— У тебя ведь есть и другие братья, верно?

— Да, брат Дэвид. Хотя ему-то вряд ли достанется больше, чем мне. Он увлекся живописью или какой-то подобной чепухой. Отец предупредил, что вычеркнет его из завещания, но Дэвид заявил, что ему все равно.

— Какой дурак! — вынесла презрительное суждение Магдалена.

— Еще у меня была сестра Дженнифер. Она сошлась с иностранцем — испанским художником, одним из друзей Дэвида. Но умерла около года

назад. У нее осталась дочь, если не ошибаюсь. Отец мог завещать немного денег и ей, но только немного. И, конечно же, Гарри…

Он смущенно умолк.

— Гарри? — удивилась Магдалена. — Кто такой Гарри?

— Это… мой брат.

— Никогда не слышала, что у тебя есть еще один брат.

— Моя дорогая, к сожалению, он не делает нам чести. Мы никогда не говорим о нем. Он запятнал себя позором. Мы ничего не слышали от него вот уже много лет. Не исключено, что он давно умер.

Магдалена неожиданно рассмеялась.

— В чем дело? Над чем ты смеешься?

— Я просто подумала, как забавно, что у тебя… *тебя*, Джордж, есть бесчестный брат, — ответила Магдалена. — Ведь ты у нас такой представительный, такой респектабельный…

— Надеюсь, — холодно произнес Джордж.

Магдалена недобро прищурилась.

— Твой отец, Джордж… о нем не скажешь, что он респектабельный.

— Прекрати, кому говорят!

— Иногда он говорит такие вещи, от которых мне становится не по себе.

— Ты удивляешь меня, Магдалена. Неужели… неужели Лидия тоже так считает?

— Лидии он такого не говорит, — сказала Магдалена и, немного помолчав, добавила: — Нет, *ей* он такого никогда не говорил. И я не знаю, почему.

Джордж быстро посмотрел на нее и отвел взгляд в сторону.

— Знаешь, нужно делать поправку на возраст. В его годы, когда здоровье так пошатнулось… — Он не договорил.

— Он действительно сильно болен? — спросила Магдалена.

— Я бы так не сказал. Для своих лет он довольно крепок. Но раз уж он хочет на Рождество собрать вокруг себя всю семью, будет правильно, если мы с тобой тоже приедем. Вдруг это его последнее Рождество.

— Это ты так считаешь, Джордж, — резко произнесла она, — а на самом деле он еще может прожить десяток лет.

— Да… да… конечно, может, — промямлил Джордж, слегка ошарашенный ее резкостью.

Магдалена отвернулась.

— Да, думаю, поехать стоит, — сказала она. — Так будет правильно.

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

— Но я не хочу! Альфред страшный зануда, а Лидия задирает передо мной нос.

— Ерунда.

— Нет, это так. Задирает нос. И еще этот мерзкий слуга.

— Старый Трессильян?

— Нет, Хорбери. Расхаживает по дому, как кот, и ухмыляется.

— Магдалена, не представляю даже, чем этот Хорбери тебе мешает.

— Он просто действует мне на нервы, только и всего. Но речь не о нем. Нужно ехать, теперь я это точно знаю. Нехорошо обижать старика.

— Нет… то есть да. Что касается рождественского ужина для прислуги…

— Не сейчас, Джордж, давай в другой раз. Я сейчас позвоню Лидии и скажу ей, что мы приедем завтра, в пять двадцать.

Магдалена поспешила выйти из комнаты. Поговорив по телефону, она вернулась в свою комнату, где села за секретер и, опустив откидную доску, принялась рыться в ящиках. Из них каскадом вылетел ворох магазинных счетов. Магдалена попыталась привести их в мало-мальский порядок. Наконец, издав нетерпеливый вздох, она собрала их вместе и сунула обратно, откуда и взяла. Затем

провела рукой по платиновым волосам.

— Господи, что же мне делать? — пробормотала она.

Глава 6

Коридор на втором этаже Горстон-холла вел в большую комнату, окна которой выходили на подъездную дорогу. Она была обставлена броско и старомодно, стены обклеены плотными тиснеными обоями. В комнате стояли богатые, обтянутые кожей кресла, огромные вазы с орнаментом из драконов и бронзовые скульптуры.

В ней все было великолепно, дорого и солидно.

В большом дедовском кресле, самом внушительном и массивном, сидел тощий, высохший старик. Его длинные, похожие на птичьи, пальцы лежали на подлокотниках кресла. Рядом стояла трость с золотым набалдашником. На старике был поношенный голубой домашний халат, на ногах — войлочные шлепанцы. Седые волосы. Желтая кожа лица. «Жалкий старикашка», — наверняка подумал бы тот, кто его увидел. Но гордый орлиный нос и темные, необычайно живые глаза тотчас бы заставили наблюдателя изменить свое мнение. В них был огонь, жизнь, энергия.

Старый Симеон Ли усмехнулся себе под нос. Недобрый, злорадный смешок.

— Ты передал мое послание миссис Альфред? — спросил он.

Хорбери стоял рядом с креслом.

— Да, сэр, — почтительно ответил он.

— В точности так, как я тебе сказал? Слово в слово?

— Да, сэр. Я не сделал ошибки, сэр.

— Верно, ты не делаешь ошибок. Тебе вообще лучше не делать ошибок, или ты пожалеешь об этом! И что она ответила, Хорбери? Что сказала миссис Альфред?

Все тем же бесстрастным тоном Хорбери повторил ее слова. Старик вновь противно усмехнулся и потер руки.

— Отлично… Прекрасно… Пусть потом ломают голову… до конца дня! Великолепно! Я соберу их всех. Ступай, приведи их.

— Слушаюсь, сэр.

Слуга бесшумно прошел через комнату и вышел вон.

— И, Хорбери!.. — Старик огляделся по сторонам и тихо выругался. — Этот парень ходит, как кошка. Никогда не знаешь, где он находится.

Он сидел в кресле, задумчиво потирая пальцами подбородок, когда в дверь постучали и в комнату вошли Альфред и Лидия.

— А вот и вы, а вот и вы… Лидия, дорогая, садись рядом со мной. Какая ты сегодня румяная!

— Мы решили прогуляться по холодку. После этого у меня всегда горят щеки.

— Как ты чувствуешь себя, отец? Хорошо отдохнул днем? — спросил Альфред.

— Отлично… Великолепно. Приснились старые добрые времена! До того, как я остепенился и сделался столпом общества.

Симеон Ли закинул голову назад и неприятно рассмеялся. Его невестка сидела молча и вежливо улыбалась.

— Кто те двое, отец, кого мы ждем к Рождеству? — поинтересовался Альфред.

— Ах, эти? Сейчас вы все узнаете. В этом году нас ждет грандиозное Рождество. Дай подумать… Приедут Джордж и Магдалена.

— Да, они прибывают завтра поездом. В пять двадцать, — сказала Лидия.

— Это ничтожество Джордж! Напыщенный болтун! Но все-таки он мой сын.

— Избиратели его любят, — возразил Альфред.

Симеон снова усмехнулся.

— Наверное, они считают его честным человеком, — добавил Альфред.

— Честным! Не было в семействе Ли еще чест-

ных людей!

— Перестань, отец!

— Исключая тебя, мой мальчик. Исключая тебя.

— А Дэвид? — уточнила Лидия.

— Дэвид? Хотел бы я увидеть этого мальчишку столько лет спустя… В юности он был настоящей тряпкой. Интересно, какая у него женушка? В любом случае ему хватило ума не жениться на девушке на двадцать лет его моложе, как этот болван Джордж!

— Хильда написала очень милое письмо, — сказала Лидия. — Я только что получила от нее телеграмму, подтверждающую их приезд. Они с Джорджем завтра точно будут здесь.

Симеон смерил ее пронзительным взглядом и рассмеялся.

— Лидия, от тебя ни о ком не услышишь дурного слова, — произнес он. — Я говорю это тебе в похвалу, ты воспитанная женщина. Сказывается хорошее воспитание. Кому это знать, как не мне. Забавная, однако, штука, эта наследственность. Из вас лишь один унаследовал мой характер, лишь один из всего помета.

Глаза старика оживились

— А теперь угадайте, кто еще приедет на Рож-

дество. Угадайте с трех раз. Готов спорить на пять фунтов, что ни за что не догадаетесь.

Он перевел взгляд с одного лица на другое.

— Хорбери сказал, что ты якобы ждешь некую юную леди, — нахмурившись, произнес Альфред.

— И тебя это заинтриговало… Что ж, легко могу себе представить! Пилар будет здесь с минуты на минуту. Я послал за ней на станцию автомобиль.

— Пилар? — недоуменно переспросил Альфред.

— Пилар Эстравадос, — ответил Симеон Ли. — Дочь Дженнифер. Моя внучка. Интересно, какая она?

— Боже, отец, и ты ничего не сказал мне!.. — обиженно воскликнул Альфред.

Старик довольно улыбнулся.

— Нет, надеялся сохранить это в тайне. Поручил Чарльтону, чтобы тот все уладил.

— Ты никогда не говорил мне!.. — с упреком повторил Альфред.

Симеон Ли зловредно усмехнулся.

— Хотел преподнести вам сюрприз! Интересно, каково это — вновь увидеть под крышей дома юное создание? Я никогда не видел Эстравадоса. Интересно, на кого похожа эта девушка — на

мать или на отца?

— Ты действительно думаешь, что это стоит делать, отец? — начал было Альфред, — Принимая во внимание…

— К дьяволу осторожность! — перебил его отец. — Ты как трусливый пес, что вечно поджимает хвост, Альфред! Всегда! Я никогда не был таким! Делай, что хочешь, и пошло все к черту! Вот как я говорю! Эта девушка — моя внучка… причем единственная в моей семье! Мне плевать, кем был ее отец и чем он занимался! Она — моя плоть и кровь! И она приедет сюда и будет жить в моем доме.

— Она приедет и останется здесь *жить*? — резко спросила Лидия.

Старик бросил в ее сторону быстрый взгляд.

— Разве ты против?

Женщина покачала головой.

— Как я могу быть против, что кто-то будет жить в вашем доме? — с улыбкой ответила она. — Нет, просто у меня возник вопрос… о ней.

— Вопрос? Что ты хочешь этим сказать?

— Будет ли она счастлива здесь?

Старый Симеон Ли вскинул голову.

— У нее за душой ни пенса. Она должна быть благодарна!

Лидия пожала плечами. Симеон повернулся к Альфреду.

— Видишь? Это будет грандиозное Рождество! Все мои дети соберутся вокруг меня. *Все* мои дети! В этом весь смысл, Альфред. А теперь отгадай, какой гость еще к нам приедет…

Альфред в недоумении посмотрел на отца.

— Все мои дети! Ну, отгадай!.. Гарри, конечно же! Твой брат Гарри!

Альфред побледнел.

— Гарри… нет, только не Гарри… — пролепетал он, заикаясь.

— Представь себе, что Гарри!

— Но мы думали, что он умер.

— Только не он!

— Ты… ты решил вернуть его? После всего того, что произошло?

— Возвращение блудного сына, верно? Ты прав. Готовь тучного тельца! Тебе придется зарезать тучного тельца, Альфред[6]. Мы должны оказать ему грандиозный прием.

— Но ведь он опозорил тебя… всех нас… — возразил Альфред. — Он…

— Можешь не перечислять его преступления.

---

[6] Примечания: 6

Намек на библейскую притчу о блудном сыне, в честь возвращения которого отец велел заколоть тучного тельца (Лк. 15:11–32).

Список получится длинный. Но Рождество, как ты помнишь, — праздник прощения. Мы должны принять в дом блудного сына.

— Для меня это… настоящее потрясение… — пробормотал, вставая, Альфред. — Никогда не думал, что Гарри когда-нибудь снова появится в этих стенах.

Симеон подался вперед.

— Ты ведь никогда не любил его, верно? — неожиданно смягчившись, спросил он.

— После того, как он так поступил с тобой…

— Кто старое помянет, тому глаз вон, — усмехнулся Симеон. — Ведь именно таким и должно быть Рождество. Верно я говорю, Лидия?

Жена Альфреда тоже побледнела.

— Вижу, в этом году Рождество занимает все ваши мысли, — сухо произнесла она.

— Хочу собрать вокруг себя всю мою семью. Мир и добрая воля. Я уже стар. Ты уходишь, мой дорогой?

Альфред торопливо вышел. Лидия на мгновение задержалась.

Симеон посмотрел вслед сыну.

— Я расстроил его. Они с Гарри никогда не ладили. Тот имел привычку издеваться над Альфредом. Называл его Медленный, но Верный.

Лидия собралась что-то сказать, но, заметив выражение лица свекра, передумала. Похоже, ее сдержанность расстроила старика. Что дало ей смелости сказать:

— В забеге зайца и черепахи побеждает черепаха.

— Не всегда, — возразил Симеон. — Не всегда, моя дорогая Лидия.

— Извините меня, но я должна догнать Альфреда, — с улыбкой сказала она. — Неожиданные известия выбивают его из колеи.

— Да, Альфред — не любитель перемен, — усмехнулся старик. — Он всегда был жутким занудой.

— Альфред очень предан *вам*, — произнесла Лидия.

— Тебе это кажется странным, не правда ли?

— Иногда, — ответила женщина и повторила: — Иногда.

С этими словами она вышла из комнаты. Симеон посмотрел ей вслед, вновь усмехнулся и потер руки.

— Забавно, — произнес он. — Весьма забавно. Похоже, меня ждет веселое Рождество.

Он с усилием поднялся и, опираясь на трость, проковылял через всю комнату к большому сей-

фу, стоящему в углу. Затем набрал код и повернул ручку. Дверца открылась. Сунув внутрь дрожащую руку, Симеон вытащил наружу небольшой мешочек и высыпал на ладонь горстку неограненных алмазов, которым затем дал просыпаться между пальцами.

— Идите ко мне, мои красавицы, — проворковал старик. — Вы все такие же… мои старые друзья. Это были славные деньки, славные… Вас не станут резать и гранить, мои друзья. Вы не будете висеть на шее у женщин, или у них в ушах… вы не будете у них на пальцах… Вы — мои! Мои старые друзья. Мы с вами кое о чем знаем, вы и я. Пусть я стар, но я еще не вышел в тираж. Во мне, старом псе, еще много сил. И от жизни можно еще получить немало радости. Немало радости…

Часть II
23 декабря

Глава 1

В дверь позвонили, и Трессильян отправился ее открывать. Кстати, звонок был необычно настойчивый. Прежде чем старый слуга прошаркал через весь холл к двери, он повторился снова.

Старый дворецкий вспыхнул от раздражения. Что за наглость! Разве так звонят в дом джентльмена? Если только это компания исполнителей рождественских гимнов, он вразумит их как следует!

В матовом стекле верхней половины двери виднелся силуэт высокого человека в мягкой фетровой шляпе. Трессильян открыл дверь. Как он и подумал — дешевый вульгарный пижон: скверного покроя костюм! Жуткая безвкусица! Какой-то нахальный попрошайка!

— Разрази меня гром, если это не Трессильян, — произнес незнакомец. — Как поживаете?

Старый слуга пригляделся — глубоко вздохнул — и посмотрел на незнакомца еще раз: крепкая нижняя челюсть, нос с горбинкой, озорные глаза. Да, всё как три года назад. Правда, тогда он приполз, поджав хвост.

— Мистер Гарри! — ахнул Трессильян.

Гарри Ли рассмеялся.

— Смотрю, вы потрясены. Но почему? Мне казалось, меня здесь ждут!

— Да, конечно, сэр. Разумеется, сэр.

— Тогда откуда эта растерянность? — Гарри отступил назад и окинул взглядом дом — массивное здание из красного кирпича, без особых затей, неброское, но монументальное.

— Все тот же уродливый старый дом, — заметил он. — Все еще стоит, и это самое главное. Как там мой отец, Трессильян?

— Можно сказать, инвалид, сэр. Все время сидит в своей комнате и почти никуда не выходит. Но при этом на редкость бодр.

— Вот же старый греховодник!

Гарри Ли вошел в дом, где передал слуге шарф и театрального вида шляпу.

— Как поживает мой обожаемый брат Альфред, Трессильян?

— Очень хорошо, сэр.

— С нетерпением ждет встречи со мной? — ухмыльнулся Гарри.

— Думаю, да, сэр.

— А вот я — нет! Я думаю с точностью до наоборот. Готов спорить, получив известие о моем приезде, он жутко расстроился. Мы с ним нико-

гда не ладили. Все еще читаете свою Библию, Трессильян?

— Ах… да, сэр, иногда, сэр.

— Помните притчу о возвращении блудного сына? Благонравный брат был ему не рад. Да что там! Он был потрясен. Готов спорить на что угодно, что и домосед Альфред тоже не возрадуется.

Трессильян молчал, глядя в пол. Его прямая, напряженная спина выражала протест. Гарри хлопнул его по плечу.

— Вперед, старина! — сказал он. — Меня ждет тучный телец. Ведите меня скорее к нему.

— Не изволите ли пройти в гостиную, сэр? Я не уверен, где в данный момент все находятся. Не зная точное время вашего прибытия, сэр, никто не смог встретить вас на станции.

Гарри кивнул и, вертя на ходу головой, последовал за старым слугой.

— Все старые вещи на своих прежних местах, — заметил он. — Похоже, здесь ничего не изменилось с тех пор, как я уехал отсюда двадцать лет назад.

Вслед за Трессильяном он вошел в гостиную.

— Пойду поищу мистера или миссис Альфред, — пробормотал старый дворецкий и оставил его одного.

Гарри Ли решительно шагнул в гостиную и оторопел: на подоконнике сидела девушка. Его взгляд скользнул по иссиня-черным волосам, по нежной матовой коже.

— О боже! — воскликнул он. — Вы, случайно, не седьмая по счету и самая красивая жена моего отца?[7]

Пилар соскользнула с подоконника и подошла к нему.

— Я Пилар Эстравадос, — представилась она. — А вы, должно быть, дядя Гарри, брат моей матери.

— Так вот вы кто! — воскликнул Гарри, не сводя с нее взгляда. — Дочь Дженнифер.

— Почему вы спросили меня, не седьмая ли я по счету жена вашего отца? У него действительно было шесть жен?

— Нет, насколько мне известно, официально всего одна, — рассмеялся Гарри. — Э-э-э… как, вы сказали, ваше имя?..

— Пилар.

— Знаете, Пилар, мне удивительно видеть нечто благоуханное вроде вас в этом мавзолее.

— В мав… простите, как вы сказали?

---

[7] Примечания: 7
Имеются в виду семь жен Синей Бороды из сказки Ш. Перро.

— В этом музее набальзамированных чучел! Я всегда считал этот дом мерзким. Теперь, когда я вижу его снова, он кажется мне еще отвратительнее!

— О нет, здесь так красиво! — растерянно возразила Пилар. — Мебель очень хорошая, и ковры… повсюду толстые ковры, и еще здесь много всяких украшений. Все очень хорошего качества и очень, очень дорогое!

— Вот тут вы правы, — с улыбкой согласился Гарри. — Вы даже не представляете, как мне приятно видеть вас среди этого…

Он не договорил. В комнату стремительно вошла Лидия и направилась прямо к нему.

— Как поживаете, Гарри? Я — Лидия, жена Альфреда.

— Здравствуйте, Лидия. — Он пожал ей руку, быстрым взглядом окинул умное, живое лицо и мысленно оценил ее походку — редко у кого из молодых женщин нынче хорошая походка.

Лидия, в свою очередь, критически оглядела Гарри. На вид сущий бандит, подумала она, хотя и симпатичный. Такому, как он, доверия нет.

— Как, на ваш взгляд, все выглядит спустя столько лет? — с улыбкой спросила она. — По-другому или так же?

— Я бы сказал, по-прежнему. — Он огляделся по сторонам. — Но эту комнату не узнать. Ее отделали заново.

— Да, пожалуй, и не один раз.

— Я имел в виду вас, — сказал Гарри. — Благодаря вам она приобрела новый вид.

— Я так и подумала…

Он улыбнулся хитроватой улыбкой, чем тотчас напомнил Лидии старика, что находится сейчас наверху.

— Сейчас она смотрится более элегантно! Помнится, я что-то слышал о том, что Альфред женился на девушке, чьи предки прибыли в наши края вместе с Вильгельмом Завоевателем.

Лидия улыбнулась.

— Наверное, так и было. Правда, с тех пор они пустили тут корни.

— Как поживет старина Альфред? — спросил Гарри. — Все такой же старый добрый брюзга?

— Мне трудно сказать, каким он вам покажется — прежним или изменившимся.

— А как остальные? Разлетелись по всей Англии?

— Они все соберутся здесь на Рождество.

Гарри сделал круглые глаза.

— Настоящее семейное Рождество? Что случи-

лось со стариком? Раньше он был начисто лишен сентиментальности. Не могу припомнить и его особой любви к ближним… Должно быть, он сильно изменился.

— Возможно, — сухо произнесла Лидия.

Пилар с интересом слушала их разговор.

— А как старина Джордж? — полюбопытствовал Гарри. — Все такой же скупердяй? Как он, бывало, брюзжал, когда был вынужден расставаться с полпенни своих карманных денег.

— Джордж — член парламента, — сообщила Лидия. — Представляет там избирателей Уэстерингема.

— Что?! Лупоглазый в парламенте? Господи, вот это здорово!

Гарри откинул голову и расхохотался. Громоподобный хохот, в стенах комнаты он прозвучал пугающе грубо. У Пилар перехватило дыхание. Лидия поежилась.

Внезапно, уловив за спиной какое-то движение, Гарри умолк и резко обернулся. Он не слышал, как кто-то вошел, но теперь в комнате неподвижно стоял Альфред и со странным выражением смотрел на брата.

Гарри с минуту стоял неподвижно, затем его губы растянулись в улыбке.

— Да это же Альфред! — воскликнул он, шагнув навстречу брату.

Альфред кивнул.

— Привет, Гарри.

Оба стояли, глядя друг на друга. Лидия затаила дыхание. «Какой абсурд, — подумала она. — Смотрят друг на друга, как два пса».

Глаза Пилар округлились еще больше.

«Как глупо они выглядят, — подумала она. — Почему не обнимутся? Впрочем, у англичан нет такой привычки. Но они могли хотя бы что-то сказать друг другу. Почему они просто обмениваются взглядами?»

— Забавно снова оказаться здесь, — наконец сказал Гарри.

— Пожалуй… да. Сколько лет прошло… с тех пор… как ты уехал.

Гарри гордо вскинул голову и провел пальцем по подбородку. Это был привычный жест, означавший воинственность.

— Да, — сказал он. — Я рад, что приехал… — Немного помолчав, он многозначительно добавил: — *Домой*.

Глава 2

— Наверное, я был порочный человек, — произнес Симеон Ли.

Старик сидел, откинувшись на спинку кресла. Вскинув подбородок, он принялся задумчиво водить по нему пальцем. В камине перед ним ярко пылал огонь. Рядом, держа в руке некое подобие веера из папье-маше, сидела Пилар. Она прикрывала им лицо от жара и время от времени грациозно обмахивалась. Симеон довольно наблюдал за ней.

Он заговорил дальше, обращаясь скорее к себе самому, нежели к девушке, чье присутствие служило ему лишь стимулом.

— Да, я был порочный человек, — повторил он. — Что скажешь на это, Пилар?

Девушка пожала плечами.

— Все мужчины порочны. Так говорят монахини. Поэтому и нужно молиться за них.

— Но я был более порочен, чем основная масса мужчин. — Симеон Ли рассмеялся. — Знаешь, я не жалею об этом. Я вообще ни о чем не жалею. Я всегда наслаждался жизнью… каждой ее минутой. Говоря, что с возрастом возникает желание

покаяться в содеянном. Это чепуха. Я ни о чем не жалею. И я скажу тебе… Я сделал много такого… Короче говоря, много грешил. Мошенничал, и воровал, и лгал… Да, Господи! И женщины… всегда были женщины! Кто-то недавно рассказал мне, что один арабский шейх имел охрану из сорока собственных сыновей… все примерно одного возраста. Вот как! Сорок человек. Не знаю насчет сорока, но готов спорить, что легко мог бы собрать внушительную охрану, если б знал всех своих отпрысков. Эй, Пилар, что скажешь на это? Ты потрясена?

Взгляд девушки даже не дрогнул.

— Нет. С чего бы мне? Мужчины всегда хотят женщин. Мой отец был таким. Поэтому жены часто бывают несчастны и ходят в церковь молиться.

Старый Симеон Ли нахмурился.

— Я сделал Аделаиду несчастной, — признался он еле слышно, как будто разговаривал сам с собой. — Боже, что за женщина! Когда я женился на ней, она была этакой воздушной красавицей! И что потом? Вечно плакала и ныла. Своим вечным нытьем женщина способна разбудить дьявола в любом мужчине… Никакого характера, вот что с ней было не так. Хотя бы раз она дала мне отпор!

Так нет… ни разу. Я думал, когда женюсь на ней, то остепенюсь, заведу детей, навсегда забуду старую жизнь…

Голос Симеона сорвался. Он уставился на огонь в камине.

— Создать семью… Господи, что за семья! — Симеон неожиданно зло рассмеялся. — Ты только посмотри на них!.. Среди них нет ни одного, кто мог бы продолжить мое дело. Что с ними такое? Как будто в их жилах течет не моя кровь! Ни одного настоящего сына, законного или прижитого на стороне. Взять, к примеру, Альфреда… О небо, в какую скуку он вгоняет меня! Вечно смотрит на меня преданными собачьими глазами; готов сделать все, о чем я попрошу… Господи, что за болван! Не то что его жена, Лидия… Лидия мне нравится. В ней есть сила воли. Хотя она меня и не любит. Да, она меня не любит. Но ей приходится мириться со мной из-за этой тряпки Альфреда. — Симеон посмотрел на сидевшую возле камина девушку. — Помни, Пилар, нет ничего скучнее, чем преданность.

Девушка улыбнулась ему.

— Джордж? — продолжил старик, взбодренный присутствием молодости и женственности. — А что Джордж? Болван. Фаршированная рыба. На-

пыщенный болтун, без мозгов и решительности. К тому же страшный скупердяй. Дэвид? Дэвид всегда был глупцом и мечтателем. Маменькин сынок, вот кто такой Дэвид. Единственный разумный его поступок — то, что он женился на этой разумной женщине. — С этими словами Симеон хлопнул ладонью по подлокотнику кресла. — Лучший из них — Гарри! Старина Гарри, блудный сын! Зато, по крайней мере, *живой*.

— Верно, — согласилась Пилар. — Он симпатичный. Он смеется, громко смеется и задорно откидывает назад голову. О, да, он мне нравится.

Старик удивленно посмотрел на нее.

— Правда, Пилар? Гарри всегда умел производить впечатление на женщин. В этом он пошел в меня. — Старик рассмеялся дребезжащим смешком. — У меня была хорошая жизнь, очень хорошая. В ней было много всего.

— В Испании есть поговорка, — сказала Пилар. — «Бери что хочешь, только плати, говорит Господь».

Симеон одобрительно шлепнул по подлокотнику кресла.

— Правильно сказано. Так и надо. Бери что хочешь… Я так и поступал… всю мою жизнь… брал то, что хотел…

— И вы платили? — неожиданно высоким и чистым голосом спросила Пилар.

Смех оборвался. Симеон выпрямился в кресле и в упор посмотрел на нее.

— Что ты сказала? — уточнил он.

— Я спросила — вы платили за это, дедушка?

— Не знаю, — медленно произнес старик и, ударив по подлокотнику кулаком, сердито добавил: — Почему ты это сказала, девочка? Что заставило тебя спросить это?

— Я просто хотела узнать… — ответила Пилар.

Ее рука, державшая «веер», застыла в воздухе. В темных глазах промелькнуло нечто загадочное. Она сидела, вызывающе откинув голову, как будто осознавала свою женственность.

— Дьявольское отродье… — произнес Симеон.

— Но я-то вам нравлюсь, дедушка. Вам нравится, что я сейчас сижу рядом с вами, — вкрадчиво произнесла Пилар.

— Конечно, нравится, — согласился старик. — Я давно уже не видел никого столь юного и прекрасного… Мне приятно твое соседство… оно согревает мои старые кости… К тому же ты моя плоть и кровь… Молодчина Дженнифер, оказалась лучшей из моих детей.

Пилар польщенно улыбнулась.

— Знай, тебе меня не обмануть, — сказал Симеон. — Я понимаю, почему ты сидишь здесь и слушаешь терпеливо мои россказни. Это деньги… Это все деньги… Ведь ты наверняка притворяешься, будто любишь своего старого деда?

— Нет, я вас не люблю, — бесхитростно призналась Пилар. — Но вы мне нравитесь. Вы мне очень нравитесь. Вы должны верить мне, ибо это правда. Пожалуй, вы были дурным человеком, но мне это тоже в вас нравится. Вы куда более живой, чем все прочие люди в этом доме. И вам есть что рассказать. Вы много путешествовали и прожили жизнь, полную приключений. Будь я мужчиной, я была бы такой, как вы.

Симеон кивнул.

— Да, я верю, что так оно и было бы… В нас есть цыганская кровь, так всегда говорили. Она не слишком проявилась в моих детях, разве что в Гарри. Но, похоже, она хорошо проявилась в тебе. Однако, если нужно, я могу быть терпеливым. Я ждал целых пятнадцать лет, чтобы отомстить человеку, который причинил мне зло. Это еще одна наша семейная черта — мы ничего не забываем! Мы отомстим обидчику, даже если надо ждать несколько лет. Один человек обманул меня. Я ждал целых пятнадцать лет, пока наконец

не представился случай отплатить за обиду. И тогда я нанес ответный удар. Я погубил его. Разорил дочиста! — Он тихо рассмеялся.

— Это было в Южной Африке? — уточнила Пилар.

— Да. Прекрасная страна.

— И вы в ней были?

— В последний раз я отправился туда через пять лет после женитьбы. Это был последний раз.

— А до этого? Вы много лет там пробыли?

— Да.

— Расскажите мне об этом.

Симеон начал рассказ. Пилар, прикрывая лицо «веером», слушала. Вскоре голос старика ослаб и сделался тише.

— Погоди, я тебе кое-что покажу, — сказал он.

Он осторожно встал на ноги, опираясь на трость, прошаркал через комнату и открыл большой сейф. Обернувшись, пальцем подозвал Пилар.

— Вот, посмотри на это. Потрогай их, ощути их прикосновение.

Заметив ее удивленное лицо, старик рассмеялся.

— Знаешь, что это такое? Это алмазы, дитя мое, алмазы.

Пилар сделала большие глаза.

— Но это же обычные камешки, — произнесла она, наклонившись.

Симеон снова рассмеялся.

— Это неограненные алмазы. Такими их нашли, именно такими.

— Но если их огранить и отшлифовать, они станут настоящими бриллиантами? — недоверчиво спросила Пилар.

— Разумеется.

— И будут сиять и сверкать?

— Именно. Сиять и сверкать.

— Вот это да! Даже не верится! — совсем по-детски воскликнула Пилар.

Старик улыбнулся.

— Но это так.

— Они дорого стоят?

— Дорого. До огранки трудно определить их истинную цену. В любом случае эта горстка тянет на несколько тысяч фунтов.

— Несколько… тысяч… фунтов? — спросила Пилар, делая паузу после каждого слова.

— Скажем так, девять или десять тысяч. Это камешки приличных размеров.

— Почему вы не хотите их продать? — задала вопрос Пилар, еще шире распахнув глаза.

— Потому что я не хочу с ними расставаться.

— Но это же деньги!

— Мне не нужны деньги.

— Понятно, — сказала она, явно впечатленная таким ответом. — Тогда почему вы не отдаете их в огранку, чтобы они стали красивыми?

— Потому что такими они мне больше нравятся. — Лицо старика приняло суровое выражение. Он отвернулся и заговорил, как будто обращаясь к самому себе. — Они переносят меня в прошлое… я люблю трогать их, люблю ощущать их в моих пальцах… Ко мне возвращаются воспоминания… солнце, запах вельда… Волы… старый Эйб… все эти парни… вечера…

Раздался робкий стук в дверь.

— Положи их в сейф и захлопни дверцу, — велел девушке Симеон и крикнул: — Войдите!

В комнату — как всегда, почтительно и бесшумно — вошел Хорбери.

— Внизу готов чай, — сообщил он.

Глава 3

— Вот ты где, Дэвид… Я везде искала тебя, — сказала Хильда. — Давай уйдем из этой комнаты. Здесь жутко холодно.

Дэвид ответил не сразу. Он с минуту стоял, молча глядя на кресло, низкое кресло с выцветшей атласной обивкой. Затем внезапно произнес:

— Это ее кресло… кресло, в котором она всегда сидела. Оно осталось прежним. Лишь выцвела обивка.

Хильда нахмурила лоб.

— Понятно, — сказала она. — Уйдем отсюда, Дэвид. Здесь жутко холодно.

Но муж как будто не услышал ее.

— Она чаще всего сидела в этом кресле, — произнес он, оглянувшись по сторонам. — Помню, как я сам сидел на стуле с ней рядом, а она читала мне книжки. «Джек — истребитель великанов»[8] — вот что она читала мне… «Джек — истребитель великанов». Мне тогда было лет шесть.

Хильда решительно взяла его под руку.

— Пойдем в гостиную, дорогой. В этой комнате

---

[8] Примечания: 8
Английская народная сказка.

нет отопления.

Дэвид послушно повернулся, но она уловила, как он вздрогнул.

— То же самое, — пробормотал мужчина. — То же самое. Время как будто остановилось…

На лице Хильды промелькнула тревога.

— Интересно, где остальные? Ведь уже почти время для чая, — нарочито бодрым голосом произнесла она.

Дэвид высвободил руку и открыл другую дверь.

— Там раньше стояло пианино… Да, вот оно! Интересно, оно настроено?

Он сел за пианино и, открыв крышку, пробежался пальцами по клавишам.

— Да, похоже, его регулярно настраивали.

Дэвид заиграл. Его техника была превосходной, мелодия легко лилась из-под его пальцев.

— Что это за мелодия? — спросила Хильда. — Знаю ее, но никак не могу вспомнить.

— Я уже много лет ее не играл, — ответил Дэвид. — Когда-то ее исполняла *она*. Одна из «Песен без слов» Мендельсона.

Нежная — пожалуй, даже чересчур — мелодия наполнила комнату.

— Сыграй что-нибудь из Моцарта, — попросила

Хильда.

Дэвид покачал головой и заиграл еще одну композицию Мендельсона, но внезапно с силой ударил по клавишам и резко встал. Было видно, что он весь дрожит.

Хильда подошла к нему.

— Дэвид, Дэвид… — произнесла она, пытаясь его успокоить.

— Ничего… ничего… — ответил он.

Глава 4

Настойчиво прозвенел звонок. Трессильян поднялся со своего стула в буфетной и медленно направился к входной двери.

Звонок прозвенел снова.

Слуга нахмурился. Сквозь матовое стекло двери виднелся силуэт человека в шляпе.

Трессильян потер лоб. Что-то было не так. Как будто некое наваждение повторялось снова. Ведь наверняка это уже было. Наверняка…

Он отодвинул засов и открыл дверь.

В следующее мгновение наваждение исчезло.

— Здесь живет мистер Симеон Ли? — спросил стоявший перед ним человек.

— Да, сэр.

— Я хотел бы видеть его.

В Трессильяне легким эхом промелькнуло воспоминание. Интонация голоса напомнила ему те давние дни, когда мистер Ли только-только приехал в Англию.

Трессильян недоверчиво покачал головой.

— Мистер Ли — инвалид, сэр. И по причине нездоровья почти никого не принимает. Если вы, сэр…

Незнакомец не дал ему договорить. Он вытащил из кармана письмо и протянул его Трессильяну.

— Прошу вас отнести это мистеру Ли.

— Да, сэр.

Глава 5

Симеон Ли взял конверт и извлек из него единственный лист. Вид у него был озадаченный. Брови вопросительно поплыли вверх, однако губы растянулись в улыбке.

— Это просто замечательно! — воскликнул он и, повернувшись к слуге, добавил: — Приведи сюда мистера Фарра, Трессильян.

— Слушаюсь, сэр.

— Я как раз вспоминал старину Эбенезера Фарра, — сказал Симеон. — Он был моим партнером в Кимберли. И вот теперь приехал его сын.

В комнату снова вошел Трессильян.

— Мистер Фарр, — объявил он.

Вошел Стивен. Он явно нервничал и пытался прикрыть свое волнение развязностью.

— Мистер Ли? — спросил молодой человек, и на мгновение южноафриканский акцент прозвучал в его голосе резче обычного.

— Я рад вас видеть. Значит, вы сын Эйба?

Стивен Фарр глуповато улыбнулся.

— Мой первый приезд на старую родину, — сказал он. — Отец всегда говорил мне, что я должен непременно увидеться с вами.

— Верно, — произнес старик и оглянулся. — Это моя внучка, Пилар Эстравадос.

— Как поживаете? — сдержанно сказала Пилар.

«Хладнокровная маленькая чертовка, — не без восхищения подумал Стивен. — Удивилась, когда увидела меня здесь, но не показала вида».

— Рад познакомиться с вами, мисс Эстравадос, — с нажимом произнес он.

— Благодарю вас, — ответила Пилар.

— Садитесь, — предложил Симеон Ли, — и расскажите мне о себе. Вы надолго в Англию?

— Теперь можно не спешить, коль я приехал сюда, — рассмеялся гость.

— Верно, — согласился Симеон. — Вы должны погостить у нас.

— Послушайте, сэр. Я не могу вот так навязывать себя вам. До Рождества остается всего два дня…

— Вы должны отпраздновать Рождество вместе с нами. Или у вас имеются другие планы?

— Вообще-то, нет, но мне не хотелось бы…

— Тогда решено, — заявил Симеон и повернулся к внучке. — Пилар?

— Да, дедушка.

— Сходи к Лидии и скажи ей, что у нас еще один

гость. Попроси ее подняться сюда.

Пилар вышла из комнаты. Стивен проводил ее глазами, что не скрылось от Симеона.

— Вы приехали прямо из Южной Африки? — спросил он.

— Именно так.

И они завели разговор об этой стране.

Через несколько минут в комнату вошла Лидия.

— Лидия, это Стивен Фарр, сын моего давнего друга и партнера Эбенезера Фарра, — пояснил Симеон. — Он останется у нас на Рождество, если вы сможете найти для него комнату.

— Разумеется, — улыбнулась Лидия, и ее взгляд задержался на госте. Она тут же отметила его загорелое лицо, голубые глаза и гордую посадку головы.

— Моя невестка, — сообщил Фарру Симеон Ли.

— Право, мне неловко, — произнес Стивен. — Неудобно навязывать себя, тем более канун семейного праздника.

— Вы такой же член нашей семьи, мой мальчик, — возразил Симеон. — Считайте нас своей родней.

— Вы очень добры, сэр.

В комнату вернулась Пилар. Она молча села

возле камина и, взяв в руки «веер», принялась им обмахиваться. Взгляд ее был скромно устремлен в пол.

Часть III
24 декабря

Глава 1

— Отец, ты действительно хочешь, чтобы я остался здесь? — спросил Гарри, с вызовом откинув голову назад. — Я разворошил осиное гнездо, ты же знаешь.

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил Симеон.

— Братца Альфреда, — ответил Гарри. — Моего доброго братца Альфреда! Ему, если мне позволено это сказать, неприятно мое присутствие в доме.

— Черта с два! — оборвал его Симеон. — Хозяин этого дома я!

— И все равно, сэр, я полагаю, что вы слишком зависите от Альфреда. Я не хотел бы расстраивать…

— Ты поступишь так, как я тебе говорю! — рявкнул на него отец.

Гарри нарочито зевнул.

— Что-то подсказывает мне, что я вряд ли превращусь в домоседа. Слишком душно здесь для человека, которого изрядно побросало по свету.

— Тебе пора жениться. Сколько можно порхать по жизни? — сказал Симеон.

— На ком? — спросил Гарри. — Жаль, что нельзя жениться на племяннице. Юная Пилар чертовски хороша.

— Положил на нее глаз?

— Коль речь зашла о женитьбе, скажу, что толстяк Джордж неплохо устроился. Кем была его женушка?

Симеон пожал плечами.

— Откуда мне знать? Джордж подцепил ее на каком-то показе мод, если не ошибаюсь. Она утверждает, что ее отец — отставной морской офицер.

— Наверное, был вторым помощником капитана каботажного судна, — сказал Гарри. — У Джорджа, если он не проявит благоразумия, возникнут с ней неприятности.

— Джордж — болван, — заключил Симеон.

— Зачем она вышла за него замуж? Из-за денег?

Симеон пожал плечами.

— Думаешь, что сможешь расквитаться с Альфредом? — спросил Гарри.

— Скоро сам увидишь, — мрачно ответил отец и позвонил в колокольчик. Хорбери появился практически мгновенно. — Попроси мистера Альфреда зайти ко мне.

Хорбери вышел.

— Этот тип подслушивает под дверью, — предположил Гарри.

Симон в очередной раз пожал плечами.

— Возможно.

В комнату решительно вошел Альфред. Заметив брата, невольно поморщился.

— Ты хотел видеть меня, отец? — спросил он, демонстративно игнорируя присутствие брата.

— Да. Садись. Я тут подумал, что мы должны пересмотреть кое-какие вещи, потому что теперь в доме будут жить еще два человека.

— Еще *два*?

— Для Пилар это родной дом, естественно. Да и для Гарри тоже.

— Гарри тоже будет жить здесь? — уточнил Альфред.

— Почему бы нет, старина? — спросил Гарри.

Альфред резко повернулся к нему.

— Я думал, ты и сам это понял.

— Извини, но это не так.

— После того, что случилось? Ты нас опозорил. Тот скандал…

Гарри сделал примирительный жест.

— Все осталось в прошлом, старина.

— Ты поступил некрасиво по отношению к

отцу, после всего, что он для тебя сделал.

— Послушай, Альфред, тебе не кажется, что это касается в первую очередь отца? Если он хочет простить и забыть…

— Я так хочу, — сказал Симеон. — Гарри мой сын, в конце концов, и ты это знаешь, Альфред.

— Да, но… мне неприятно… за отца.

— Гарри будет жить здесь! — заявил Симеон. — Я так хочу. — Он положил руку на плечо сыну. — Я очень люблю Гарри.

Альфред встал и вышел из комнаты. Его лицо было белым как мел. Гарри встал и, смеясь, последовал за ним.

Симеон усмехнулся. Затем вздрогнул и огляделся по сторонам.

— Что это за чертовщина?.. Ах, это ты, Хорбери… Прекращай ходить крадучись.

— Прошу прощения, сэр.

— Ладно. Послушай, хочу дать тебе распоряжение. Пусть после ланча все поднимутся сюда. *Все, до единого*.

— Да, сэр.

— И еще. Когда они придут, ты придешь вместе с ними. Когда окажешься на полпути в коридоре, *начни говорить громко, чтобы я мог тебя услышать*. Подойдет любой предлог. Ты меня понял?

— Да, сэр.

Хорбери отправился вниз.

— Если хотите знать мое мнение, нас ждет веселое Рождество, — сказал он Трессильяну.

— Ты на что намекаешь? — резко спросил тот.

— Погодите и все поймете, мистер Трессильян. Сегодня сочельник, и повсюду бродит веселый дух Рождества… В общем, сами увидите!

Глава 2

Они вошли в комнату и замерли у порога.

Симеон разговаривал по телефону.

— Садитесь! — Старик махнул рукой. — Одну минутку, — добавил он и продолжил разговор с невидимым собеседником на другом конце провода. — Это «Чарльтон, Ходжкинс и Брюс»? Это вы, Чарльтон? С вами говорит Симеон Ли. Да… Неужели?.. Да… Нет, я хотел бы составить новое завещание… Да, с тех пор, как я его составил, прошло немало времени… Обстоятельства изменились… Нет-нет… никакой спешки. Не хочу портить вам Рождество. Можно сразу после Дня подарков[9] или даже денька через два. Приезжайте, и я скажу вам, какие изменения следует внести… Нет-нет, у меня все в порядке. Я пока еще не собираюсь на тот свет.

Симеон вернул телефонную трубку на рычаг и посмотрел на восьмерых членов своей семьи.

— Как-то вы все мрачно выглядите, — усмех-

---

[9] Примечания: 9

День подарков — первый будний день после Рождества, в который принято дарить подарки домашней обслуге и приходящим в дом работникам сферы услуг.

нулся он. — Что случилось?

— Ты послал за нами… — начал Альфред.

— Извините… ничего важного, — быстро ответил Симеон. — Или вы решили, что это семейный совет? Нет, я просто устал сегодня, только и всего. Вам не нужно подниматься ко мне после ужина. Я лягу спать. Хочу хорошо выспаться — и проснуться в Рождество свежим, как огурчик. — Старик усмехнулся.

— Конечно, конечно, — серьезным тоном произнес Джордж.

— Старая добрая традиция — Рождество, — сказал Симеон. — Помогает упрочить семейные узы. Ты согласна со мной, дорогая Магдалена?

Магдалена Ли вздрогнула. Ее глупый маленький рот приоткрылся и тут же закрылся снова.

— О… да! — сказала она.

— Одну минутку, — начал старик, — ты жила с отставным морским офицером… своим отцом. Вряд ли вы отмечали Рождество с размахом. Для этого нужна большая семья!

— Да… да… пожалуй, так… верно.

Взгляд Симеона скользнул мимо нее.

— Не хотелось бы по случаю праздника говорить о неприятных вещах, но, Джордж, боюсь, мне придется слегка урезать твое содержание. К

сожалению, дом потребует в будущем дополнительных расходов.

Лицо Джорджа сделалось пунцовым.

— Но, отец, ты не можешь так поступить!

— Неужели? — вкрадчиво спросил Симеон

— Мои расходы велики. Крайне велики. Скажу больше, я не знаю, как свести концы с концами. Приходится экономить буквально на всем.

— Пусть этим займется твоя жена, — невозмутимо произнес старик. — Женщины знают в этом толк. Они часто находят способ сэкономить там, где мужчинам это даже в голову не придет. Умная женщина может сама шить себе одежду. Моя жена, насколько мне помнится, ловко обращалась с иголкой. Она со всем справлялась… славная была женщина, но страшная зануда…

Дэвид вскочил с места.

— Сядь! — сказал ему отец. — Еще что-нибудь разобьешь…

— Моя мать… — начал Дэвид.

— У твоей матери мозги были, как у блохи! — заявил Симеон. — Боюсь, что она передала их детям.

Он неожиданно поднялся с кресла. На его щеках выступили красные пятна; голос сделался высоким и пронзительным.

— Вы не стоите даже пенни, ни один из вас! Вы все мне противны! Вы не мужчины! Вы — слюнтяи, кучка женоподобных слабаков! Одна Пилар стоит вас двоих вместе взятых! Клянусь всеми святыми, у меня в этом мире есть другой сын, который куда лучше любого из вас, даже если вы родились в законном браке!

— Послушай, отец, погоди! — крикнул Гарри и, вскочив на ноги, застыл на месте. Его обычно добродушное лицо было хмурым.

— То же самое касается и тебя! — оборвал его Симеон. — Что ты за всю свою жизнь сделал? Со всех концов света умолял меня прислать тебе денег! Говорю вам всем — меня тошнит от одного вашего вида! Ступайте прочь!

Тяжело дыша, он откинулся на спинку кресла. Члены семьи медленно, один за другим вышли из комнаты. Джордж кипел возмущением. На лице Магдалены застыл испуг. Дэвид был бледен и заметно дрожал. Гарри стремительно выскочил из комнаты. Альфред вышел с видом сомнамбулы. Лидия последовала за ним с гордо поднятой головой. Лишь Хильда задержалась у порога и медленно вернулась в комнату, где встала рядом с креслом старика.

Когда тот открыл глаза и увидел ее, то невольно

вздрогнул. Было в ее неподвижно застывшей позе нечто зловещее.

— Что такое? — раздраженно спросил Симеон.

— Получив ваше письмо, я поверила вашим словам… будто вы хотите, чтобы на Рождество вокруг вас собралась вся ваша семья. И я убедила Дэвида приехать сюда.

— И что и этого? — спросил Симеон.

— Вы ведь хотели, чтобы вокруг вас собралась вся семья, — медленно проговорила Хильда. — Но не с той целью, которую заявили. Вы собрали их здесь затем, чтобы всех перессорить! Бог вам в помощь, если вы решили таким образом позабавиться!

— Меня всегда отличало специфическое чувство юмора, — усмехнулся старик. — Я не жду, что кто-то оценит мою шутку. Я сам доставляю себе удовольствие!

Хильда ничего не сказала. Симеону это не понравилось.

— О чем ты задумалась? — резко спросил он.

— Я боюсь… — нехотя призналась Хильда Ли.

— Ты боишься… меня? — уточнил старик.

— Не вас, — ответила она. — Я боюсь за *вас*!

Словно судья, который только что вынес приговор, она отвернулась от него и медленной,

тяжелой поступью вышла из комнаты.

Симеон проводил ее глазами. Затем поднялся и подошел к сейфу.

— Давай-ка взглянем на моих красоток, — пробормотал он.

Глава 3

Без четверти восемь раздался дверной звонок. Трессильян отправился открыть дверь.

Вернувшись в кладовую, он застал там Хорбери. Тот поднимал с подноса кофейные чашки и разглядывал клеймо на донышке.

— Кто это был? — поинтересовался Хорбери.

— Суперинтендант полиции, мистер Сагден… осторожнее!

Поздно. Хорбери выронил чашку, и она разбилась.

— Вы только посмотрите! — посетовал Трессильян. — Одиннадцать лет я мыл этот сервиз и не разбил ни одной чашки. И вот появляешься ты, прикасаешься к тем вещам, к которым не следует прикасаться, — и посмотри, что случилось!

— Простите, мистер Трессильян. Мне очень жаль, — извинился лакей; на его лице выступили бисеринки пота. — Даже не знаю, как это получилось. Вы сказали, что заходил суперинтендант полиции?

— Да, мистер Сагден.

Лакей облизал пересохшие губы.

— Что ему… Зачем он приходил?

— Собирал пожертвования на приют для детей полицейских.

— Вот как! — Хорбери распрямил плечи и более естественным голосом спросил: — Ему что-то дали?

— Я отнес мистеру Ли книгу с подписями жертвователей. Он попросил меня пригласить суперинтенданта к нему наверх и принести им хересу.

— Сплошное попрошайничество в это время года, — заметил Хорбери. — Несмотря на кучу недостатков, старый черт щедр, с этим не поспоришь.

— Мистер Ли всегда был чужд скаредности, — с достоинством проговорил старый дворецкий.

Хорбери согласно кивнул.

— Это лучшее, что в нем есть! Ну, мне пора идти.

— Собрался в кино?

— Пожалуй, схожу. Еще увидимся. До скорого, мистер Трессильян.

С этими словами Хорбери вышел в дверь, ведущую в прихожую для прислуги.

Трессильян посмотрел на часы на стене, затем проследовал в столовую и положил в кольца салфетки. Удостоверившись, что все в полном

порядке, вышел в холл и ударил в гонг. Когда затихла последняя нота, по лестнице спустился суперинтендант полиции.

Мистер Сагден был красивым мужчиной крупного телосложения. Одет он был в застегнутый на все пуговицы синий костюм. Было видно, что его переполняет ощущение собственной значимости.

— Похоже, сегодня будет морозная ночь, — приветливо произнес он. — Это хорошо, в последнее время погода была не по сезону сырой и теплой.

— В сырую погоду дает о себе знать мой ревматизм, — покачал головой Трессильян.

Полицейский согласился, что ревматизм — малоприятная штука. Старый дворецкий проводил его до двери, закрыл дверь и медленно вернулся в холл. Здесь он потер глаза и вздохнул. Когда же выпрямил спину и убрал руку, то увидел, что в гостиную вошла Лидия. Одновременно с ней спускался по лестнице Джордж Ли.

Трессильян в готовности застыл на месте. Как только в гостиную последней вошла Магдалена, дворецкий вошел сам и объявил:

— Ужин подан.

Трессильян по-своему был знатоком дамских платьев. Обходя стол с графином в руке, он всегда

отмечал про себя дамские наряды и часто критиковал их.

Миссис Альфред, отметил он про себя, надела новое платье из черно-белой тафты с крупным цветочным рисунком. Тотчас бросается в глаза. Такой мало кому пошел бы, но ей идет.

Платье на миссис Джордж явно модельное и стоит кучу денег. Интересно, сколько мистеру Джорджу пришлось за него выложить? Мистер Джордж всегда неохотно расставался с деньгами — не любил их тратить.

А вот и миссис Дэвид: милая женщина, но полное отсутствие вкуса. Лучше всего ее фигуре пошел бы простой черный бархат. Узорчатый, да к тому же красный бархат — далеко не лучший выбор.

Так, мисс Пилар. С ее фигурой и волосами можно носить все что угодно, она во всем будет хороша. Правда, сейчас на ней дешевенькое белое платье. Ничего, мистер Ли о ней позаботится. Он уже успел к ней привязаться. Такое частенько случается с пожилыми джентльменами. Юное личико способно творить чудеса.

— Рейнвейн или кларет? — почтительным шепотом предложил Трессильян миссис Джордж. Краем глаза он отметил, что Уолтер, лакей, снова

подавал овощи перед соусом, а ведь ему сто раз говорили этого не делать!

Трессильян обошел стол, предлагая суфле. Оценив про себя дамские наряды и мысленно отругав болвана Уолтера, он внезапно отметил, что этим вечером за столом как-то непривычно тихо. Впрочем, нет, не совсем так. Мистер Гарри говорил за два десятка человек вместе взятых. Или нет, это не мистер Гарри, а джентльмен из Южной Африки. Остальные тоже разговаривали, но как будто через силу. Было в этом нечто… странное.

Мистер Альфред, например, выглядел больным. Как будто пережил некое потрясение. Он был погружен в себя и рассеянно ковырялся в тарелке, но ничего не ел. Его супруга была явно этим обеспокоена.

От внимания Трессильяна это не ускользнуло. Он смотрел на сидящих за столом — разумеется, незаметно, украдкой. Лицо мистера Джорджа раскраснелось, он глотал еду, не успев даже почувствовать ее вкус. Когда-нибудь его хватит удар, если он не будет заботиться о своем здоровье. Миссис Джордж даже не притронулась к еде. Не иначе как бережет фигуру. А вот мисс Пилар ест с удовольствием, разговаривает и шутит с джентльменом из Южной Африки. Похоже, он к

ней неравнодушен. И вообще, эти двое — единственные, кому действительно весело.

Мистер Дэвид? Трессильян тотчас нахмурился. Дэвид весь в мать, хорош собой. И по-прежнему выглядит на удивление молодо. Зато ужасно нервный. Вот сейчас опрокинул бокал… Трессильян быстро его убрал и промокнул разлитое на скатерть вино. Порядок был восстановлен. Мистер Дэвид, похоже, даже не заметил, что произошло, и продолжал сидеть с побелевшим лицом, глядя прямо перед собой.

Кстати, о бледных лицах. Помнится, Хорбери забавно побледнел в буфетной, когда услышал, что в дом приходил полицейский… как будто… Мысли Трессильяна прервал очередной стук. Это Уолтер уронил грушу с подноса с фруктами. Нынешние лакеи никуда не годятся! При таком отношении к делу им место не в доме, а на конюшне!

Он обошел стол, предлагая портвейн. Мистер Гарри сегодня слегка сердит. Не сводит глаз с мистера Альфреда. Они всегда недолюбливали друг друга, особенно в детстве. Мистер Гарри всегда был отцовским любимчиком, к великой зависти мистера Альфреда. Мистер Симеон Ли был равнодушен к мистеру Альфреду. Какая

жалость, потому что мистер Альфред был всегда ему предан…

Ага, миссис Альфред встала с места и беглым взглядом окинула сидящих за столом. Какой, однако, красивый рисунок на ее платье, пелерина тоже хороша… Эта женщина знает толк в нарядах.

Закрыв дверь в гостиную, где джентльмены пили портвейн, Трессильян вернулся в буфетную. Затем отнес в гостиную поднос с кофейником и чашками. Четыре дамы сидели там, устроившись — как он подумал — довольно неуютно. Никто из них не разговаривал. Он в молчании подал им кофе. Затем снова вышел. По пути в буфетную услышал, как дверь в столовую открылась. В двери показался Дэвид Ли и через холл зашагал в гостиную.

Трессильян вернулся в буфетную, где сделал Уолтеру строгий выговор. А тот, наглец этакий, позволил себе огрызаться!

Оставшись в буфетной один, Трессильян устало опустился на стул. Почему-то им овладело уныние. Сочельник и вся эта суматоха… Нет, это ему решительно не нравилось!

Сделав над собой усилие, он встал и отправился в гостиную забрать кофейные чашки. Комната

была пуста, если не считать Лидии, которая, наполовину закрытая шторой, стояла у окна в дальнем конце комнаты. Стояла, вглядываясь в темноту.

Из-за соседней двери раздались звуки пианино. Играл мистер Дэвид. Но почему, спросил себя Трессильян, мистер Дэвид играет «Похоронный марш»? Потому что это действительно был похоронный марш. Нет, тут явно что-то не так…

Трессильян медленно вернулся в свою буфетную.

Внезапно сверху донесся грохот: было слышно, как бьется фарфор и опрокидывается мебель, раздается треск и глухие удары. «О господи! — подумал Трессильян. — Что там делает хозяин? Что там происходит?»

Затем донесся крик — высокий и ясно различимый, — жуткий пронзительный вопль, тут же превратившийся в какой-то клекот или хрип.

Трессильян на какой-то миг окаменел, словно парализованный, затем выскочил в коридор, а оттуда по широкой лестнице поспешил наверх. За ним последовали все остальные. Крик был слышен во всем доме.

Взбежав по ступенькам, они обогнули угол и мимо зловеще белеющих статуй бросились по

коридору к дверям комнаты Симеона Ли. Мистер Фарр был уже там, так же как и миссис Дэвид. Она стояла, прислонившись спиной к стене. Молодой человек энергично крутил дверную ручку.

— Дверь заперта! — твердил он. — Дверь заперта!

Гарри Ли решительно оттолкнул его в сторону и, завладев дверной ручкой, решительно ее покрутил.

— Отец! — крикнул он. — Отец, впусти нас!

Затем вскинул руку, призывая к тишине, и все замолчали и прислушались. Ответа не последовало. Из комнаты не донеслось ни звука.

Зато позвонили в переднюю дверь, однако никто не обратил внимания.

— Придется выбить дверь, — предложил Стивен Фарр. — Ничего другого не остается.

— Это будет нелегко, — отозвался Гарри. — Двери здесь крепкие. Помогай, Альфред!

Все трое дружно поднатужились. В конце концов пришлось сбегать за дубовой скамьей, которую использовали в качестве тарана. Наконец дверь поддалась. Петли вылетели, и дверь с треском вывалилась из косяка.

Примерно минуту все стояли, столпившись и вглядываясь в дверной проем. То, что они там

увидели, никто никогда не сможет забыть…

В комнате явно имела место яростная борьба. Тяжелая мебель была перевернута, пол усыпан осколками фарфоровых ваз. На коврике перед ярко пылающим камином в огромной луже крови лежал Симеон Ли… Все вокруг было забрызгано кровью. В комнате царил полный разгром.

Раздался долгий, надрывный вздох, затем один за другим прозвучали два голоса. Что любопытно, в обоих случаях это были цитаты.

— Божьи мельницы мелют медленно… — произнес Дэвид Ли.

— Кто бы мог подумать, что в старике так много крови? — прошептала Лидия.

Глава 4

Суперинтендант Сагден позвонил в звонок трижды. Наконец, отчаявшись, громко постучал в дверь.

Ему открыл перепуганный Уолтер. На его лице читалось облегчение.

— А, это вы… Я как раз звонил в полицию, — произнес он.

— Зачем? — резко спросил суперинтендант Сагден. — Что здесь происходит?

— Старый мистер Ли, — прошептал Уолтер. — *Его прихлопнули…*

Оттолкнув лакея в сторону, суперинтендант Сагден взбежал вверх по лестнице и, никем не замеченный, вошел в комнату. Он тотчас увидел, как Пилар наклонилась и что-то подняла с пола.

Дэвид Ли стоял, прикрыв глаза руками. Остальные испуганно сбились в кучку. Лишь Альфред Ли нашел в себе мужество сделать шаг к мертвому телу и теперь застыл, глядя на него сверху вниз. Лицо его ничего не выражало.

— Здесь ничего нельзя трогать… помните это, ничего… — проговорил Джордж Ли. — Нельзя до прибытия полиции. Это самое главное.

— Извините, — произнес Сагден.

Деликатно отодвинув женщин, он шагнул вперед. Альфред Ли тотчас его узнал.

— О, это вы, суперинтендант Сагден! — воскликнул он. — Быстро же вы прибыли.

— Да, мистер Ли, — ответил Сагден, не тратя время на объяснения. — Что здесь происходит?

— Мой отец, — сказал Альфред Ли, — убит… убит…

Голос его дрогнул.

Внезапно Магдалена разразилась истерическими рыданиями.

Суперинтендант Сагден поднял большую руку и властно произнес:

— Могу я попросить всех вас покинуть комнату, за исключением мистера Ли и… э-э-э… мистера Джорджа Ли?..

Все медленно и неохотно, как стадо овец, двинулись к двери,

Суперинтендант Сагден неожиданно остановил Пилар.

— Извините меня, мисс, — любезно проговорил он. — Здесь ничего нельзя трогать или передвигать.

Девушка удивленно посмотрела на него.

— Конечно же, нельзя. Она это прекрасно пони-

мает! — раздраженно произнес Стивен Фарр.

— Но ведь вы только что подняли что-то с пола, верно? — с прежней любезностью проговорил суперинтендант Сагден.

Пилар недоуменно посмотрела на него.

— Я? — удивилась она.

Полицейский был все так же любезен, лишь голос его сделался немного тверже.

— Да, я видел…

— О!

— Прошу вас, верните это мне. То, что у вас в руке.

Пилар медленно разжала пальцы. На ее ладони лежали кусочек резины и крошечный деревянный предмет. Суперинтендант взял их и положил в конверт, который спрятал в нагрудном кармане.

— Благодарю вас, — произнес он и отвернулся.

В глазах Стивена Фарра мелькнуло что-то похожее на внезапное уважение. Как будто он ранее недооценил этого симпатичного великана, суперинтенданта полиции.

Все медленно вышли из комнаты. За спиной у них прозвучал голос Сагдена:

— А теперь прошу вас…

Глава 5

— Нет ничего лучше живого огня, — произнес полковник Джонсон и, подбросив в камин еще одно полено, пододвинул кресло ближе. — Угощайтесь, — предложил он, гостеприимно указав на графин с вином и сифон с содовой, стоявшие рядом с локтем его гостя.

Тот вежливо поднял руку в знак отказа и осторожно придвинул кресло к пылающим поленьям, хотя и был того мнения, что возможность поджарить себе пятки — подобно некой средневековой пытке — отнюдь не спасает от сквозняка, ледяным холодом обдававшего ему спину и плечи.

Пусть полковник Джонсон, главный констебль[10] Миддлшира, и считает, что ничто не сравнится с живым огнем в камине, но Эркюль Пуаро был убежден, что центральное отопление куда лучше справляется этой задачей.

— Помните случай Картрайта?[11] — задумчиво

---

[10] Примечания: 10

Главный констебль — должность начальника полиции графства или города (за исключением Лондона).

[11] Примечания: 11

Об этом деле рассказывается в романе А. Кристи «Трагедия в трех актах».

произнес хозяин дома. — Удивительный человек! Безграничное обаяние. Когда он приехал сюда вместе с вами, то буквально заставил всех нас есть у него с рук! — Он покачал головой и с жаром добавил: — Второго такого дела не будет! К счастью, отравления никотином — вещь крайне редкая.

— В свое время вы сказали бы, что отравление — это так не по-английски, — предположил Эркюль Пуаро. — Любимое средство иностранцев! Порядочные люди им не пользуются!

— Я бы так не сказал, — возразил главный констебль. — Отравлений мышьяком происходит много. Возможно, даже больше, чем мы думаем.

— Пожалуй, вы правы.

— Отравления… их всегда сложно расследовать, — сказал Джонсон. — Противоречивые заключения экспертов, да и врачи чрезвычайно осторожны в высказываниях. Всегда сложно довести дело до суда. Но уж если мы имеем дело об убийстве, — впрочем, боже упаси! — то пусть оно будем простым. Без двусмысленности в отношении причин смерти.

Пуаро понимающе кивнул.

— Пулевое ранение, перерезанное горло, размозженный череп? Вы их предпочитаете?

— Только не называйте это предпочтением, мой дорогой друг. А то еще подумаете, будто я люблю дела об убийствах! Надеюсь, их у меня больше не будет. По крайней мере, во время вашего пребывания здесь.

— Моя репутация… — начал Пуаро.

Но Джонсон, не дав ему договорить, продолжил:

— Рождество, — сказал он. — Мир, согласие, добрая воля. Да-да, повсюду мир и согласие.

Эркюль Пуаро откинулся на спинку кресла и, соединив кончики пальцев, принялся задумчиво их разглядывать.

— То есть вы хотите сказать, — произнес он, — что Рождество — нетипичное время для преступлений?

— Да, это я и имел в виду.

— Почему?

— Почему? — переспросил Джонсон, слегка сбитый с толку. — Я только что сказал — это время подарков, веселья и все такое прочее.

— Британцы, они такие сентиментальные! — пробормотал Пуаро.

— И что из этого? — удивился главный констебль. — Да, мы чтим старину, любим старинные праздники. Что в этом плохого?

— Абсолютно ничего плохого. Наоборот, это очаровательно! Но давайте посмотрим на факты. Вы сказали, что Рождество — время веселья. Это означает, что люди много едят и пьют. Фактически это подразумевает переедание! Перееданию же сопутствует несварение желудка. А оно идет рука об руку с раздражительностью.

— Преступления не совершаются по причине раздражительности, — возразил полковник.

— Это как сказать! Подумайте сами. В Рождество воцаряется дух доброй воли. Это, как вы говорите, «самое главное». Прощаются былые обиды, спорящие приходят к согласию, пусть даже на короткое время.

Джонсон кивнул.

— Закапываются в землю топоры, верно.

— Семьи, — продолжал Пуаро, — родственники, не видевшие друг друга весь год, вновь собираются вместе. Согласитесь, мой друг, что в таких обстоятельствах возникает сильное *напряжение*. Люди, которые не питают друг к другу теплых чувств, вынуждены *притворяться*, будто они их испытывают! На Рождество мы имеем много лицемерия, достойного лицемерия, лицемерия *pour le bon motif, c'est entendu,* то есть из хороших побуждений, ибо так заведено, — но тем не менее

это лицемерие!

— Я бы не стал так говорить, — с сомнением в голосе произнес главный констебль.

Пуаро расплылся в улыбке.

— Нет, нет. Это я так говорю, а отнюдь не вы. Я обращаю ваше внимание на то, что в подобных обстоятельствах — психическое напряжение, физическое недомогание — высока вероятность того, что неприязнь, которая до этого почти не проявлялась, а также мелкие разногласия могут внезапно обостриться. В результате человек, изображающий дружелюбие и готовность к прощению, стремящийся показать себя более благородным, чем он есть на самом деле, рано или поздно становится более грубым, более жестоким, чем обычно. Стоит перегородить реку плотиной, *mon ami*[12], рано или поздно плотину прорвет и произойдет трагедия!

Полковник Джонсон с сомнением посмотрел на своего собеседника.

— Никак не могу понять, когда вы говорите серьезно, а когда шутите, — проворчал он.

— Шучу! — улыбнулся Пуаро. — Честное слово, шучу! Но от своих слов не отказываюсь: искус-

---

[12] Примечания: 12
Мой друг (*фр.*).

ственные условия вызывают естественную на них реакцию.

В комнату вошел слуга полковника Джонсона.

— Вас просит к телефону суперинтендант Сагден, сэр.

— Хорошо. Иду.

Извинившись перед гостем, главный констебль вышел. Вернулся он через три минуты. Лицо его было чернее тучи.

— Черт побери! — гневно произнес он. — Убийство! Причем в сочельник!

Пуаро удивленно поднял брови.

— Неужели действительно убийство?

— Что?.. Иное объяснение невозможно. Совершенно прозрачный случай. Убийство, причем крайне жестокое!

— Кто жертва?

— Старый Симеон Ли. Один из самых богатых людей в округе. Заработал целое состояние в Южной Африке. Золото… нет, алмазы, если не ошибаюсь. Вложил все, до последнего пенса, в производство какого-то приспособления для добычи алмазов. Его собственное изобретение, кажется. Как бы там ни было, вложенные деньги он вернул, и притом с лихвой. Поговаривают, будто он дважды миллионер.

— Его любили, верно? — уточнил Пуаро.

— Не думаю, что его кто-то любил, — медленно произнес Джонсон. — Странный человек… Последние годы был инвалидом. Мне известно о нем крайне мало. Но, безусловно, он являлся одной из выдающихся личностей нашего графства.

— То есть это случай вызовет пересуды?

— Именно так. Я должен как можно скорее отправиться в Лонгдейл.

Полковник умолк, вопросительно глядя на своего гостя. Пуаро тут же ответил на его немой вопрос:

— Хотите, чтобы я поехал вместе с вами?

— Мне, право, неудобно просить вас, — произнес полковник. — Но сами понимаете! Суперинтендант Сагден — отличный полицейский: старательный, внимательный, здравомыслящий. Но он начисто лишен воображения. Мне бы очень хотелось, поскольку вы сейчас здесь, воспользоваться вашим советом.

Последнюю фразу полковник Джонсон произнес отрывисто, с паузами между словами, как будто диктовал телеграмму.

— Буду только рад, — без колебаний откликнулся Пуаро. — Можете рассчитывать на любую мою помощь. Но мы должны пощадить самолюбие

суперинтенданта. Это будет его дело, не мое. Я всего лишь неофициальный консультант.

— Вы славный человек, Пуаро, — растроганно произнес полковник Джонсон.

С этим словами оба вышли из комнаты.

Глава 6

Входную дверь им открыл констебль, почтительно отсалютовав полковнику. Стоявший за ним суперинтендант Сагден шагнул им навстречу.

— Рад, что вы приехали, сэр. Прошу вас вот в эту комнату слева, в кабинет мистера Ли. Я хотел бы изложить главные факты. Очень странный случай…

Он провел их в маленькую комнату слева от прихожей. Там находился телефон и большой стол, заваленный газетами. Вдоль стен тянулись книжные полки.

— Сагден, это месье Эркюль Пуаро, — представил своего спутника главный констебль. — Должно быть, вы о нем слышали. Он как раз гостит у меня. Пуаро, это суперинтендант Сагден.

Маленький бельгиец слегка поклонился и пристально посмотрел на Сагдена: высок, широкоплеч, заметна военная выправка. А еще орлиный нос, квадратная челюсть и пышные каштановые усы. Сагден в свою очередь, как только их представили друг другу, смерил Пуаро тяжелым взглядом. Что касается последнего, тот

продолжал рассматривать его усы, как будто был очарован их великолепием.

— Я слышал о вас, мистер Пуаро, — ответил суперинтендант Сагден. — Если не ошибаюсь, несколько лет назад вы уже бывали в наших краях. Смерть сэра Бартоломью Стрейнджа. Дело об отравлении. Никотин. Не мой участок, но я, конечно же, слышал об этом…

— Прошу вас, изложите факты, Сагден, — перебил его полковник Джонсон. — Вы сказали, что дело ясное.

— Да, сэр, это, безусловно, убийство, нет никаких сомнений. У мистера Ли перерезано горло — точнее, яремная вена, как сказал врач. Однако в этом деле немало странностей.

— Что вы хотите этим сказать?

— Прежде всего выслушайте меня, сэр. Обстоятельства таковы: сегодня около пяти часов мне в полицейский участок Эдлсфилда позвонил мистер Ли. Его голос по телефону звучал несколько странно, он попросил меня приехать к нему и увидеться с ним в восемь часов вечера. Он особо подчеркнул это время. Более того, попросил меня сказать лакею, что я собираю пожертвования на полицейский приют.

Главный констебль пристально посмотрел на

Сагдена.

— Хотите сказать, что ему требовался правдоподобный предлог для вашего появления в доме?

— Именно, сэр. Это вполне естественно. Мистер Ли — фигура известная, и я пошел ему навстречу. Я прибыл сюда незадолго до восьми часов. Прислуге я сказал, что собираю пожертвования для сиротского приюта. Лакей ушел; вернувшись, он доложил, что мистер Ли хочет меня видеть, и проводил меня к нему в комнату на втором этаже, непосредственно над столовой.

Суперинтендант Сагден сделал паузу, вздохнул и в несколько официальной манере продолжил свой рассказ:

— Мистер Ли сидел в кресле возле камина. На нем был домашний халат. Когда лакей вышел из комнаты и закрыл за собой дверь, мистер Ли попросил меня подойти к нему и сесть рядом. Затем он с явной неохотой признался, что хочет сообщить мне подробности некоего ограбления. Я спросил у него, что, собственно, украли. Он ответил, что из его сейфа пропали алмазы — кажется, неограненные алмазы, сказал он, стоимостью в несколько тысяч фунтов.

— Алмазы? — переспросил главный констебль.

— Да, сэр. Я задал ему несколько рутинных

вопросов, но мистер Ли отвечал неуверенно и уклончиво, как будто в чем-то сомневался. Наконец он сказал: «Вы должны понять, суперинтендант, что я могу ошибаться».

Я сказал: «Я не вполне понимаю вас, сэр. Либо алмазы пропали, либо они на месте. Может быть только так и никак иначе». Мистер Ли ответил: «Алмазы определенно пропали, но возможно, суперинтендант, что их исчезновение — просто чья-то глупая шутка». Лично мне показалось это странным, но я ничего не сказал. Тогда он продолжил: «Мне трудно объяснить в подробностях, но дело сводится вот к чему: насколько я понимаю, алмазы могут быть лишь у двух человек. Один из них мог таким образом пошутить. Но если их взял другой человек, то можно считать, что они точно украдены».

Я сказал: «Чего именно вы хотите от меня, сэр?» «Я хочу, суперинтендант, чтобы вы вернулись сюда примерно через час. Нет, давайте попозже, скажем, в четверть десятого, — сказал он. — К этому времени я точно смогу сказать, обокрали меня или нет». Скажу честно, я был заинтригован, но согласился и ушел.

— Любопытно… весьма любопытно, — прокомментировал полковник Джонсон. — Что вы

скажете, Пуаро?

— И к какому заключению, суперинтендант, вы пришли, если не секрет? — спросил тот.

Сагден потер подбородок и ответил, тщательно подбирая слова:

— Видите ли, мне в голову пришли разные версии, но в целом я решил, что все обстоит именно так. Розыгрыш однозначно исключался. Алмазы были украдены. Однако старый джентльмен не мог точно сказать, кто это сделал. По-моему, он говорил правду, когда сказал, что это мог сделать один из двух людей, причем один из этих двоих из числа прислуги, а другой — из числа *членов семьи*.

Пуаро одобрительно кивнул.

– *Très bien*[13]. Превосходно. Да, это отлично объясняет его позицию.

— Отсюда его желание, чтобы я пришел позже. В промежутке он хотел поговорить с теми, на кого пало его подозрение. Он бы сказал им, что уже сообщил в полицию, но если пропажу вернут, то делу не дадут хода и инцидент будет исчерпан.

— А если бы подозреваемый не вернул алмазы? — спросил полковник Джонсон.

---

[13] Примечания: 13
Очень хорошо (*фр.*).

— В таком случае он был готов просить нас о расследовании.

Полковник Джонсон нахмурился и покрутил усы.

— Почему же он не сделал этого, прежде чем вызвать вас?

— Нет-нет, сэр, — покачал головой суперинтендант. — Неужели вам непонятно? Поступи он так, это было бы блефом. Прозвучало бы неубедительно. Вор наверняка подумал бы: «Старик не станет вызывать полицию, что бы он там ни подозревал», как вдруг мистер Ли сказал бы ему: «Я уже разговаривал с полицией, суперинтендант только что ушел». Затем вор, допустим, просит лакея это подтвердить. Тот говорит: «Да, суперинтендант был здесь незадолго до ужина». Вор вынужден поверить, что старый джентльмен не шутит, и возвращает украденное.

— Гм… да, понимаю, — сказал полковник Джонсон. — Есть какие-то соображения насчет того, *кто* из членов семьи это мог быть?

— Нет, сэр.

— Никаких зацепок?

— Никаких.

Джонсон покачал головой.

— Рассказывайте дальше.

Суперинтендант Сагден продолжил излагать события:

— Я вернулся в дом, сэр, ровно в четверть десятого, и уже собрался позвонить во входную дверь, когда внутри раздался крик, затем еще какие-то неясные возгласы и непонятный шум. Я позвонил еще несколько раз и постучал в дверь колотушкой. На мой стук откликнулись лишь через три-четыре минуты. Не успел лакей открыть дверь, как я тотчас понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Он весь трясся; вид у него был такой, будто он вот-вот упадет в обморок. Тяжело дыша, лакей сказал, что мистера Ли убили. Я стремглав взбежал вверх по лестнице. Комнату мистера Ли я застал в состоянии жуткого беспорядка. Похоже, там имела место яростная борьба. Мистер Ли лежал перед камином с перерезанным горлом в луже крови.

— Он ведь не мог сам это сделать? — резко спросил главный констебль.

— Это исключено, сэр, — покачал головой Сагден. — Во-первых, там были перевернуты столы и кресла, разбиты вазы и украшения. Более того, я не обнаружил бритвы или ножа, послуживших орудием преступления.

— Да, похоже на убийство, — задумчиво про-

изнес главный констебль. — В комнате был кто-нибудь?

— Там собралась практически вся семья, сэр. Все стояли вокруг.

— Есть какие-то соображения, Сагден? — резко спросил Джонсон.

— Скверное дело, сэр, — медленно произнес суперинтендант. — Судя по всему, это сделал один из них. Невозможно представить, чтобы в дом прокрался кто-то чужой, а потом столь же незаметно скрылся.

— А что окно? Оно было открыто или заперто?

— В комнате два окна, сэр. Одно было закрыто на шпингалет. Второе приоткрыто с нижней стороны, но всего на пару дюймов и зафиксировано в таком положении блокиратором. Более того, когда я попытался вернуть окно в прежнее положение, его заклинило. Похоже, это окно не открывали много лет. При этом наружная стена гладкая и ровная, никакого плюща или ползучих растений. Вряд ли кто-то мог выбраться из комнаты через окно.

— Сколько в комнате дверей?

— Всего одна. Комната находится в конце коридора. Дверь была заперта изнутри. Когда родственники убитого услышали шум борьбы

и предсмертный крик старика, они бросились наверх. Им пришлось взломать дверь, чтобы проникнуть в комнату.

— И кто же был в комнате? — снова резко спросил Джонсон.

— Никого, сэр, — мрачно ответил Сагден. — Лишь старый джентльмен, убитый всего несколько минут назад.

Глава 7

Прежде чем что-то ответить, полковник Джонсон несколько минут в упор смотрел на Сагдена.

— То есть, суперинтендант, вы хотите сказать мне, что это один из тех проклятых случаев, о которых пишут в детективных романах, когда в закрытой комнате человека убивает некая сверхъестественная сила?

Усы Сагдена шевельнулись в легкой улыбке.

— До этого, сэр, похоже, дело не дошло, — серьезно ответил он.

— Самоубийство. Скорее всего, это самоубийство! — заявил полковник Джонсон.

— Да, но в таком случае где оружие? Нет, сэр, это не самоубийство.

— Так как же тогда скрылся убийца? Через окно?

Сагден покачал головой.

— Готов поклясться, что он не мог уйти через окно.

— Но, как вы сказали, дверь была заперта изнутри.

Суперинтендант кивнул, достал из кармана ключ и положил его на стол.

— Отпечатков пальцев нет, — сообщил он. — Но посмотрите на этот ключ, сэр. Посмотрите через увеличительное стекло.

Пуаро подался вперед. Вместе с Джонсоном они внимательно осмотрели ключ.

— Боже мой! Я понял вас! — внезапно воскликнул главный констебль. — Эти еле заметные царапины на кончике бородки ключа… Видите их, Пуаро?

— Да, вижу. Это означает одно: ключ повернули снаружи специальным устройством, просунув его в замочную скважину, где оно зажало бородку… Возможно, это были обычные плоскогубцы.

Суперинтендант кивнул.

— Очень похоже на то.

— В таком случае замысел состоял в том, чтобы убийство приняли за самоубийство, — сказал маленький бельгиец. — Потому как дверь заперта, а в комнате никого, верно?

— Да, замысел именно таков, мистер Пуаро. В этом не приходится сомневаться.

Сыщик с сомнением покачал головой.

— Но беспорядок в комнате! По вашим словам, одно это опровергает версию о самоубийстве. Мне же кажется, что убийца наверняка навел бы в комнате порядок.

— Но у него не было *времени*, мистер Пуаро, — возразил Сагден. — В этом-то и все дело. У него не было времени. Скажем так, он рассчитывал застать старого джентльмена врасплох. Это у него не получилось. Завязалась борьба, которую услышали внизу. Более того, старый джентльмен позвал на помощь. Все моментально всполошились и бросились наверх. Времени убийце хватило только на то, чтобы замкнуть снаружи дверь.

— Уговорили, — признал его довод Пуаро. — Допустим, убийца вполне мог оставить после себя разгром. Но почему, почему он не оставил хотя бы оружие? Потому что если нет оружия, то нет и самоубийства! Это его самая серьезная ошибка.

— Преступники часто допускают ошибки, — невозмутимо произнес суперинтендант Сагден. — Мы знаем это по опыту.

— Но все равно, — вздохнул Пуаро, — несмотря на свои ошибки, он сумел скрыться, этот преступник.

— Я не думаю, что он *скрылся*.

— Вы хотите сказать, что он все еще в доме?

— А где еще ему быть? Это явно сделано кем-то из своих.

— Но *tout de même…*[14] — тихо сказал Пуаро. — Он все-таки скрылся. *Вы ведь не знаете, кто он.*

— Полагаю, что мы скоро это узнаем, — спокойно, но твердо ответил суперинтендант Сагден. — Мы еще не допросили никого из членов семьи покойного.

— Послушайте, Сагден, — вступил в разговор полковник Джонсон. — Меня поразило вот что. Тот, кто повернул ключ снаружи, явно мастер своего дела. То есть у него определенно имеется криминальный опыт. Пользоваться такими инструментами не так уж просто.

— Вы хотите сказать, что поработал профессионал?

— Именно.

— Похоже на то, — согласился его собеседник. — Из чего вытекает, что среди прислуги имеется профессиональный вор. Это объяснило бы не только пропажу алмазов. Убийство — логическое ее продолжение.

— Но эта версия вам не нравится?

— Сначала я так и подумал. Но все не так-то просто. В доме восемь слуг. Шестеро из них — женщины. Пятеро проработали в доме не ме-

---

[14] Примечания: 14
Тем не менее (*фр.*).

нее четырех лет. Остаются лакей и дворецкий. Дворецкий прослужил в этом доме сорок лет. Внушительный стаж, я бы сказал.

Лакей — местный, сын садовника, вырос в этих краях. Не представляю себе, чтобы он мог быть профессиональным вором. Единственный возможный подозреваемый — камердинер мистера Ли. Он — относительно новый работник, но он отсутствовал в доме и до сих пор отсутствует — ушел незадолго до восьми часов.

— У вас есть список тех, кто находился в доме? — уточнил полковник Джонсон.

— Да, сэр. Я получил его от лакея. — Суперинтендант достал записную книжку. — Зачитать вам его?

— Да, пожалуйста, Сагден.

— «Мистер и миссис Альфред Ли. Мистер Джордж Ли, член парламента, и его супруга. Мистер Генри Ли. Мистер и миссис Дэвид Ли. Мисс…» — Сагден сделал паузу и стать читать дальше. — «Пилар…» — Он явно не знал, на каком слоге сделать ударение. — «Эстравадос. Мистер Стивен Фарр». Далее идут слуги. «Эдвард Трессильян, дворецкий. Уолтер Чэмпион, лакей. Эмили Ривс, кухарка. Куини Джонс, кухонная прислуга. Глэдис Спент, старшая горничная. Грейс Бест,

вторая горничная. Беатрис Моском, третья горничная. Джоан Кенч, помощница горничной. Сидни Хорбери, камердинер».

— Это всё?

— Да, это всё, сэр.

— Известно, где находился каждый в момент убийства?

— Лишь приблизительно. Как уже сказал, я пока никого не успел допросить. По словам Трессильяна, мужчины находились в столовой. Дамы ушли в гостиную. Трессильян подал кофе. Он утверждает, что когда вернулся в буфетную, сверху донесся грохот. За ним последовал крик. Он выбежал в холл, а затем, вслед за остальными, бросился наверх.

— Кто из членов семьи живет в доме постоянно и сколько приехали погостить? — уточнил полковник Джонсон.

— Там живут мистер и миссис Альфред Ли. Остальные приехали в гости.

Джонсон кивнул.

— Где они сейчас?

— Я попросил их оставаться в гостиной, пока я не начну приглашать их для дачи показаний.

— Понятно. Тогда нам лучше подняться наверх и осмотреть место преступления.

Суперинтендант Сагден повел их по широкой лестнице наверх, а затем — по длинному коридору.

— О боже! — ужаснулся полковник Джонсон, когда они вошли в комнату, в которой произошло преступление. Примерно с минуту он разглядывал перевернутые кресла, разбитый фарфор и забрызганные кровью обломки мебели.

Худой пожилой мужчина поднялся с колен от бездыханного тела и кивнул.

— Добрый вечер, Джонсон, — сказал он. — Как вам это зрелище? Настоящая бойня.

— Согласен с вами. Есть что-то для нас, доктор?

Врач пожал плечами и улыбнулся.

— Я изложу все научным языком на дознании. Ничего сложного, на первый взгляд. Перерезали горло, как свинье. От потери крови убитый скончался меньше чем за минуту. Никаких следов оружия.

Пуаро прошел через всю комнату к окнам. Как и сказал Сагден, одно окно было закрыто на шпингалет, второе — приоткрыто внизу на четыре дюйма. В таком положении его удерживал массивный патентованный болт.

— По словам дворецкого, — сказал Сагден, — это окно никогда не закрывалось. Оно оставалось

в таком положении в любую погоду. Под ним всегда лежит коврик из линолеума на тот случай, если в комнату попадут струи дождя, хотя в этом нет особой нужды, потому что от них защищает выступ крыши.

Пуаро кивнул и, вернувшись к лежащему на полу телу, сверху вниз посмотрел на мертвого старика. Губы растянуты, обнажив в жутковатом оскале белесые десны. Пальцы скрючены, словно когти.

— На вид он был не очень-то сильный, — заметил Пуаро.

— Думаю, он был довольно крепким, — возразил врач. — Он пережил несколько болезней, которые быстро унесли бы в могилу большинство людей.

— Я имел в виду не это, — объяснил Пуаро. — Он отнюдь не крупного телосложения и не очень сильный физически.

— Верно, он был довольно хилым.

Отойдя от убитого, Пуаро склонился над перевернутым креслом из красного дерева. Рядом валялся опрокинутый круглый стол, также красного дерева, и осколки большой фарфоровой лампы, чуть дальше — два кресла поменьше. Картину вселенского хаоса довершали осколки

разбитого графина и двух бокалов, массивное стеклянное пресс-папье, каким-то чудом уцелевшее, несколько книг, осколки большой японской вазы и бронзовая статуэтка, изображавшая обнаженную девушку.

Бельгиец, нахмурив брови, оглядел устроенный в комнате разгром, но трогать ничего не стал. Казалось, что-то не дает ему покоя.

— Что-то не так, Пуаро? — спросил главный констебль.

— Такой тщедушный старик… и такой разгром, — вздохнув, ответил тот.

Джонсон был явно озадачен.

— Что там с отпечатками пальцев? — поинтересовался он у сержанта.

— Их тут множество, сэр, по всей комнате.

— А сейф?

— Ничего утешительного. Лишь отпечатки самого мистера Ли.

Джонсон повернулся к доктору.

— Что скажете о пятнах крови? — спросил он. — Наверняка они остались и на его убийце.

— Не обязательно, — с сомнением в голосе ответил доктор. — Кровотечение было главным образом из яремной вены. Из нее струя крови не такая сильная, как из артерии.

— Нет, нет. И все же крови очень много.

— Да, крови много, — согласился с ним Пуаро. — Это меня тоже поразило. Очень много крови.

— Вы… вы что-то предполагаете, мистер Пуаро? — с уважением спросил Сагден.

Пуаро посмотрел на него и задумчиво покачал головой.

— Что-то в этом есть… некое насилие… — ответил он и, немного помолчав, повторил: — Да-да, именно… насилие. И кровь… как будто кому-то нужно было море крови… Здесь… как бы точнее сказать… здесь *слишком много крови*. Кровь на креслах, на столах, на ковре… Кровавый ритуал? Жертвенная кровь? Неужели? Возможно. Такой тщедушный старик, такой худой, такой слабый, такой высохший… и все же в его смерти… *так много крови*… — Он не договорил.

— Странно… именно так она сказала… эта леди… — произнес суперинтендант Сагден, испуганно глядя на него.

— Какая леди? — резко спросил Пуаро. — Что она сказала?

— Миссис Ли… мисс Альфред Ли, — ответил Сагден. — Она стояла вот здесь, возле двери и полушепотом произнесла эти слова. Мне они тогда показались бессмыслицей.

— Что она сказала?

— Что-то вроде того, что, мол, кто бы мог подумать, что в старике может быть так много крови…

— «*Кто бы мог подумать, что в старике так много крови*?» Это слова леди Макбет. Она это сказала?.. Интересно, интересно… — тихо сказал Пуаро.

Глава 8

Альфред Ли и его жена вошли в небольшой кабинет, в котором их ожидали Пуаро, Сагден и главный констебль. Полковник Джонсон шагнул вперед.

— Как поживаете, мистер Ли? Мы с вами никогда не встречались, но, как вы знаете, я главный констебль графства. Мое имя Джонсон. У меня нет слов, насколько я потрясен случившимся.

Карие глаза Альфреда были похожи на глаза несчастного пса.

— Благодарю вас. Это ужасно… просто ужасно. Я… это моя жена, — хрипло ответил он.

— Это было ужасное потрясение для моего мужа, — тихо сказала Лидия, кладя руку на плечо мужа. — Для всех нас… но особенно для него.

— Присядете, миссис Ли? — предложил полковник Джонсон. — Позвольте представить вам мистера Эркюля Пуаро.

Тот поклонился. Его пристальный взгляд переместился с Альфреда на Лидию.

Последняя легонько нажала на плечо мужа.

— Садись, Альфред.

Мистер Ли послушно сел и пробормотал:

— Эркюль Пуаро. Э-э-э… кто-кто? — Он растерянно потер рукой лоб.

— Полковник Джонсон хочет задать тебе много вопросов, Альфред, — сказала Лидия.

Главный констебль с благодарностью посмотрел на нее. Как хорошо, что миссис Альфред Ли оказалась такой разумной женщиной.

— Конечно, конечно, — произнес мужчина.

Похоже, он совершенно выбит из колеи. Хотелось бы надеяться, он возьмет себя в руки, подумал Джонсон, но вслух произнес другое:

— У меня есть список тех, кто вечером находился в доме. Вы не подскажете мне, мистер Ли, все ли указаны в нем?

Он сделал знак Сагдену. Тот извлек записную книжку и в очередной раз зачитал список.

Официальная процедура, похоже, привела Альфреда Ли в чувство. Он взял себя в руки, в глазах появилось осмысленное выражение. Когда Сагден закончил, он согласно кивнул.

— Да, все правильно.

— Вы не хотели бы рассказать мне чуть больше про ваших гостей? Мистер и миссис Джордж Ли и мистер и миссис Дэвид Ли — они ведь ваши родственники?

— Это два моих младших брата и их жены.

— Они лишь приехали погостить?

— Да, они приехали к нам на Рождество.

— Мистер Генри Ли тоже ваш брат?

— Да.

— А два других гостя? Мисс Эстравадос и мистер Фарр?

— Мисс Эстравадос — моя племянница. Мистер Фарр — сын бывшего партнера отца из Южной Африки.

— А-а-а, старый друг…

— Нет, мы никогда не видели его раньше, — вмешалась в разговор Лидия.

— Понятно. Но вы пригласили его остаться у вас на Рождество?

Альфред помедлил с ответом, затем бросил взгляд на жену. Та произнесла:

— Мистер Фарр совершенно неожиданно появился здесь вчера. Он оказался в наших краях и решил навестить моего свекра. Когда свекор узнал, что Фарр — сын его старого друга и партнера, он настоял на том, чтобы тот остался у нас на Рождество.

— Понятно, — сказал полковник Джонсон. — С родственниками все ясно. Что касается слуг, миссис Ли, как по-вашему, они достойны доверия?

Лидия немного подумала, прежде чем отве-

тить.

— Да. Я вполне уверена в том, что все они достойны доверия. Трессильян, дворецкий, служит в доме с тех пор, когда мой муж был еще ребенком. Единственные новые слуги — это Дона, помощница горничной, и камердинер, ухаживающий за моим свекром.

— И что вы про них скажете?

— Джоан — довольно глупенькая особа. Это худшее, что я могу сказать о ней. Про Хорбери я знаю крайне мало. Он служит у нас чуть больше года. С работой в целом справляется, и свекор, похоже, был им доволен.

— Но вы, мадам, не слишком им довольны? — пытливо спросил Пуаро.

— Он не имел ко мне ни малейшего отношения, — пожала плечами Лидия.

— Но ведь хозяйка в доме вы, мадам. Разве не вы занимаетесь слугами?

— Разумеется, я. Но Хорбери — личный лакей моего свекра. Он не под моим началом.

— Понятно.

— Давайте перейдем к событиям вечера, — вмешался в их беседу полковник Джонсон. — Боюсь, это будет болезненно для вас, мистер Ли, но хотелось бы услышать от вас рассказ о том, что

случилось.

— Конечно, — слабым голосом ответил Альфред.

— Например, когда вы в последний раз видели вашего отца? — задал первый вопрос полковник Джонсон.

Лицо Альфреда болезненно исказилось.

— После чая, — ответил он еле слышно. — Я пробыл с ним недолго. В конце концов я пожелал ему спокойной ночи и ушел… дайте вспомнить… примерно без четверти шесть.

— Вы пожелали ему спокойной ночи? — уточнил Пуаро. — Вы не рассчитывали увидеться с ним вечером?

— Нет. Отцу в его комнату в семь вечера приносили легкий ужин. После этого он иногда рано ложился спать или же сидел в кресле. К нему наверх не поднимался никто из членов семьи, если он специально не посылал за ними.

— И часто такое бывало?

— Лишь иногда. Когда у него возникало такое желание.

— Но это не было обычным делом?

— Нет.

— Продолжайте, мистер Ли.

— Мы сели ужинать в восемь вечера, — про-

должил Альфред. — Когда ужин закончился, моя жена вместе с другими женщинами перешли в гостиную. — Голос его дрогнул, взгляд сделался стеклянным. — Мы сидели там… за столом. Неожиданно раздался грохот. Как будто наверху кто-то опрокидывал кресла и столы, бил стекло и фарфор. Затем — о, боже! — Альфред содрогнулся. — Я до сих пор это слышу… мой отец закричал… жуткий протяжный вопль… так мог кричать лишь человек в мучительной агонии…

Он уткнулся лицом в ладони. Руки его тряслись. Лидия коснулась его рукава.

— А потом? — осторожно спросил полковник Джонсон.

— На какое-то миг мы все *растерялись*. Затем дружно вскочили и по лестнице бросились наверх, в комнату отца. Дверь была заперта. Мы не смогли попасть внутрь. Ее пришлось взламывать. Затем мы шагнули в комнату и увидели…

Его голос оборвался.

— Можете не вдаваться в подробности, мистер Ли, — быстро произнес Джонсон. — Давайте вернемся к тому моменту, когда вы находились в столовой. Кто там был, когда вы услышали крик?

— Кто там был? Там были все… нет, дайте подумать. Мой брат был… мой брат Гарри.

— Кто еще?

— Больше никого.

— Где были остальные джентльмены?

Альфред вздохнул и, нахмурившись, стал вспоминать.

— Дайте подумать… кажется, что это было давно… как будто прошли годы… что же случилось? Ах, да. Джордж ушел звонить по телефону. Затем мы начали обсуждать семейные дела, и Стивен Фарр сказал, что, мол, не хочет нам мешать, и вышел из комнаты. Он сделал это очень деликатно.

— А ваш брат Дэвид?

Альфред нахмурился.

— Дэвид? Разве его не было?.. Впрочем, нет, не было. Я точно не скажу, когда он вышел.

— Значит, вам нужно было обсудить семейные дела? — осторожно спросил Пуаро.

— Э-э-э… да.

— То есть вам нужно было обсудить семейные дела лишь с *одним* членом семьи?

— На что вы намекаете, мистер Пуаро? — резко спросила Лидия.

Сыщик обернулся в ее сторону.

— Мадам, ваш муж говорит, что мистер Фарр оставил их, потому что понял, что им нужно обсудить семейные дела. Но это не был *conseil de*

famille[15], поскольку мистер Дэвид отсутствовал, а мистера Джорджа тоже не было. В таком случае это была беседа лишь между двумя членами семьи.

— Мой деверь, Гарри, долгое время жил за границей, — сообщила Лидия. — Вполне естественно, что им с моим мужем было о чем поговорить.

— А-а-а, понятно.

Лидия подозрительно посмотрела на него и поспешила отвести взгляд.

— Что ж, поверим вам на слово, — сказал Джонсон. — Вы заметили кого-то, когда бежали по лестнице в комнату вашего отца?

— Я… я не знаю. Думаю, да. Мы все прибежали с разных сторон. Но, боюсь, я не заметил… я был напуган. Этот ужасный крик…

Полковник Джонсон поспешил сменить тему:

— Благодарю вас, мистер Ли. Теперь другой вопрос. Насколько я понимаю, у вашего отца были какие-то драгоценные камни.

Альфред явно не ожидал услышать от него таких слов.

— Да, — ответил он. — Это так.

— Где он их хранил?

---

[15] Примечания: 15
Семейный совет (*фр.*).

— В сейфе, в своей комнате.

— Можете их описать?

— Это были неограненные алмазы. Да, неограненные камни.

— Почему ваш отец хранил их там?

— Это была его причуда. Он привез их из Южной Африки, да так и не отдал их в огранку. Ему нравилось хранить их в первозданном виде. Я бы сказал так — это была его прихоть.

— Понятно, — сказал главный констебль. По его тону было видно, что на самом деле он ничего не понял. — Это были дорогие камни? — задал он новый вопрос.

— Отец говорил, что они стоят около десяти тысяч фунтов.

— Значит, это были очень дорогие камни?

— Да.

— Странно, однако, хранить такие камни в сейфе, у себя в спальне.

— Мой свекор, мистер Джонсон, — вмешалась в разговор Лидия, — был несколько своеобразный человек. И идеи у него были столь же своеобразные. Ему определенно доставляло удовольствие перебирать эти камни.

— Возможно, они напоминали ему о прошлом, — заметил Пуаро.

Лилия бросила на него быстрый проницательный взгляд.

— Да, — сказала она. — Думаю, напоминали.

— Они были застрахованы? — поинтересовался главный констебль.

— Вряд ли.

Джонсон подался вперед и тихо спросил:

— Вы знали, мистер Ли, что эти камни были украдены?

— Что? — удивленно уставился на него Альфред.

— Ваш отец ничего не говорил вам об их исчезновении?

— Ни слова.

— И вы не знали, что он послал за суперинтендантом Сагденом, которому сообщил о пропаже?

— Ни малейшего представления!

Главный констебль перевел взгляд на его жену.

— А вы, миссис Ли?

Лидия покачала головой.

— Я ничего об этом не слышала.

— Насколько вам известно, камни были все еще в сейфе?

— Да… — Она немного помедлила. — Так его из-за этого убили? Из-за этих камней?

— Вот это мы и собираемся выяснить, — уклончиво ответил полковник Джонсон и добавил: — Как вы думаете, миссис Ли, кто мог совершить кражу? У вас есть какие-то соображения на этот счет?

Лидия отрицательно покачала головой.

— Нет, конечно. Я уверена в честности всех слуг. В любом случае им было бы трудно подобраться к сейфу. Мой свекор не выходил из своей комнаты и никогда не спускался вниз.

— Кто обслуживал его там?

— Хорбери. Он убирал в комнате и застилал постель. Вторая горничная приходила, чтобы чистить каминную решетку, и каждое утро разжигала огонь в камине. Все остальное делал Хорбери.

— Значит, по-вашему, больше всего возможностей было у Хорбери? — уточнил Пуаро.

— Да.

— То есть он вполне мог украсть алмазы?

— Не исключаю такой возможности. Полагаю… Ему это сделать было проще всего. О, я даже не знаю, что думать…

— Ваш муж уже рассказал нам о событиях вечера, — произнес полковник Джонсон. — Вы не могли бы сделать то же самое, миссис Ли? Когда

вы в последний раз видели вашего свекра?

— Днем — до чая — мы были все в его комнате. Именно тогда я видела его в последний раз.

— Вы не приходили к нему позже пожелать доброй ночи?

— Нет.

— Где вы были в тот момент, когда произошло преступление? — задал новый вопрос главный констебль.

— В гостиной.

— Вы слышали звуки борьбы?

— Кажется, я слышала, как упало что-то тяжелое. Видите ли, комната моего свекра находится над столовой, а не над гостиной, так что я мало что слышала.

— Но вы слышали крик?

Лилия содрогнулась

— Да, я слышала… Это было ужасно… совсем как… совсем как вопль живой души в аду. Я сразу поняла, что случилось нечто ужасное, выбежала из комнаты и вслед за Гарри бросилась вверх по лестнице.

— Кто еще был в гостиной в это время?

Лидия нахмурила брови.

— Вообще-то… не могу вспомнить. Дэвид был в музыкальной комнате, играл Мендельсона. Мне

думается, с ним была Хильда.

— А две другие дамы?

— Магдалена пошла звонить по телефону, — медленно произнесла Лидия. — Не помню, вернулась она или нет. Я не знаю, где была Пилар.

— То есть в гостиной вы могли быть совершенно одна? — вкрадчиво спросил Пуаро.

— Да, да, наверное, так и было.

— Кстати, об алмазах, — сказал полковник Джонсон. — Мы должны точно установить, что с ними случилось. Вам известна комбинация цифр в замке сейфа вашего отца, мистер Ли? Насколько я понял, это сейф старого производства.

— Она наверняка имеется в записной книжке, которую отец всегда носил в кармане домашнего халата.

— Отлично. Мы обязательно сходим туда и посмотрим. Но будет лучше, если мы сначала опросим остальных членов семьи. Дамы, возможно, хотят спать.

Лидия встала.

— Пойдем, Альфред. — Она повернулась к Джонсону и остальным. — Послать их к вам?

— Пусть приходят по одному, если вы не возражаете, миссис Ли.

— Разумеется.

Она направилась к двери, Альфред последовал за ней. Неожиданно в последний момент он обернулся и воскликнул, быстро шагнув к Пуаро:

— Ну конечно же! Вы Эркюль Пуаро! Куда только делись мои мозги. Как это я сразу не понял! — Он быстро заговорил негромким, возбужденным голосом: — Какое счастье, мистер Пуаро, что вы оказались здесь! Прошу вас, вы должны установить истину! Я пойду на любые расходы. *Главное, найдите убийцу*... Мой бедный отец убит в собственном доме, причем со звериной жестокостью! Вы должны найти убийцу, мистер Пуаро! Нужно отомстить за моего отца.

— Уверяю вас, мистер Ли, я готов приложить все усилия, чтобы помочь полковнику Джонсону и суперинтенданту Сагдену, — тихо ответил Пуаро.

— Я хочу, чтобы вы сделали это ради меня, — сказал Альфред Ли. — Нужно отмстить за моего отца.

Его била сильная дрожь. Лидия вернулась к нему и взяла под руку.

— Пойдем, Альфред, — сказала она. — Нужно позвать остальных.

Она в упор посмотрела на Пуаро. В глазах ее таился не один секрет. Впрочем, взгляд ее не

дрогнул.

— «Кто мог подумать, что у старика...» — негромко произнес Пуаро.

— Прекратите! Не говорите так! — оборвала она его.

— Как скажете, мадам, — пробормотал маленький бельгиец. — Но ведь это ваши собственные слова.

— Я знаю... я помню... Это было... так ужасно, — прошептала Лидия.

С этими словами она вышла из комнаты. Муж последовал за ней.

Глава 9

Джордж Ли был серьезен.

— Это просто какой-то кошмар! — воскликнул он, покачав головой. — Ужасный, жуткий кошмар. Такое мог сделать лишь безумец!

— Это ваша версия? — деликатно осведомился полковник Джонсон.

— Да. Да, именно. Маньяк-убийца. Сбежавший, по всей видимости, из близлежащего сумасшедшего дома.

— И как по-вашему, — вступил в разговор Сагден, — этот… э-э-э… маньяк смог проникнуть в дом, мистер Ли? И как же он покинул его стены?

Джордж покачал головой.

— Выяснить это — дело полиции, — решительным тоном ответил он.

— Мы сразу обошли весь дом, — произнес суперинтендант. — Все окна крепко закрыты. Боковая дверь заперта, входная тоже. Никто не мог бы выйти из кухонных помещений, оставаясь незамеченным прислугой.

— Но это абсурд! — воскликнул Джордж Ли. — Вы еще скажете, что моего отца никто не убивал!

— Отчего же? Его убили, — сказал Сагден. — В этом нет никаких сомнений.

Главный констебль прочистил горло и приступил к допросу:

— Где вы были, мистер Ли, в тот момент, когда было совершено преступление?

— Я был в столовой. Это случилось сразу после ужина… Нет, наверное, я был в этой комнате. Я как раз закончил разговор по телефону.

— Вы разговаривали с кем-то по телефону?

— Да, я звонил агенту консервативной партии в Уэстерингеме, это мой избирательный округ. Срочные дела.

— И после этого вы услышали крик?

Джордж Ли еле заметно вздрогнул.

— Да, просто жуткий. У меня даже мурашки пробежали по коже. Затем крик сменился каким-то хрипом или бульканьем. — Он достал носовой платок, вытер со лба капли пота и пробормотал: — Ужасное дело.

— И тогда вы поспешили наверх?

— Да.

— Вы видели ваших братьев, мистера Альфреда и мистера Генри?

— Нет, они, должно быть, побежали первыми.

— Когда вы в последний раз видели вашего

отца, мистер Ли?

— Днем. Мы все приходили к нему в его комнату.

— Вы видели его после этого?

— Нет.

Главный констебль немного помолчал, затем спросил:

— Вы знали, что ваш отец хранил в своей спальне, в сейфе, некоторое количество неограненных алмазов?

Джордж Ли кивнул.

— Это было крайне неразумно, — напыщенно сказал он. — Я часто говорил ему об этом. Вполне возможно, что его могли убить именно из-за этих камней… то есть… я хотел сказать…

— Вы знали, что эти алмазы исчезли? — перебил его полковник Джонсон.

У Джорджа отвисла нижняя челюсть.

— Выходит, его убили из-за них? — растерянно спросил он.

— Ваш отец знал о пропаже и за несколько часов до смерти сообщил о ней в полицию, — медленно произнес главный констебль.

— Но тогда я… я не понимаю… — ответил Джордж.

— Мы тоже не понимаем, — мягко произнес

Эркюль Пуаро.

Глава 10

В комнату развязно вошел Гарри Ли. Эркюль Пуаро бросил на него хмурый взгляд. Почему-то у него возникло ощущение, что он уже где-то видел этого человека. Маленький бельгиец мысленно отметил черты его лица: нос с горбинкой, высокомерная посадка головы, четкая линия подбородка. Внезапно его осенило: хотя Гарри — мужчина крупный и рослый, а старый мистер Ли имел средний рост, между ними имелось удивительное внешнее сходство.

Отметил он и еще кое-что. Несмотря на свою развязность, Гарри Ли нервничал. Он старался держаться уверенно, однако скрыть нервозность ему не удавалось. Она сквозила во всем, эта нервозность.

— Итак, господа, — произнес он. — Что мне вам рассказать?

— Мы будем рады любым сведениям, которые прольют свет на события этого вечера, — ответил полковник Джонсон.

Гарри покачал головой.

— Я ничего не знаю. Все это ужасно и крайне неожиданно.

— Если не ошибаюсь, вы недавно вернулись из-за границы, мистер Ли? — спросил Пуаро.

Гарри быстро повернулся к нему.

— Да. Высадился в Британии неделю назад.

— Вы долго отсутствовали? — уточнил Пуаро.

Гарри Ли вскинул подбородок и рассмеялся.

— Думаю, вам лучше услышать все прямо сейчас… кто-нибудь вскоре вам все расскажет! Я блудный сын, господа. Моя нога не ступала под своды этого дома почти двадцать лет.

— Но вы вернулись… сейчас. Хотелось бы знать, почему? — спросил Пуаро.

Гарри ответил с той же искренностью и готовностью:

— Есть хорошая старинная притча. Мне надоело питаться очистками, которые едят свиньи… или не едят, не помню точно. Я решил, что тучный телец устроит меня куда больше. Я получил письмо от отца, в котором тот предложил мне приехать в родной дом. Я откликнулся на его просьбу и приехал. Только и всего.

— Вы прибыли с коротким визитом или долгим? — уточнил Пуаро.

— Я приехал домой… навсегда, — ответил Гарри.

— Этого пожелал ваш отец?

— Старик был страшно рад. — Гарри снова рассмеялся, в уголках его глаз появились лучики морщинок. — Ему было тоскливо жить здесь с Альфредом! Альфред — еще тот зануда… Нет, брат очень даже достойный человек, но совершенно не компанейский. В свое время отец был повесой. Он с нетерпением ждал моего приезда.

— А ваш брат и его жена, они обрадовались известию о том, что отныне будут жить с вами под одной крышей?

Задавая это вопрос, Пуаро чуть приподнял брови.

— Альфред? Да он кипел от ярости. Насчет Лидии точно не скажу. Наверняка тоже возмутилась, заодно с мужем. Но я уверен, что в конце концов она будет довольна. Мне нравится Лидия. Прекрасная женщина. Мне давно следовало найти с ней общий язык. Вот Альфред — совершенно иное дело. — Он снова рассмеялся. — Всегда завидовал мне. Сам он был образцово-показательный сын, послушный домосед и тихоня. Вечно смотрел в рот отцу. И что же он получил за это в конце концов? То, что получает любой примерный ребенок в семье, — хорошую трепку. Поверьте мне, господа, добродетель — дрянной товар.

С этими словами Гарри поочередно посмотрел

на лица собеседников.

— Надеюсь, вас не шокировала моя откровенность? С другой стороны, вам же нужна правда. В конечном итоге вы все равно вытащите на свет все грязное семейное белье. Я готов продемонстрировать свое хоть сейчас. Не скажу, что я сильно переживаю по поводу смерти отца. В конце концов, я не видел старого греховодника много лет. Но все же он был моим отцом, и его убили. Я за то, чтобы месть нашла убийцу. — Гарри потер подбородок и пристально посмотрел на своих собеседников. — В нашей семье месть — привычное дело. Мы люди злопамятные. Обещаю, я добьюсь, чтобы убийца отца был схвачен и повешен.

— Можете положиться на нас, мистер Ли. Мы приложим все усилия для его поимки, — заверил его Сагден.

— Если вы этого не сделаете, я возьму закон в свои руки, — пообещал Гарри.

— У вас есть соображения относительно личности убийцы, мистер Ли? — резко спросил главный констебль.

Гарри покачал головой.

— Нет, — медленно произнес он. — Никаких. Мы все были потрясены случившимся. Я думал

об этом, и я не верю, что посторонний, то есть убийца, мог проникнуть в дом…

Сагден понимающе кивнул.

— И если это так, — продолжил Гарри, — значит, его убил кто-то из домашних… Но кто, черт побери, мог это сделать? Я не стал бы подозревать слуг. Трессильян пришел к нам еще до моего рождения. Придурочный лакей? Никогда в жизни. Хорбери — наглый тип, но Трессильян сказал мне, что он был в кино. А вы что думаете?.. Далее, Стивен Фарр — какого дьявола он стал бы ехать сюда из Южной Африки, чтобы убить постороннего человека? Остаются члены семьи. Но, честное слово, я не вижу, кто мог бы пойти на это. Альфред? Он обожал отца. Джордж? Ему не хватило бы смелости. Дэвид? Дэвид всегда был тонкой натурой. Он упал бы в обморок, увидев, как порезал себе палец. Их жены? Женщины не способны хладнокровно перерезать человеку горло. Так кто же это сделал, хотел бы я знать?! И все это наводит на нехорошие мысли.

Полковник Джонсон многозначительно прочистил горло — за ним водилась такая привычка — и произнес:

— Когда вы сегодня вечером в последний раз видели отца?

— После чая. У него как раз случилась размолвка с Альфредом… в связи с вашим покорным слугой. Старик был безмерно доволен собой. Ему всегда нравилось затевать свары. По-моему, именно по этой причине он никому не сказал о моем приезде. Хотел посмотреть, какой поднимется переполох, когда я неожиданно войду в дом! Потому-то он и завел разговор о том, что хочет изменить завещание.

— Значит, ваш отец упомянул о завещании?

Пуаро осторожно пошевелился.

— Именно… да еще в присутствии всех, наблюдая за нами, как кот, в ожидании, что за этим последует. Просто попросил адвоката прийти к нему после Рождества.

— Какие изменения он собирался внести? — спросил Пуаро.

— Этого старый лис нам не сказал! — ухмыльнулся Гарри. — Полагаю — вернее сказать, я надеялся, — что изменение будет в пользу вашего покорного слуги. Наверняка я был вычеркнут из всех предыдущих завещаний. Теперь же, похоже, отец пошел на попятную. Вот это был бы сюрприз! Представляю, каково будет остальным, когда они узнают! Да и Пилар… старик внезапно воспылал к ней любовью. Ей тоже, по всей видимости, при-

читался хороший кусок. Вы ее еще не видели? Моя испанская племянница. Она — очаровательное создание, эта Пилар, — прелестная южанка… но та еще хищница. Жаль, что я ей всего лишь дядя!

— Так вы говорите, что она очаровала вашего отца?

Гарри кивнул.

— Она знала, как охмурить старика. Часами просиживала в его комнате. Готов спорить, она знала, какую цель преследует. Но теперь он мертв. Теперь завещание уже не изменить в ее пользу, так же, как и в мою. Не везет так не везет.

Он нахмурился, помолчал минуту, после чего продолжил, правда, уже другим тоном:

— Но я отвлекся от главной темы. Вы спросили, когда я в последний раз видел отца? Как я уже сказал, вскоре после чая, а он был в шесть часов. Старик пребывал в прекрасном расположении духа, хотя и немного устал. Я ушел, а с ним остался Хорбери. Больше я его не видел.

— Где вы были в момент его смерти?

— В столовой, вместе с Альфредом. Не лучшее общество после ужина. Между нами как раз вспыхнула перепалка, когда сверху донесся грохот. Казалось, будто там идет массовое побоище. Затем наш отец закричал. Такое ощущение, будто

резали свинью. Альфред тотчас окаменел с отвисшей челюстью. Я был вынужден встряхнуть его, и мы бросились наверх. Дверь была заперта. Пришлось ее выбить. Что удалось не сразу. Как это дверь оказалась запертой, представить себе не могу! В комнате не было никого, кроме отца, и будь я проклят, если кто-то мог скрыться через окно.

— Дверь была заперта снаружи, — сообщил суперинтендант Сагден.

— Что? — удивленно воззрился на него Гарри. — Но я готов поклясться, что ключ был с внутренней стороны двери.

— Значит, вы это заметили? — пробормотал Пуаро.

— Я замечаю многие вещи! — резко ответил Гарри. — Такая у меня привычка. — Он цепким взглядом обвел лица присутствующих. — Хотите узнать что-то еще, господа?

Джонсон отрицательно покачал головой.

— Благодарю вас, мистер Ли, на данный момент это все. Может, вы попросите следующего члена вашей семьи прийти сюда?

— Разумеется.

Он подошел к двери и, не оглядываясь, вышел из комнаты. Трое обменялись взглядами.

— Ну, что, Сагден? — спросил полковник Джонсон.

Суперинтендант нерешительно мотнул головой.

— Он чего-то боится, — произнес он. — Интересно, чего?..

Глава 11

Магдалена Ли на мгновение задержалась на пороге и длинными, изящными пальцами коснулась блестящих платиновых волос. Платье из зеленого бархата выгодно подчеркивало ее стройную фигуру. Она выглядела очень юной и слегка испуганной.

Трое мужчин на мгновение застыли на месте, глядя на нее. В глазах Джонсона промелькнуло удивленное восхищение. Суперинтендант Сагден не проявил особого интереса, лишь нетерпение человека, которому нужно продолжить работу.

Взгляд Эркюля Пуаро был оценивающим, как ей показалось, однако это было признание не столько ее красоты, сколько того эффекта, который эта красота производила. Магдалена Ли не знала, что про себя он подумал: «*Jolie mannequin, la petite. Mais elle a les yeux durs*»[16].

«Черт, смазливая бабенка, — подумал полковник Джонсон. — У Джорджа Ли с ней возникнут проблемы, если он не утратит бдительность. За такой нужен глаз да глаз».

---

[16] Примечания: 16

«Прелестный манекен эта малышка. Вот только глаза колючие» (*фр.*).

«Пустоголовая тщеславная красотка, — подумал суперинтендант Сагден. — Надеюсь, мы быстро с ней разделаемся».

— Присядете, миссис Ли? Насколько мне помнится, вы… э-э-э…

— Миссис Джордж Ли.

Она приняла предложение с любезной улыбкой и села в кресло. Казалось, будто ее взгляд говорил следующее: «В конце концов, хотя вы и полицейский, вы не такой уж и страшный».

Шлейф ее улыбки коснулся и Пуаро. Иностранцы, как известно, падки на женщин. Суперинтенданта Сагдена она не удостоила вниманием.

— Это так ужасно. Мне страшно! — прошептала Магдалена, в театральном отчаянии заламывая руки.

— Успокойтесь, миссис, — любезно, но отрывисто произнес полковник Джонсон. — Согласен, это потрясение, но худшее позади. Мы лишь хотим услышать от вас о том, что случились сегодня вечером.

— Но я ничего не знаю!.. — вскричала она. — Поверьте, ничего не знаю!

Главный констебль на мгновение прищурился.

— Конечно, нет, — тихо согласился он.

— Мы прибыли только вчера. Это Джордж заставил меня приехать сюда на Рождество! Жалею, что мы это сделали. Уверена, после этого случая моя жизнь уже никогда не будет прежней!

— Весьма неприятно… конечно.

— Я едва знаю семью Джорджа. Я лишь пару раз видела мистера Ли — на нашей свадьбе и еще как-то раз. Конечно, Альфреда и Лидию я видела чаще, но все равно они для меня остаются чужими людьми.

И вновь этот взгляд широко распахнутых глаз испуганного ребенка. И вновь Эркюль Пуаро смерил ее оценивающим взглядом и подумал: «*Elle joue très bien la comédie, cette petite*»[17].

— Да, да, — сказал полковник Джонсон. — А теперь расскажите мне о том, когда вы в последний раз видели своего свекра, мистера Ли, живым.

— Ах, это!.. Это было днем. Какой ужас!

— Ужас? — быстро спросил Джонсон. — Почему?

— Они так разозлились!

— Кто разозлился?

— Они все… Я не имею в виду Джорджа. Отец ничего не сказал ему. Но все остальные…

---

[17] Примечания: 17

«Она хорошо ломает комедию, эта малышка» (*фр.*).

— Что именно случилось?

— Ну, когда мы пришли туда, он пригласил всех нас… Он разговаривал по телефону… со своим адвокатом о завещании. Потом сказал Альфреду, что тот какой-то очень мрачный; наверное, это потому, что в доме появился Гарри. Альфред из-за этого сильно расстроился. Дело в том, что Гарри совершил нечто ужасное. А затем мой свекор сказал что-то про свою жену… она умерла много лет назад… что у нее, мол, были мозги как у блохи, так он сказал, и Дэвид вскочил с таким видом, будто готов убить отца… О! — Магдалена внезапно умолкла. В ее глазах промелькнул испуг. — Я не хотела сказать… я вовсе не это имела в виду!

— Что вы… это просто фигура речи, только и всего, — поспешил успокоить ее полковник Джонсон.

— Хильда, жена Дэвида, стала его успокаивать и… пожалуй, это всё. Мистер Ли сказал, что вечером не хочет никого видеть. И все мы разошлись.

— И тогда вы видели его в последний раз?

— Да. До того… до того, как… — Магдалена содрогнулась.

— Да, именно, — сказал полковник Джонсон. — А теперь я вот что хочу услышать от вас: где вы

были во время преступления?

— Дайте подумать… Полагаю, я была в гостиной.

— Вы уверены?

Глаза Магдалены сверкнули, затем она потупила взор.

— Ну конечно же! — произнесла она. — Какая же я глупая!.. Я пошла позвонить по телефону. Все так путается в мыслях…

— Вы сказали, что звонили по телефону. В этой комнате?

— Да. Телефон здесь есть только в этой комнате. А второй находится в спальне свекра.

— В комнате с вами кто-нибудь был? — уточнил суперинтендант Сагден.

Магдалена сделала большие глаза.

— Нет. Я была совершенно одна.

— Вы долго были там?

— Ну… какое-то время. Вечером бывает не так легко дозвониться.

— Значит, это был вызов по междугородному телефону?

— Да, в Уэстерингем.

— Понятно.

— А потом?

— Потом раздался жуткий крик… и все побежа-

ли наверх… а дверь была заперта, и ее пришлось выбить. О, это был настоящий кошмар! Никогда его не забуду!

— Нет, нет, — произнес полковник Джонсон механически-утешительным тоном. — Скажите, вы знали, что ваш свекор хранил в сейфе неограненные алмазы?

— Нет, не знала. Неужели? — В ее голосе прозвучало искреннее удивление. — Настоящие алмазы?

— Алмазы стоимостью примерно десять тысяч фунтов, — добавил Эркюль Пуаро.

— О! — ахнула Магдалена. Это было легкий, нежный вздох, этакое воплощение женской алчности.

— Я думаю, на сегодня всё, — сказал полковник Джонсон. — Мы больше не смеем злоупотреблять вашим временем, миссис Ли.

— О, спасибо вам!

Скользнув улыбкой благодарной юной девушки сначала по Джонсону, затем по Эркюлю Пуаро, она встала и с высоко поднятой головой направилась к двери.

— Вы не пригласите сюда вашего деверя, мистера Дэвида Ли? — бросил ей вслед полковник Джонсон.

Закрыв за ней дверь, он вернулся к столу и спросил:

— Ну что вы думаете? Мы понемногу приближаемся к цели. Обратите внимание: Джордж Ли разговаривал по телефону, когда услышал крик. Его жена разговаривала по телефону, когда тоже услышала крик! Что-то тут не сходится, совсем не сходится… Что скажете, Сагден? — добавил он.

— Не хочу ничем оскорблять эту женщину, — начал суперинтендант, — но должен сказать, что хотя она явно из числа мастериц выуживать у мужчин деньги, не думаю, что она способна перерезать мужчине горло. Это, так сказать, не из ее репертуара.

— Никогда нельзя знать наверняка, *mon vieux*[18], — пробормотал Пуаро.

— А вы, Пуаро, что вы думаете? — повернулся к нему главный констебль.

Маленький бельгиец подался вперед. Затем задумчиво развернул пресс-папье и стряхнул пылинку с подсвечника.

— Я бы сказал, — ответил он, — что характер покойного мистера Ли начинает постепенно вырисовываться. Именно в нем и заключается

---

[18] Примечания: 18
Старина (*фр.*).

сложность данного случая… в характере покойного.

Суперинтендант Сагден повернул к нему удивленное лицо.

— Боюсь, я не совсем понимаю вас, мистер Пуаро, — сказал он. — Что именно в характере покойного могло иметь отношение к убийству?

— Характер жертвы всегда имеет отношение к убийству, — задумчиво произнес сыщик. — Искренний, доверчивый характер Дездемоны стал прямой причиной ее смерти. Более подозрительная женщина разглядела бы махинации Яго сразу и не попалась бы в его сети. Моральная нечистоплотность Марата стала причиной того, что он встретил свою смерть в ванне. Характер Меркуцио привел к смерти от шпаги.

Полковник Джонсон дернул себя за кончик усов.

— На что вы намекаете, Пуаро?

— Я хочу сказать, что поскольку Симеон Ли был человеком весьма своеобразным, он привел в действие некие силы, которые в конечном итоге и повлекли за собой его смерть.

— То есть, по-вашему, алмазы здесь ни при чем?

На лице полковника Джонсона читалось ис-

креннее недоумение. Пуаро даже улыбнулся.

– *Mon cher*, — сказал он. — Именно из-за своеобразного характера Симеон и держал в сейфе алмазы общей стоимостью в десять тысяч фунтов! Далеко не все люди поступают таким образом.

— Это правда, мистер Пуаро, — согласился суперинтендант Сагден и кивнул с видом человека, до которого наконец дошло, к чему клонит его собеседник. — Он был странный человек, этот мистер Ли. Хранил в спальне алмазы, которые мог в любой момент взять в руки, чтобы вспомнить прошлое… Они нужны были ему именно в таком виде, вот он и не отдавал их в огранку.

Пуаро энергично кивнул.

— Именно, именно так. Вижу, вы человек на редкость проницательный, суперинтендант.

Сагден с некоторым сомнением на лице принял этот комплимент, но тут в разговор вмешался полковник Джонсон:

— Есть и еще кое-что, Пуаро. Я не знаю, заметили ли вы…

– *Mais oui*[19], — ответил Пуаро. — Я вижу, что вы имеете в виду. Миссис Джордж Ли, сама о том не подозревая, кое о чем проболталась. Она об-

---

[19] Примечания: 19
Ну да (*фр.*).

рисовала нам настроение последнего семейного сбора. По ее словам — о, какая наивность! — Альфред был зол на отца… а у Дэвида была такой вид, будто он «был готов его убить»! Думаю, оба эти заявления соответствуют истине. Но из них мы можем извлечь свои собственные выводы. Зачем Симеон Ли собрал вместе всю семью? Зачем им было входить к нему именно в тот момент, когда он разговаривал по телефону со своим адвокатом? *Parbleu*[20], так и должно было быть. Он хотел, чтобы они услышали его слова! Бедный старик, он сидит в кресле, ему скучно; утехи молодых лет давно в прошлом. И он изобретает новые забавы. Развлекается тем, что играет на струнах человеческой алчности, на страстях и эмоциях. Но отсюда напрашивается другой вывод. Пробуждая алчность и эмоции в своих детях, он затрагивает чувства каждого. По идее, он должен был сделать выпад в адрес мистера Джорджа, так же, как и всех остальных! Его жена благоразумно хранит об этом молчание. В нее он тоже наверняка выпустил пару отравленных стрел. Думаю, мы выясним от остальных, что Симеон Ли сказал Джорджу Ли или его жене…

---

[20] Примечания: 20
Черт побери (*фр.*).

Он не договорил. Дверь открылась, и в комнату шагнул Дэвид Ли.

Глава 12

Дэвид Ли держался хорошо. Он был спокоен, если не сказать невозмутим. Войдя, мужчина подтащил кресло ближе и сел, вопросительно глядя на полковника Джонсона.

Для сына того морщинистого старика, чье мертвое тело лежало сейчас в верхней комнате, Дэвид выглядел абсурдно молодо. Электрический свет золотил светлый локон у него на лбу, высвечивал тонкий, нервный абрис лица.

— Итак, господа, чем могу быть вам полезен? — спросил он.

— Насколько я понимаю, мистер Ли, — сказал полковник Джонсон, — сегодня днем в комнате вашего отца состоялось нечто вроде семейного сбора, не так ли?

— Верно. Но он прошел совершенно обычно, без всяких формальностей. То есть я хочу сказать, что это не был семейный совет. Ничего подобного.

— Что там произошло?

— Мой отец был не в настроении, — спокойно ответил Дэвид. — Он был стар и притом инвалид, так что нужно делать на это скидку. Похоже, он собрал нас у себя для того… для того, чтобы

выплеснуть на нас свое раздражение.

— Вы можете припомнить, что именно он сказал?

— Это были какие-то глупости, — негромко ответил Дэвид. — Он сказал, что от нас никакой пользы… что в семье ни одного мужчины. Заявил, что Пилар — это моя испанская племянница — стоит двоих. Он сказал… — Дэвид неожиданно замолчал.

— Прошу вас, мистер Дэвид, если можете, повторите точно его слова, — попросил Пуаро.

— Он говорил довольно резко, — неохотно признался Дэвид. — Сказал, что надеется, что где-то в мире у него есть сыновья получше нас… пусть даже незаконные…

Дэвид умолк. На его лице читалось отвращение.

Суперинтендант Сагден внезапно насторожился и поднял голову.

— Отец говорил что-нибудь вашему брату Джорджу? — спросил он, подавшись вперед.

— Джорджу? Не помню… О да, кажется, отец сказал, что в будущем моему брату придется сократить свои расходы, потому что он урежет ему содержание. Джордж рассердился и сделался красным, как индюк. Заявил, что в таком слу-

чае он едва сможет сводить концы с концами. Отец хладнокровно ответил, что ему все равно придется. Мол, жена Джорджа должна научиться экономить. Это была довольно неприятная резкость, ибо Джордж всегда был прижимист и тяжело расстается с каждым пенни. Магдалена же, как мне кажется, привыкла сорить деньгами. У нее экстравагантные вкусы.

— Значит, она тоже расстроилась? — спросил Пуаро.

— Да. Кроме того, отец довольно грубо упомянул о том, что она жила с морским офицером. Конечно, он имел в виду ее отца, но это прозвучало довольно двусмысленно. Магдалена тут же покраснела. Я не виню ее.

— Ваш отец упомянул свою покойную жену, вашу мать, верно? — спросил Пуаро.

Было видно, как на висках Дэвида пульсирует кровь. Кисти его рук, лежавшие на столе, непроизвольно сжались и слегка подрагивали.

— Да, — сдавленным голосом ответил он. — Он ее оскорблял.

— Что он сказал? — уточнил полковник Джонсон.

— Не помню! — выкрикнул Дэвид. — Какие-то пренебрежительные слова.

— Ваша мать давно умерла? — мягко спросил Пуаро.

— Давно, я был тогда ребенком, — коротко ответил Дэвид.

— Она была… не совсем счастлива, живя здесь?

— Как можно быть счастливым с таким человеком, как мой отец? — презрительно усмехнулся Дэвид. — Моя мать была святая. Она отошла в мир иной с разбитым сердцем.

— Ваш отец, наверное, был огорчен ее смертью? — задал новый вопрос Пуаро.

— Не знаю, — резко ответил Дэвид. — Я уехал из дома.

Немного помолчав, он добавил:

— Возможно, вы не в курсе, но до того, как приехать сюда, меня в этом доме не было двадцать лет. Боюсь, я ничего не могу рассказать вам о его привычках, его врагах или о том, что здесь происходило.

— Вы знали о том, что ваш отец хранил в сейфе в своей спальне алмазы, которые дорого стоят? — спросил полковник.

— Неужели? — равнодушно произнес Дэвид. — Что за глупость, однако!

— Вы можете коротко описать свои перемещения по дому этим вечером? — продолжил

Джонсон.

— Мои? После ужина я довольно быстро встал из-за стола. Мне было скучно сидеть там, попивая портвейн. К тому же я понял, что между Альфредом и Гарри назревает ссора. Терпеть не могу скандалов. Я вышел в другую комнату и немного поиграл на пианино.

— В музыкальном салоне рядом с гостиной, не так ли? — уточнил Пуаро.

— Да. Я поиграл там какое-то время… до того… до того как… это случилось.

— Что именно вы услышали?

— Какой-то грохот, как будто где-то наверху крушили мебель. Затем послышался ужасный крик… — Дэвид снова сжал пальцы. — Душераздирающий адский вопль. Боже, это был сущий кошмар!

— Вы были один в музыкальном салоне? — спросил Джонсон.

— Что? Нет, там была моя жена Хильда. Она пришла туда из гостиной. Мы… мы поднялись наверх вместе с остальными… Вы же не хотите, чтобы я описал вам то… то, что там увидел? — нервно добавил он.

— Это не обязательно, — заверил его полковник Джонсон. — Благодарю вас, мистер Ли, у меня

больше нет к вам вопросов. Скажите, у вас нет соображений, кому могло быть выгодно убийство вашего отца?

— Думаю… это выгодно многим, — резко ответил Дэвид. — Но я не могу кого-то назвать.

С этими словами он, громко хлопнув дверью, вышел из комнаты.

Глава 13

Полковник Джонсон успел лишь откашляться, не более того. Ибо дверь открылась и в комнату вошла Хильда Ли.

Эркюль Пуаро с интересом взглянул на нее. И был вынужден признать, что жены сыновей Симеона Ли представляли собой любопытный материал для изучения. Быстрый ум и грациозность Лидии, вульгарное кокетство Магдалены, уверенная сила Хильды.

Пуаро отметил, что старушечья прическа и немодная одежда Хильды делали ее старше своих лет. Впрочем, в темно-русых волосах не было седины, карие глаза на полноватом лице сияли, как маяки доброты. Славная женщина, подумал он.

— …большое напряжение для всех вас, — сочувственно произнес полковник Джонсон. — По словам вашего мужа, вы в Горстон-холле впервые?

Миссис Ли кивнула в подтверждение правоты его слов.

— Скажите, раньше вы были знакомы с вашим свекром?

— Нет. Мы поженились вскоре после того, как

Дэвид уехал из дома, — любезно ответила Хильда. — Он не хотел иметь ничего общего с семьей. До настоящего времени мы ни с кем из них не общались.

— Тогда что вас подвигло приехать сюда?

— Свекор написал Дэвиду. Он подчеркнул свой преклонный возраст и свое желание на Рождество собрать всю семью под одной крышей.

— И ваш муж откликнулся на это приглашение?

— Боюсь, он сделал это в угоду мне, — ответила Хильда. — Я неверно истолковала ситуацию.

— Будьте любезны, мадам, объяснить это нам более подробно, — перебил ее Пуаро. — Мне кажется, то, что вы нам расскажете, способно пролить свет на многие вещи.

Хильда тотчас повернулась к нему.

— До того момента я ни разу не видела моего свекра, — ответила она. — Я понятия не имела, что им двигало. Я подумала, что он стар и действительно хочет помириться со своими детьми.

— И что же, по-вашему, двигало им на самом деле?

Хильда мгновение помедлила с ответом.

— Я уверена — у меня нет ни малейших сомнений, что на самом деле мой свекор не желал

примирения, а хотел еще сильнее разжечь вражду.

— Каким образом?

— Это его забавляло, — тихо ответила Хильда. — Ему нравилось взывать к низменным инстинктам человеческой натуры. В нем жила, если можно так выразиться, некая сатанинская зловредность. Он решил столкнуть лбами членов семьи.

— Ему это удалось? — резко спросил Джонсон.

— Да, удалось, — ответила Хильда.

— Нам известно, мадам, что днем имела место некая сцена, — вступил в разговор Пуаро. — Причем довольно бурная.

Женщина наклонила голову.

— Не будете ли вы любезны описать ее нам, по возможности правдиво?

Хильда на минуту задумалась.

— Когда мы вошли, мой свекор разговаривал по телефону.

— Насколько я понимаю, со своим адвокатом?

— Он просил мистера… кажется, Чарльтона? — я не помню его имени… — приехать к нему, потому что он-де желает составить новое завещание. По его словам, последнее завещание устарело.

— Подумайте хорошенько, мадам. Как по-вашему, мистер Симеон Ли намеренно хотел, чтобы вы все услышали его разговор с адвокатом или вы услышали его слова *случайно*? — спросил Пуаро.

— Я почти уверена, что он хотел, чтобы мы его услышали, — ответила Хильда Ли.

— С тем, чтобы посеять среди вас сомнения и подозрительность?

— Да.

— То есть, возможно, он не собирался менять завещание?

— Нет, — возразила она, — с его стороны это прозвучало вполне искренне. Вероятно, он и в самом деле пожелал составить новое завещание, однако намеренно и всячески это подчеркивал.

— Мадам, — сказал Пуаро, — я не работаю в полиции, и мои вопросы, как вы понимаете, это, возможно, не те вопросы, которые задал бы вам британский полицейский. Тем не менее хотелось бы знать, каким, по-вашему, было бы новое завещание. Меня интересуют не точные факты, а лишь ваше мнение. У женщин мнение возникает очень быстро, *Dieu merci*[21].

— Охотно его выскажу, — улыбнулась Хиль-

---

[21] Примечания: 21
Спасибо Господу (*фр.*).

да. — Сестра моего мужа Дженнифер вышла замуж за испанца Хуана Эстравадоса. Ее дочь, Пилар, только что приехала сюда. Очаровательная девушка, она единственная внучка Симеона Ли. Старик тотчас проникся к ней теплыми чувствами. Ему было приятно ее общество. По-моему, в новом завещании он решил оставить ей приличные деньги. Предполагаю, что в старом ей причиталась лишь малая сумма или же ей вообще ничего не полагалось.

— Вы совсем не знали вашу золовку?

— Нет, мы никогда не встречались. Если не ошибаюсь, ее муж-испанец умер при трагических обстоятельствах, вскоре после их свадьбы. Сама Дженнифер умерла год назад. Пилар осталась сиротой. Вот поэтому мистер Ли и попросил ее приехать и пожить с ним в Англии.

— А остальные члены семьи, они были рады ее приезду?

— Мне кажется, она понравилась всем, — спокойно ответила Хильда. — Это приятно, когда в доме находится кто-то молодой.

— Скажите, а ей самой здесь понравилось?

— Не знаю, — медленно ответила она. — Для девушки, выросшей на юге… в Испании, ей наверняка все кажется непривычным и холодным.

— Сейчас и в Испании не слишком приятно, — вступил в разговор Джонсон. — А теперь, миссис Ли, мы бы хотели услышать от вас о разговоре, состоявшемся днем.

— Прошу прощения, — пробормотал Пуаро, — я отклонился от темы.

— После того, как мой свекор закончил разговаривать по телефону, — сказала Хильда, — он оглядел нас, рассмеялся и заявил, что мы все какие-то мрачные. Затем сказал, что устал и желает рано лечь спать. Чтобы вечером мы не беспокоили его своими визитами, так как завтра он хочет быть в хорошей форме. Что-то в этом роде. Затем… — Она нахмурила брови, пытаясь вспомнить. — Кажется, он сказал, мол, чтобы оценить по достоинству Рождество, нужно быть большой семьей, после чего заговорил о деньгах. Сказал, что в будущем возрастут его расходы на содержание дома. Добавил, что Джорджу и Магдалене придется экономить. Велел ей научиться кройке и шитью… Боюсь, это довольно старомодная идея. Не удивительно, что это сильно ее разозлило. Мистер Ли вспомнил, что его собственная жена ловко обращалась с иголкой.

— И это все, что он сказал о ней? — осторожно поинтересовался Пуаро.

Хильда покраснела.

— Он уничижительно отозвался о ее умственных способностях. Мой муж был предан матери, и слова отца были ему крайне неприятны. Внезапно мистер Ли накричал на всех нас. Пришел в небывалое возбуждение. Я, конечно, понимаю его чувства…

— Какие же? — осторожно осведомился Пуаро.

Миссис Дэвид Ли ответила ему безмятежным взглядом.

— Он был расстроен тем, что у него нет внуков, — я имею в виду мальчиков, — которые могли бы продолжить династию Ли. Думаю, эта мысль мучила его давно. И вот неожиданно все, что копилось в его душе долгие годы, прорвалось наружу — ярость в адрес сыновей. Он упрекнул их в слюнтяйстве, отсутствии мужественности и тому подобном. Мне стало жалко его. Было видно, что его гордость уязвлена.

— А потом?

— А потом, — медленно произнесла Хильда, — мы все ушли.

— И это был последний раз, когда вы его видели?

Она вся поникла.

— Где вы были в то время, когда произошло

преступление? — прозвучал новый вопрос.

— Я была вместе с моим мужем в музыкальной комнате. Он играл мне.

— А потом?

— Мы услышали, как наверху кто-то опрокидывает столы и кресла и бьет фарфор… там шла какая ужасная борьба. Затем раздался жуткий крик, когда ему перерезали горло…

— Так это был жуткий крик? Как… — он сделал паузу, — *вопль души в аду*?

— Даже хуже! — ответила Хильда Ли.

— Что вы хотите этим сказать, мадам?

— Казалось, кричал кто-то, *кто вовсе не имел души*… Нечеловеческий, звериный вопль…

— Выходит, вы вынесли свое суждение, мадам? — хмуро спросил Пуаро.

Хильда умоляюще вскинула руку и устремила взгляд в пол.

Глава 14

Пилар медленно вошла в комнату, словно животное, которое чувствует близкое соседство западни, и быстрым взглядом обвела комнату. Впрочем, выглядела она не столько испуганной, сколько настороженной.

Полковник Джонсон встал и пододвинул к ней кресло.

— Надеюсь, вы понимаете по-английски, мисс Эстравадос? — спросил он.

Пилар удивленно посмотрела и на него.

— Конечно, — ответила она. — Моя мать была англичанкой. Я сама в известной мере англичанка.

По губам полковника Джонсона скользнула легкая улыбка. Он отметил про себя черные блестящие волосы, гордые темные глаза и сочные алые губы. Вот уж англичанка! К Пилар Эстравадос это определение явно не относилось.

— Мистер Ли был вашим дедом, — начал он. — Он пригласил вас приехать сюда из Испании. И вы прибыли несколько дней назад. Это так?

Пилар кивнула.

— Да, это так. Я с приключениями выбралась

из Испании. Мы попали под бомбежку… шофер был убит… там, где была его голова, осталось кровавое месиво. Я не могла вести машину и была вынуждена долго идти пешком… А я не люблю ходить пешком. Натерла ноги… но…

Полковник Джонсон улыбнулся.

— В любом случае вы приехали сюда, — сказал он. — Ваша мать часто рассказывала вам о вашем деде?

Пилар весело кивнула.

— Да, она говорила, что он старый черт.

— И что вы подумали о нем, когда приехали и встретились с ним, мадемуазель? — с улыбкой спросил Пуаро.

— Конечно, он был очень, очень стар, — ответила Пилар. — Он почти не вставал с кресла, и лицо у него было все в морщинах, сухое, как пергамент. Но все равно он мне понравился. Думаю, в молодости он был красавец, например, как вы, — сказала Пилар, обращаясь к суперинтенданту Сагдену. Она с каким-то детским удовольствием скользнула глазами по его лицу, которое тут же сделалось пунцовым.

Полковник Джонсон с трудом сдержал усмешку. Это был один из тех редких моментов, когда обычно бесстрастный суперинтендант смутился.

— Но, разумеется, — с сожалением продолжила Пилар, — он не был таким рослым, как вы.

Эркюль Пуаро вздохнул.

— Значит, вам нравятся крупные мужчины, сеньорита? — спросил он.

— О да, я люблю крупных, рослых мужчин, — с воодушевлением согласилась Пилар. — Широкоплечих и очень, очень сильных.

— Вы часто виделись с вашим дедом после того, как приехали сюда? — резко спросил полковник Джонсон.

— О да, — ответила Пилар. — Я приходила посидеть с ним. Он многое мне рассказывал… о том, каким был жестоким, чем занимался в Южной Африке.

— Он говорил вам, что в его сейфе в спальне хранятся алмазы?

— Да, он показывал их мне. Но это не бриллианты… скорее, обыкновенные камни… совершенно некрасивые… я бы сказала, уродливые.

— Значит, он показывал их вам, верно? — уточнил суперинтендант Сагден.

— Да.

— Он подарил вам хотя бы несколько?

Пилар отрицательно покачала головой.

— Нет, ни одного. Я думала, что когда-нибудь

это произойдет… Если я буду мила с ним, если стану часто приходить к нему, чтобы посидеть рядом. Старым джентльменам очень нравятся молодые девушки.

— Вы знаете, что эти камни украдены? — спросил полковник Джонсон.

— Украдены? — удивилась Пилар.

— Да. Как вы думаете, кто мог их украсть?

— Да, — кивнула девушка. — Думаю, это был Хорбери.

— Хорбери? Вы имеете в виду лакея?

— Да.

— Почему вы так думаете?

— Потому что у него лицо вора. Глазки бегают, ходит неслышно, подслушивает под дверьми… Похож на кота, а все коты — воры.

— Гм, — хмыкнул Джонсон. — Давайте оставим это. Насколько я понимаю, вся семья днем пришла в комнату вашего дедушки и произошел… э-э-э… некий неприятный разговор.

Пилар кивнула и улыбнулась.

— Да. Это было ужасно смешно! Они так разозлились на деда!

— И вам это понравилось, верно?

— Да. Мне интересно наблюдать, когда люди злятся. Но в Англии злятся не так, как в Испании.

В Испании сразу хватаются за ножи, сыплют проклятиями и кричат. В Англии ничего не делают, просто краснеют как раки и умолкают.

— Вы помните, что было сказано?

Пилар задумалась.

— Я не уверена. Дедушка сказал, что они никуда не годные… что у них нет детей… Сказал, что я лучше любого из них. Я ему нравилась, в отличие от них.

— Он говорил что-нибудь о деньгах или о завещании?

— О завещании? Нет, вряд ли. Я не помню.

— Что случилось потом?

— Они все ушли, кроме Хильды… той толстушки, жены Дэвида, она задержалась.

— Вот как?

— Да. Дэвид выглядел комично. Он весь дрожал и был бледен как мел. Казалось, его вот-вот вырвет.

— И что было потом?

— Потом я вышла из комнаты и отыскала Стивена. Мы танцевали под граммофон.

— Со Стивеном Фарром?

— Да. Он из Южной Африки. Сын дедушкиного партнера. Он тоже очень симпатичный. Такой загорелый и рослый, и еще у него красивые глаза.

— Где вы были в то время, когда произошло преступление? — спросил Джонсон.

— Вы спрашиваете, где я была?

— Да.

— Я пошла в гостиную вместе с Лидией. Я потом поднялась в свою комнату и накрасилась. Я собралась снова потанцевать со Стивеном. Внезапно я услышала крик и топот ног. Все бросились наверх. Я тоже. Они пытались выбить дверь дедушкиной комнаты. Гарри вместе со Стивеном ее выломали, они оба очень сильные.

— Да?

— Ну да… трах!.. и дверь отвалилась… мы заглянули внутрь. О, какое зрелище… в комнате разгром, все перевернуто, дедушка лежит в луже крови, и горло у него перерезано, *вот так*… — Пилар выразительно чиркнула себя ребром ладони по горлу. — Вот здесь, под ухом.

Она умолкла, явно довольная своим рассказом.

— Вам не сделалось дурно при виде крови? — уточнил Джонсон.

— Нет. С чего бы? — искренне удивилась Пилар. — Когда людей убивают, кровь бывает всегда. Там кровь была по всей комнате!

— Кто-нибудь что-то сказал? — спросил Пуаро.

— Дэвид сказал что-то смешное… как это? Ах,

да. Мельницы бога… как же это он выразился?.. — Она повторила, выделяя каждое слово. — *Божьи… мельницы…* Что это значит? Мельницы ведь мелют муку, верно?

— У нас, пожалуй, больше нет к вам вопросов, мисс Эстравадос, — сказал полковник Джонсон.

Пилар послушно встала и одарила каждого обворожительной улыбкой.

— Тогда я пойду.

С этими словами она вышла.

– *Божьи мельницы мелют медленно, да мелко*, — произнес полковник Джонсон. — И надо же, это сказал Дэвид!

Глава 15

Дверь открылась снова. Полковник Джонсон поднял голову. На какой-то миг он решил, что фигура в дверном проеме — это Гарри Ли, но когда в комнату шагнул Стивен Фарр, тотчас понял свою ошибку.

— Садитесь, мистер Фарр, — сказал он.

Стивен сел. Его глаза, спокойные и умные, скользнули поочередно по всем троим.

— Боюсь, от меня вам будет не слишком много пользы, — произнес он. — Но можете задавать мне любые вопросы, которые, по-вашему, вам помогут. Пожалуй, для начала будет лучше, если я объясню, кто я такой. Мой отец, Эбенезер Фарр, много лет тому назад был партнером Симеона Ли в Южной Африке. Это было более сорока лет назад.

Он на мгновение умолк, затем продолжил:

— Отец часто рассказывал мне про Симеона Ли, о том, что это был за человек. Они вдвоем в свое время сорвали большой куш. Симеон Ли вернулся на родину с кучей денег, да и мой отец тоже не бедствовал. Отец всегда говорил мне, что если я приеду в Англию, то обязательно должен

повидаться с мистером Ли. Я как-то сказал, что-де прошло столько лет и он даже не поймет, кто я такой, но отец лишь посмеялся надо мной. Он сказал: «Когда двое прошли через то, через что прошли мы с Симеоном, они будут помнить это всегда». Отец умер два года назад. В этом году я впервые в жизни приехал в Англию и решил, что нужно последовать совету отца и проведать мистера Ли. Я немного нервничал, когда приехал сюда, — продолжил он с легкой улыбкой, — но мои волнения оказались напрасны. Мистер Ли радушно встретил меня и настоял на том, чтобы я отпраздновал Рождество в его доме. Я боялся, что помешаю семейному торжеству, но он и слышать ничего не хотел. — Слегка застенчиво он добавил: — Все были любезны со мной, особенно мистер и миссис Альфред Ли. Мне очень жаль, что в их семье случилось такое.

— Сколько вы пробыли здесь, мистер Фарр?

— Я здесь со вчерашнего дня.

— Сегодня вы видели мистера Ли?

— Да, утром мы с ним беседовали. Он был в превосходном настроении и хотел услышать мои рассказы о разных людях и странах.

— Это был последний раз, когда вы видели его?

— Да.

— Он упоминал о том, что хранит в своем сейфе алмазы?

— Нет, — ответил Стивен и добавил, не давая собеседнику задать новый вопрос: — Вы хотите сказать, что это было убийство и ограбление?

— Мы в этом пока не уверены, — ответил Джонсон. — А теперь перейдем к событиям этого вечера. Расскажите мне своими словами, что вы делали?

— Разумеется. После того как дамы покинули столовую, я остался выпить бокал портвейна. Затем я понял, что члены семейства хотели бы обсудить свои вопросы, мое же присутствие им мешает. Тогда я извинился и вышел.

— И что вы делали после этого?

Стивен Фарр откинулся на спинку кресла и потер указательным пальцем подбородок.

— Я… э-э-э… пошел в большую комнату с паркетным полом, что-то вроде танцзала — несколько деревянным тоном произнес он. — Там был граммофон с танцевальными пластинками. Я поставил одну из них.

— Полагаю, там к вам кто-то присоединился? — спросил Пуаро.

Губы Стивена Фарра скривились в легкой усмешке.

— Очень может быть, — ответил он. — Никогда нельзя терять надежды. — И расплылся в счастливой улыбке.

— Сеньорита Эстравадос хороша собой, — заметил Пуаро.

— Она — лучшее, что я видел, приехав в Англию, — ответил Стивен.

— К вам присоединилась мисс Эстравадос? — уточнил полковник Джонсон.

Стивен покачал головой.

— Я все еще был в этой комнате, когда услышал грохот. Я выбежал в холл и со всех ног помчался наверх, чтобы посмотреть, что там случилось. Я помог Гарри Ли выбить дверь.

— И это все, что вы можете рассказать нам?

— Боюсь, что это все.

Эркюль Пуаро подался вперед.

— Мне почему-то кажется, мсье Фарр, что вы могли бы рассказать нам многое, если б пожелали, — вкрадчиво проговорил он.

— Что вы хотите этим сказать? — резко спросил Фарр.

— Вы можете сообщить нам нечто важное в этом деле… о характере мистера Ли. Вы утверждаете, что ваш отец многое рассказывал вам о покойном. Что это был за человек, по рассказам

вашего отца?

— Пожалуй, мне понятно, к чему вы клоните, — медленно произнес Стивен Фарр. — Каким был Симеон Ли в свои молодые годы? Значит… вы хотите моей откровенности, если я вас правильно понял?

— Да, если угодно.

— Начнем с того, что я не считаю Симеона Ли обладателем высоких моральных качеств. Я не говорю, что он был мошенник, хотя старикан был весьма близок к этому определению. Его моральные принципы вряд ли составили бы ему честь. Впрочем, в известном обаянии ему не откажешь. И еще он был фантастически щедр. Любой, кто обращался к нему за помощью, не уходил от него с пустыми руками. Он пил, но не перебирал через край, нравился женщинам, обладал чувством юмора. И все же была в нем некая склонность к мстительности. Говорят, будто слоны ничего не забывают. То же самое можно сказать и о Симеоне Ли. Отец рассказывал мне о нескольких случаях, когда Ли годами ждал, прежде чем отомстить обидчику.

— В такой игре могли участвовать двое, — заметил суперинтендант Сагден. — Вам что-либо известно, мистер Фарр, о так называемых обид-

чиках Симеона Ли? Я имею в виду события прошлого, которые объяснили бы преступление, совершенное этим вечером?

Стивен отрицательно покачал головой.

— У него наверняка имелись враги, по причине его характера. Но о конкретных случаях мне неизвестно. Кроме того… — Фарр прищурился, — насколько я знаю — признаюсь, я расспрашивал Трессильяна, — вечером посторонних людей возле дома замечено не было.

– *За исключением вас, мистер Фарр*? — уточнил Эркюль Пуаро.

— Ах, вот как? — Стивен резко повернулся к нему. — Подозрительные незнакомцы в доме? Боюсь, здесь вы не найдете ничего. Никаких историй про то, как Симеон Ли надул Эбенезера Фарра и сын старого Эйба приехал отомстить за отца! Нет! — Он встряхнул головой. — Симеон и Эбенезер не имели ничего друг против друга. Как я вам уже сказал, меня привело сюда чистое любопытство. К тому же у меня есть хорошее алиби — граммофон. Я ставил пластинки одну за другой, кто-то должен был это слышать. Одна пластинка не позволила бы мне сбегать наверх — эти коридоры длиной с милю, — перерезать старику горло, смыть с себя кровь и вернуться

обратно прежде, чем все бросятся наверх. Ваша идея смехотворна!

— Мы ни в чем вас не обвиняем, мистер Фарр, — заверил его полковник Джонсон.

— Мне все равно, каким тоном разговаривает мистер Пуаро, — парировал Стивен.

— А вот это вы зря, — отозвался маленький бельгиец и любезно улыбнулся.

Молодой человек ответил ему колючим взглядом.

— Благодарю вас, мистер Фарр, — снова поспешил вмешаться полковник Джонсон. — На сегодня всё. Попрошу вас, разумеется, не покидать стен дома.

Стивен Фарр кивнул, встал и развязной походкой вышел из комнаты.

— И тут появляется Икс, неизвестная величина, — произнес Джонсон, когда за ним закрылась дверь. — Его рассказ кажется вполне правдоподобным. И все-таки он — темная лошадка. Он мог похитить алмазы. Мог приехать сюда с фальшивой историей, благодаря которой его пустили в дом. Вам стоит снять отпечатки его пальцев, Сагден, и проверить, проходит ли он по нашим картотекам.

— Я уже это сделал, — сообщил суперинтен-

дант, сдержанно улыбнувшись.

— Молодец, ничего не упускаете… Полагаю, вы уже проработали все очевидные версии?

Суперинтендант перечислил по пунктам:

— Проверить телефонные звонки, их время и прочее. Проверить Хорбери. Время, когда он вышел из дома, кто видел его при этом. Проверить всю прислугу. Проверить финансовое положение всех членов семьи. Связаться с адвокатами и узнать про завещание. Обыскать дом на предмет оружия и наличие пятен крови на одежде. Попытаться отыскать место, где могут быть спрятаны алмазы.

— Думаю, это охватывает все, — одобрительно произнес полковник Джонсон. — Может, вы что-то предложите, мистер Пуаро?

Тот отрицательно покачал головой.

— Работа суперинтенданта поражает своей тщательностью.

— Это вам не шутка — обыскать весь дом с целью отыскать пропавшие алмазы, — мрачно произнес Сагден. — За всю мою жизнь я не видел такого количества украшений и всевозможных побрякушек.

— Тайников тут действительно имеется в избытке, — согласился с ним маленький бельгиец.

— У вас есть какие-то соображения, Пуаро?

Вид у главного констебля был слегка разочарованный, как у человека, чья собака отказалась выполнять фокус.

— Вы позволите мне придерживаться собственного курса поисков? — спросил Пуаро.

— Да-да, разумеется, — заверил его Джонсон, тогда как суперинтендант насторожился:

— Это что еще за курс?

— Я бы хотел снова пообщаться с членами семьи, — сказал Пуаро.

— Вы хотите сказать, что желаете снова допросить их? — уточнил полковник, несколько удивленный пожеланием сыщика.

— Нет-нет, не допрашивать… пообщаться!

— Зачем? — спросил Сагден.

Пуаро выразительно взмахнул рукой.

— В разговоре всплывает правда. Когда человек общается, он рано или поздно проговорится.

— Значит, вы полагаете, что кто-то из них лжет? — спросил Сагден.

Пуаро вздохнул.

– *Mon cher*, лгут все… не в одном, так в другом… Иное дело, что важно уметь отделять безобидную ложь от преступной.

— И все-таки это невероятно, знаете ли, — резко

сказал полковник Джонсон. — Мы расследуем в высшей степени жестокое убийство и кого же мы имеем в качестве подозреваемых? Альфред Ли и его жена — оба милые, воспитанные, мирные люди. Джордж Ли, член парламента, — само воплощение респектабельности. Его супруга? Обычная современная женщина. Дэвид Ли представляется мне изнеженной мечтательной натурой. Брат Гарри утверждает, что он не выносит вида крови. Его жена производит впечатление женщины милой и разумной, но ничем не примечательной. Остаются испанская племянница и джентльмен из Южной Африки. Испанские красавицы отличаются горячим нравом, но я не могу представить себе, чтобы это юное очаровательное создание хладнокровно перерезало горло старику, притом, как выяснилось, у нее были все основания желать ему добра — во всяком случае, до тех пор, пока он не подпишет новое завещание… Стивен Фарр? Возможно. Профессиональный мошенник, приехавший сюда специально за алмазами. Старик обнаружил пропажу, и Фарр перерезал ему горло. Такое вполне могло произойти. Граммофон — не слишком убедительное алиби.

Пуаро покачал головой.

— Мой дорогой друг, — произнес он. — Сравни-

те силу мистера Стивена Фарра и старого Симеона Ли. Если б Фарр хотел убить старика, он сделал бы это за одну секунду. Симеон Ли вряд ли смог бы дать ему отпор. Вы можете представить себе, чтобы дряхлый старик и этот великолепный образец рода человеческого боролись в течение нескольких минут, переворачивая мебель и круша фарфор? Такое в голове не укладывается!

Полковник Джонсон прищурился.

— Вы хотите сказать, — произнес он, — что Симеона Ли убил некий *слабый* мужчина?

— Или женщина, — предположил суперинтендант.

Глава 16

Полковник Джонсон посмотрел на часы.

— Мне здесь больше делать нечего. Вам же есть чем заняться, Сагден. Впрочем, вот еще что. Нам нужно поговорить с этим лакеем. Я знаю, что вы допросили его, но теперь нам известно о нем немного больше, чем прежде. Очень важно получить подтверждение того, где он, по словам остальных, находился во время убийства.

В комнату медленно вошел Трессильян. Главный констебль предложил ему стул.

— Благодарю вас, сэр. Я присяду, если вы действительно не возражаете. У меня такое странное чувство… на самом деле очень странное. Мои ноги, сэр, и моя голова…

— Для вас это огромное потрясение, не так ли? — проникновенно спросил Пуаро.

Дворецкий содрогнулся.

— Подумать только, какое злодеяние, и где? В этом доме, где вот уже много лет жизнь идет спокойно, своим чередом…

— То есть это был спокойный дом? — уточнил Пуаро. — Но не очень счастливый?

— Я бы так не сказал, сэр.

— То есть когда-то, когда семья жила в нем в полном составе, это было счастливое время?

— Я бы не назвал это гармоничной жизнью, сэр, — медленно произнес Трессильян.

— Если не ошибаюсь, покойная миссис Ли была инвалидом?

— Да, сэр, она сильно хворала.

— Дети миссис Ли любили мать?

— Мистер Дэвид был всей душой ей предан. Он был скорее как дочь, а не как сын. После ее смерти он уехал, у него не было больше сил оставаться здесь.

— А мистер Гарри? — уточнил Пуаро. — Каким он был?

— Он был молод и необуздан, но сердце у него было доброе… О господи, как же он меня напугал, когда позвонил в звонок, а потом снова, такой он нетерпеливый, и я открыл дверь, и на пороге стоял незнакомец, а затем голос мистера Гарри произнес: «Привет, Трессильян. Все еще здесь, да?» Все такой же, ничуть не изменился…

— Должно быть, это странное ощущение, — сочувственно произнес Пуаро.

— Иногда мне кажется, сэр, — произнес Трессильян, и его щеки слегка порозовели, — что прошлое — это не прошлое! Если не ошибаюсь,

в Лондоне показывали пьесу о чем-то подобном. В этом что-то есть, сэр, на самом деле есть. На тебя находит ощущение, будто ты раньше делал то же самое. Мне кажется, будто звонит звонок, и я иду открывать, а за дверью стоит мистер Гарри, — даже если на самом деле это мистер Фарр или какой-то другой человек, и я говорю себе: «*но ведь я уже делал то же самое* ...»

— Весьма любопытно... весьма любопытно, — произнес Пуаро.

Трессильян с благодарностью посмотрел на него.

Джонсон немного нетерпеливо откашлялся и повел разговор дальше.

— Хочу уточнить время, — сказал он. — Когда наверху послышался шум, насколько я понимаю, мистер Альфред Ли и мистер Гарри Ли находились в столовой. Это так?

— Точно сказать не могу, сэр. Все джентльмены находились там, когда я подавал им кофе, но это было за четверть часа до этого.

— Мистер Джордж разговаривал по телефону. Вы можете это подтвердить?

— Думаю, да, кто-то говорил по телефону, сэр. В моей буфетной звенит звонок, и когда кто-то берет трубку, чтобы набрать номер, в звонке слы-

шится легкий шум. Я помню, что услышал его, но не обратил внимания.

— Вы не знаете точно, когда это было?

— Не могу сказать, сэр. Это было после того, как я отнес джентльменам кофе, вот что я могу сказать наверняка.

— Вы знаете, где в упомянутое мной время находились дамы?

— Когда я пошел за подносом для кофе, сэр, миссис Альфред находилась в гостиной. Это было за минуту или за две до того, как я услышал крик.

— Что она делала? — спросил Пуаро.

— Она стояла возле дальнего окна, сэр. Немного отодвинула в сторону штору и выглядывала наружу.

— Больше никого из дам в комнате не было?

— Нет, сэр.

— Вам известно, где они были?

— Не могу сказать, сэр.

— Вы не знаете, где были другие?

— Думаю, мистер Дэвид играл в музыкальной комнате. Она рядом с гостиной.

— Вы слышали, как он играл?

— Да, сэр. — Старый дворецкий снова весь передернулся. — Это был своего рода знак, сэр. Мне потом так подумалось. Он играл «Похоронный

марш». Я хорошо помню, как у меня по спине пробежали мурашки.

— Да, любопытно, — заметил Пуаро.

— Кстати, этот ваш лакей, Хорбери, — сказал главный констебль. — Вы готовы поклясться, что в восемь часов его не было в доме?

— О да, сэр. Это было сразу после того, как пришел мистер Сагден. Я помню это точно, потому что он разбил кофейную чашку.

— Хорбери разбил кофейную чашку? — переспросил Пуаро.

— Да, сэр, одну из старых чашек вустерского фарфора. Одиннадцать лет я их мыл, и все были целы. Ни одна не разбилась до сегодняшнего вечера.

— А что Хорбери делал с кофейными чашками? — поинтересовался Пуаро.

— Видите ли, сэр, он вообще не должен был прикасаться к ним. Он взял в руку чашку, как будто хотел полюбоваться ею. Я же возьми и скажи ему, что, мол, заходил мистер Сагден. И тогда Хорбери ее уронил.

— Вы сказали «мистер Сагден» или упомянули слово «полиция»? — уточнил Пуаро.

На лице Трессильяна появилось испуганное выражение

— Кажется, сэр, я сказал так: «Заходил суперинтендант полиции», — ответил он.

— И Хорбери уронил кофейную чашку, — договорил за него Пуаро.

— Выглядит подозрительно, — заметил главный констебль. — Хорбери задавал вам вопросы о приходе суперинтенданта?

— Да, сэр. Спросил, что ему тут понадобилось. Я ответил, что он-де приходил по поводу пожертвований на полицейский приют и поднимался к мистеру Ли.

— Хорбери успокоился, услышав ваши слова?

— Теперь, когда вы это сказали, сэр, я понимаю, что да, он успокоился. Его поведение сразу изменилось. Он похвалил мистера Ли, сказал, что тот очень щедрый — правда, говорил без особого уважения, — а после этого ушел.

— Куда?

— Вышел через дверь в прихожую для прислуги.

— Это правда, сэр, — вмешался в разговор Сагден. — Он прошел через кухню, где его видели кухарка и горничная. А затем покинул дом через черный ход.

— Послушайте, Трессильян. Подумайте хорошенько: каким образом Хорбери мог вернуться в

дом незамеченным?

Старый дворецкий покачал головой.

— Он никак не мог этого сделать, сэр. Все двери запираются изнутри.

— А если у него был ключ?

— Двери также закрываются на засов.

— Как же он входит в дом, когда возвращается?

— У него есть ключ от черного хода, сэр. Все слуги приходят в дом именно так.

— То есть он мог вернуться через черный ход?

— В этом случае ему пришлось бы пройти через кухню, сэр. А в кухне обычно кто-то находится, примерно до половины десятого или даже до без четверти десять.

— Что ж, вы нас убедили, — сказал полковник Джонсон. — Спасибо, Трессильян.

Старый дворецкий встал и с поклоном вышел из комнаты. Однако уже через пару минут вернулся.

— Хорбери только что вернулся, сэр. Вы хотите поговорить с ним прямо сейчас?

— Да, пожалуйста, пусть прямо сейчас придет сюда.

Глава 17

Сидни Хорбери не произвел приятного впечатления. Он бочком вошел в комнату, потирая руки, и бегающими глазками окинул присутствующих.

— Вы Сидни Хорбери? — спросил Джонсон.

— Да, сэр, — ответил он подобострастным тоном.

— Камердинер при покойном мистере Ли?

— Да, сэр. Согласитесь, это ужасно. Я своим ушам не поверил, когда услышал об этом от Глэдис. Бедный старый джентльмен…

— Прошу вас отвечать на мои вопросы, — перебил его Джонсон.

— Да, сэр, разумеется.

— В котором часу вы выходили сегодня вечером и где вы были?

— Я вышел из дома без нескольких минут восемь, сэр, и отправился в кинотеатр. Это в пяти минутах ходьбы отсюда. На вечернем сеансе показывали «Любовь в старой Севилье».

— Кто-нибудь вас там видел?

— Барышня в кассе, сэр, она меня знает. И билетер у дверей. Он тоже меня знает. Кстати, сэр, я

был не один, а с одной молодой особой. У нас там было назначено свидание.

— Ах, вот оно что! И как ее имя?

— Дорис Баккл, сэр. Работает в молочной лавке. Дом номер двадцать три по Маркхэм-роуд.

— Хорошо. Мы проверим. После кино вы сразу пришли домой?

— Сначала я проводил даму до дома, после чего сразу вернулся сюда. Вы сами в этом убедитесь. Я не имею к случившемуся ни малейшего отношения, сэр…

— А разве вас кто-то в чем-то обвиняет? — перебил его полковник Джонсон.

— Нет, сэр, конечно же, нет. Но, согласитесь, крайне неприятно, когда в доме происходит убийство.

— Откуда вам известно, что это убийство? Кстати, как долго вы были в услужении у мистера Ли?

— Чуть больше года, сэр.

— Вы были довольны своим местом?

— О да, сэр, оно меня устраивало. Приличное жалованье. Правда, порой с мистером Ли приходилось нелегко, но я привык ухаживать за инвалидами.

— То есть у вас имелся опыт?

— О да, сэр. Моими подопечными были майор Вест и достопочтенный Джаспер Финч.

— Эти подробности вы позднее сообщите Сагдену. Я же хочу знать следующее. В котором часу вы в последний раз видели мистера Ли сегодня вечером?

— Примерно в половину восьмого, сэр. В семь вечера мистер Ли обычно съедал легкий ужин, после чего я готовил его ко сну. Прежде чем лечь в постель, он обычно какое-то время сидел в халате перед камином.

— И во сколько же он обычно ложился в постель?

— По-разному, сэр. Иногда он делал это уже в восемь часов, если ощущал усталость. Иногда же засиживался до одиннадцати и даже позже.

— А что он делал, если ему хотелось лечь в постель?

— Обычно звонил мне, сэр.

— И вы помогали ему лечь в постель?

— Да, сэр.

— Но в этот вечер вас не было. Вы всегда берете отгулы по пятницам?

— Да, сэр, я всегда бывал свободен в пятницу вечером.

— А что делал мистер Ли, если желал лечь в

постель?

— Он звонил в колокольчик, и помочь ему приходил либо Трессильян, либо Уолтер.

— Он был так беспомощен? Или же мог передвигаться самостоятельно?

— Мог, сэр, но с большим трудом. Ревматоидный артрит, как вы знаете. В иные дни ему было лучше, в иные — хуже.

— Скажите, а в дневное время он выходил в другие комнаты?

— Нет, сэр. Он предпочитал оставаться у себя. Видите ли, сэр, мистер Ли был человек скромных запросов. Ему хватало своей комнаты, ведь она была просторной и светлой.

— Вы говорите, что мистер Ли, как обычно, поужинал в семь.

— Да, сэр. Я убрал поднос и выставил на бюро шерри и два стакана.

— Это еще зачем?

— Так распорядился мистер Ли.

— И часто он об этом просил?

— Случалось. Родственникам было строжайше запрещено подниматься к нему наверх без приглашения. Так было заведено. Иногда ему хотелось побыть вечером одному. В иные же дни он посылал меня вниз, чтобы я пригласил мисте-

ра Альфреда или миссис Альфред, или их обоих отужинать вместе с ним.

— Но, насколько вам известно, сегодня вечером он никого к себе не звал? То есть не передавал приглашений никому из родственников, чтобы те поднялись к нему?

— По крайней мере, он не передавал никаких приглашений через *меня*.

— Должен ли я понимать, что этим вечером никого из родственников он не ждал?

— Он мог пригласить кого-то из них лично, сэр.

— Разумеется.

— Я убедился, что всё в порядке, пожелал мистеру Ли доброй ночи и вышел из комнаты.

— Скажите, прежде чем уйти, вы разожгли камин? — уточнил Пуаро.

Хорбери ответил не сразу.

— В этом не было необходимости, сэр, огонь уже был разведен.

— Это сделал сам мистер Ли?

— Нет, конечно. Думаю, огонь в камине развел мистер Гарри Ли.

— Скажите, мистер Гарри Ли был в комнате, когда вы перед ужином вошли к старому мистеру Ли?

— Да, сэр, он вышел, как только я вошел.

— Каковы, на ваш взгляд, были отношения между ними?

— Мистер Гарри Ли пребывал в прекрасном расположении духа, сэр. Откидывал голову и громко смеялся.

— А мистер Ли?

— Он был какой-то притихший и задумчивый.

— Понятно. А теперь позвольте задать вам еще один вопрос, Хорбери. Что вы можете сказать нам про алмазы, которые мистер Ли хранил в своем сейфе?

— Алмазы, сэр? Я никогда не видел никаких алмазов.

— Мистер Ли хранил в сейфе некое количество необработанных алмазов. Неужели вы никогда не видели, как он вынимал их оттуда?

— Вы имеете в виду эти смешные камешки, сэр? Да, пару раз я их видел. Но я понятия не имел, что это алмазы. Не далее как вчера он показывал их этой юной иностранке. Или это было позавчера?..

— Эти, как вы выразились, камешки украдены, — перебил его полковник Джонсон.

— Надеюсь, вы не думаете, что я как-то причастен к их пропаже?! — воскликнул Хорбери.

— Я вас ни в чем не обвиняю, — успокоил его Джонсон. — А теперь — есть ли что-то еще, что вы хотели бы сообщить нам в связи с этим делом?

— Каким именно, сэр? Алмазами или убийством?

— И тем и другим.

Хорбери задумался и даже облизал бледные губы. Наконец он снова поднял бегающие глазки.

— Пожалуй, нет, сэр.

— Ничего такого, что вы могли случайно услышать, исполняя свои обязанности, что помогло бы нам в расследовании? — вкрадчиво произнес Пуаро.

В глазах лакея промелькнуло сомнение.

— Нет, сэр, вряд ли. Разве что была известная натянутость в отношениях между мистером Ли и… некоторыми членами семьи.

— Кем именно?

— Мне показалось, возникли небольшие трения в связи с возвращением мистера Гарри Ли. Мистер Альфред был против. Как я понял, у него с отцом даже был разговор, но это всё. Ни в какой краже алмазов мистер Ли его не обвинял. Готов поклясться, что мистер Альфред ничего подобного не совершал.

— Я правильно понял, что разговор с мистером

Альфредом имел место уже *после* того, как обнаружилась пропажа алмазов? — уточнил Пуаро.

— Да, сэр.

Сыщик подался вперед.

— Мне казалось, Хорбери, — вкрадчиво произнес он, — *что вы не знали о пропаже алмазов, пока мы не сказали вам о ней*. И еще один вопрос. Тогда откуда вам известно, что мистер Ли обнаружил пропажу алмазов *до того,* как у него состоялся разговор с сыном?

Хорбери густо покраснел.

— Лгать бесполезно. Выкладывайте, когда вы это узнали! — рявкнул Сагден.

— Я слышал, как он звонил кому-то по телефону, — хмуро ответил Хорбери.

— Вы были в его комнате?

— Нет, конечно, за дверью. Вообще-то, я расслышал всего пару слов.

— Каких именно? — медоточивым голосом уточнил Пуаро.

— Я разобрал лишь два слова: «кража» и «алмазы». И фразу: «Не знаю даже, кого подозревать». Еще он что-то добавил про восемь часов сегодняшнего вечера.

Суперинтендант Сагден кивнул.

— Это он разговаривал со мной, приятель. Око-

ло пяти часов, не так ли?

— Да, сэр.

— И когда вы затем вошли в его комнату, был ли он чем-то расстроен?

— Да, сэр. Мне он показался слегка рассеянным, как будто был чем-то озабочен.

— То есть вы тотчас о чем-то догадались. Так вас понимать?

— Послушайте, Сагден, вы не имеете права так со мной разговаривать. Я не трогал никаких алмазов. И вам никогда не доказать моей вины. Я не вор.

Его слова не произвели на суперинтенданта ни малейшего впечатления.

— Это мы еще проверим. — Суперинтендант вопросительно посмотрел на главного констебля и, когда тот кивнул, продолжил: — На сегодня, приятель, вопросов у нас больше нет. Вы свободны.

Хорбери в спешном порядке удалился.

— Ювелирная работа, месье Пуаро, — восхищенно произнес Сагден. — Как ловко вы поймали его на слове! Вор он или нет, это мы выясним. Но то, что первоклассный лжец, — это точно!

— Какая малоприятная личность, — произнес Пуаро.

— Да, отталкивающий тип, — согласился Джон-

сон. — Вопрос в другом, можно ли верить его показаниям?

— Насколько я могу судить, существуют три вероятности, — подвел итог Сагден. — Первая: Хорбери вор и убийца. Вторая: Хорбери вор, но не убийца. Третья: Хорбери невиновен. В первом случае мы имеем ряд улик. Хорбери подслушал телефонный разговор и сделал вывод, что кража обнаружена. По поведению старика он понял, кого именно тот подозревает. Разработал соответствующий план. Нарочно вышел из дома в восемь и сделал себе алиби. Незаметно выскользнуть из кинотеатра и так же незаметно туда вернуться — пара пустяков. Правда, в этом случае он должен был на все сто процентов быть уверен, что девушка его не выдаст. Посмотрим, что она расскажет нам завтра.

— Да, но как он вошел в дом, никем не замеченный? — спросил Пуаро.

— Согласен, это задача посложней — согласился Сагден. — Но способ наверняка есть. Например, одна из служанок могла открыть ему боковую дверь.

Пуаро недоверчиво выгнул бровь.

— Вы хотите сказать, что он доверил свою жизнь двум женщинам? Он рискует уже с одной,

а тут две, *eh bien!*[22] Это просто фантастический риск!

— Некоторые преступники уверены, что им все сойдет с рук, — возразил Сагден и продолжил: — Рассмотрим вторую вероятность. Хорбери действительно прикарманил алмазы. Сегодня вечером он вынес их из дома и, возможно, передал сообщнику. Это довольно легко сделать и потому весьма вероятно. Одновременно мы вынуждены признать, что некто другой выбрал сегодняшний вечер для убийства мистера Ли, причем этот некто не в курсе пропажи алмазов. Эти два события могут быть простым совпадением. Что ж, такое возможно, хотя и сомнительно… Наконец, третья вероятность. Хорбери невиновен. Кто-то другой выкрал алмазы и убил старика. И теперь мы обязаны выяснить правду.

Полковник Джонсон зевнул, в очередной раз посмотрел на часы и встал.

— Думаю, на сегодня хватит, — сказал он. — Предлагаю, прежде чем мы уйдем, заглянуть в сейф. Вдруг эти чертовы алмазы пролежали там все это время!

Увы, никаких алмазов в сейфе не оказалось.

---

[22] Примечания: 22
Здесь: вот как (*фр.*).

Код они нашли там, где им и сказал Альфред Ли, — в записной книжке, которую они извлекли из кармана халата мертвого старика. В сейфе же обнаружилась лишь пустая замшевая сумка. Из запертых в сейфе бумаг интерес представляла лишь одна: завещание, датированное пятнадцатью годами ранее. После различных пожертвований условия его были довольно просты. Половина имущества Симеона Ли отходила Альфреду Ли. Вторую половину надлежало в равных долях разделить между остальными детьми: Гарри, Джорджем, Дэвидом и Дженнифер.

Часть IV
25 декабря

Глава 1

В ярком свете рождественского дня Пуаро шел по саду Горстон-холла. Само здание было массивным, даже внушительным, но без архитектурных изысков.

Здесь, на южной стороне, имелась широкая терраса, окаймленная живой изгородью из подстриженного тиса. В трещинах между каменными плитами росли небольшие растения. На равном расстоянии друг от друга, словно миниатюрные сады, были установлены каменные вазы.

Пуаро обвел террасу одобрительным взглядом.

— *C'est bien imaginé, ça!*[23] — пробормотал он себе под нос.

В следующий миг его внимание привлекли две фигуры: они удалялись в сторону декоративного водоема, примерно в трехстах ярдах от того места, где он стоял. В одной бельгиец моментально узнал Пилар и сначала подумал, что ее спутник — Стивен Фарр, но затем узнал в мужчине Гарри Ли. Похоже, тот был неравнодушен к своей красавице-племяннице. Время от времени он за-

---

[23] Примечания: 23
Хорошо задумано! (*фр.*)

кидывал голову назад и хохотал, затем нагибался к своей спутнице и внимательно ее слушал.

— Этот явно не намерен предаваться скорби, — пробормотал себе под нос Пуаро.

Какой-то шорох заставил его обернуться. За его спиной стояла Магдалена Ли и, как и он, тоже смотрела вслед удаляющимся фигурам. Затем она повернула голову и одарила Пуаро обворожительной улыбкой.

— Какой прекрасный солнечный день! Согласитесь, мсье Пуаро, даже не верится в ужасы вчерашнего вечера.

— Верно, с большим трудом, мадам.

Магдалена вздохнула.

— Я еще ни разу не была замешана в трагедии. Я… я только сейчас повзрослела. Я слишком долго оставалась ребенком. Думаю, это не слишком хорошо.

За этими словами вновь последовал вздох.

— Посмотрите на Пилар, какая удивительная выдержка. Думаю, это в ней говорит испанская кровь. А вообще все это очень странно, не правда ли?

— Что именно, мадам?

— То, что она вдруг взялась неизвестно откуда.

— Мне стало известно, что мистер Ли какое-то

время ее разыскивал. Он вел переписку с консульством в Мадриде и вице-консулом в Аликаре, где умерла ее мать.

— Он держал это втайне от всех, — сказала Магдалена. — Ни Альфред, ни Лидия ничего не знали.

— А! — отделался междометием Пуаро.

Магдалена шагнула к нему ближе. Бельгиец ощутил тонкий аромат ее духов.

— Видите ли, месье Пуаро, есть некая история, связанная с мужем Дженнифер, Эстравадосом. Он умер вскоре после того, как они поженились, и есть в его смерти нечто загадочное. Альфред и Лидия наверняка знают. Думаю, это было что-то… позорное для семьи.

— Что ж, это и впрямь печально, — вздохнул Пуаро.

— Моя муж считает, и я с ним согласна, — продолжала Магдалена, — что семья имеет право знать о предках этой девушки. В конце концов, ее отец был *преступником*…

Она многозначительно умолкла, но Пуаро молчал. Казалось, он с головой погрузился в созерцание красот природы, какие только можно найти зимой рядом с Горстон-холлом.

— Мне почему-то кажется, что *то*, как умер

мой свекор, крайне *важно*. Потому что это так… не по-английски.

Эркюль Пуаро медленно обернулся и вопросительно посмотрел ей в глаза.

— По-испански, вы хотите сказать? — невинно спросил он.

— Испанцы жестокий народ, не так ли? — сказала Магдалена с какой-то детской непосредственностью. — Чего стоят все эти их корриды и прочее!

— То есть, по-вашему, сеньорита Эстравадос перерезала горло собственному деду? — с улыбкой спросил Эркюль Пуаро.

— Боже упаси! Нет и еще раз нет, месье Пуаро! — с жаром возразила Магдалина, потрясенная таким предположением. — Я ничего подобного не говорила!

— Верно, не говорили, — согласился Пуаро.

— Однако я действительно считаю, что она… вызывает подозрения. Например, вчера вечером в той комнате она что-то незаметно подняла с пола.

— Она что-то подняла с пола? — неожиданно резко переспросил Пуаро.

Магдалена кивнула и по-детски презрительно скривила губы.

— Да, как только мы вошли в комнату. Она быстро огляделась по сторонам, как будто проверяла, смотрит кто-нибудь или нет, а потом подняла с пола эту вещь. Впрочем, суперинтендант заметил это и забрал ее себе.

— Вы, случайно, не знаете, мадам, что именно она подняла?

— Нет, я не рассмотрела, — ответила Магдалена с явным сожалением в голосе. — Это было что-то очень мелкое.

— Интересно, — пробормотал себе под нос Пуаро, нахмурив брови.

— Именно, — поспешила поддакнуть Магдалена. — Я подумала, что вам будет интересно узнать. В конце концов, мы ничего не знаем про эту Пилар — какое воспитание она получила, какую жизнь вела до приезда сюда… Альфред всегда такой подозрительный, Лидия же — добрая и доверчивая. Кстати, — негромко добавила она, — я, пожалуй, пойду, вдруг ей требуется моя помощь. Например, написать письма…

С этими словами она покинула сыщика, одарив на прощанье злорадной улыбкой.

Пуаро остался на террасе, погруженный в свои мысли.

Глава 2

К нему подошел Сагден; лицо суперинтенданта было мрачнее тучи.

— Доброе утро, мистер Пуаро. Или, правильнее сказать, веселого Рождества.

— *Mon cher collègue*[24], я не вижу на вашем лице ни малейших признаков веселья. Скажи вы мне «веселого Рождества», я бы ни за что не сказал в ответ «и вам также».

— Верно, я бы никому не пожелал такого Рождества, как это, — согласился Сагден.

— Хотя бы в чем-то вы продвинулись вперед?

— Да. Успел многое проверить. Алиби Хорбери весьма убедительное. Билетер в кино действительно видел его с девушкой и как они вместе выходили из зала по окончании сеанса. Он также не помнит, чтобы Хорбери куда-нибудь выходил, так как не мог уйти и вернуться посреди сеанса. Девушка также клянется, что он был с ней на протяжении всего фильма.

— В таком случае здесь больше не о чем говорить, — сказал Пуаро, выразительно выгнув

---

[24] Примечания: 24
Мой дорогой коллега (*фр.*).

бровь.

— Кто их знает, этих девушек, — цинично возразил Сагден. — Ради мужчины они готовы на любую ложь.

— Что ж, это делает честь их сердцам, — заметил Пуаро.

— Что за странный взгляд… А главное, он лишает смысла правосудие, — буркнул Сагден.

— Правосудие тоже весьма странная вещь, — заметил бельгиец. — Вы никогда об этом не задумывались?

Суперинтендант смерил его недоуменным взглядом.

— Странный вы человек, мистер Пуаро!

— Ничуть. Я просто следую логическому ходу мысли. Но давайте не будем вдаваться в дискуссии по этому вопросу. То есть вы полагаете, что барышня из молочной лавки говорит неправду?

Сагден покачал головой.

— Отнюдь. Наоборот, я убежден, что она говорит правду. Она девушка простая, и, попробуй водить меня за нос, я раскусил бы ее сразу.

— То есть у вас имеется в этом деле опыт? — спросил сыщик.

— Именно, мистер Пуаро. Когда, как я, всю жизнь берешь показания, начинаешь с первого

взгляда видеть, кто говорит правду, а кто лжет… Нет, ее показаниям можно верить. Но в этом случае Хорбери не убивал старого мистера Ли. И это вновь возвращает нас к обитателям дома. — Сагден шумно втянул в себя воздух. — Это сделал кто-то из них, мистер Пуаро. Вот только *кто*?

— Новых данных у вас нет?

— Почему же? Мне в известной степени повезло подслушать телефонные звонки мистера Джорджа Ли. Например, он без двух минут девять звонил в Уэстерингем. Телефонный разговор длился почти шесть минут.

— Ага!

— Да-да. Более того, больше в тот вечер он *никуда* не звонил — ни в Уэстерингем, ни куда-то еще.

— Любопытно, — одобрительно произнес Пуаро. — Мистер Джордж Ли утверждает, что как раз закончил разговаривать по телефону, когда наверху раздался грохот. На самом же деле он положил трубку за десять минут до этого момента. Где же он был эти десять минут? Миссис Джордж Ли утверждает, что она разговаривала по телефону. На самом же деле она не делала никаких звонков. Где же была она?

— Я видел, вы ведь разговаривали с ней, мистер

Пуаро, — произнес Сагден. Его слова прозвучали как вопрос.

— Вы ошибаетесь! — воскликнул сыщик.

— То есть?

— Это не я разговаривал с ней, а она со мной!

— Вот как? — Сагден отмахнулся было от столь тонкого различия, когда до него дошла его важность. — Вы говорите, это она разговаривала с вами?

— Именно. Она специально вышла ко мне ради этого.

— И что она вам сообщила?

— Обратила мое внимание на такие вещи, как неанглийский характер убийства и темное прошлое родственников мисс Эстравадос по отцовской линии, а также на тот факт, что прошлой ночью мисс Эстравадос украдкой подняла что-то с пола.

— Она вам это сказала? — с нескрываемым интересом уточнил Сагден.

— Да. Что же такого могла поднять с пола наша сеньорита?

— Вам ни за что не угадать! — вздохнул Сагден. — Лучше я сразу это вам покажу. Это из разряда вещей, которые в детективных романах сразу все расставляют по своим местам. Если

вы скажете мне, что это такое, я тотчас подам в отставку из полиции!

— Показывайте.

Сагден извлек из кармана конверт и вытряхнул его содержимое себе на ладонь. По лицу его расплылась легкая усмешка.

— Вот, взгляните. Что вы на это скажете?

На широкой ладони суперинтенданта лежал крошечный треугольник розовой резины и небольшой кусочек дерева. Когда же Пуаро, серьезно насупив брови, взял их в руки, его усмешка сделалась еще шире.

— И что это, по-вашему, такое, мистер Пуаро?

— Мне кажется, этот крошечный кусочек резины, скорее всего, отрезан от сумочки для туалетных принадлежностей.

— Верно. От сумочки для туалетных принадлежностей в комнате мистера Ли. Кто-то острыми ножницами вырезал из нее крошечный треугольник. Вполне возможно, это сделал сам мистер Ли. Трудно сказать. Меня озадачило другое — зачем он это сделал? Хорбери не смог пролить свет на этот вопрос. Что касается деревяшки, то она размером с фишку для игры в криббедж[25], но

[25] Примечания: 25

Криббедж — карточная игра для двух игроков, популярная в Англии и США; в ней используется доска с колышками.

их обычно делают из кости. Эта же деревянная и слегка обточенная, я бы сказал.

— Удивительно, — пробормотал Пуаро.

— Можете оставить их себе, — предложил Сагден. — Мне они не нужны.

– *Mon ami,* как я могу вас их лишить!

— То есть они вам ни о чем не говорят?

— Скажу честно — совершенно ни о чем.

— Замечательно! — с видимым сарказмом произнес Сагден, возвращая их в карман. — Наше расследование движется!

— По словам миссис Джордж Ли, наша барышня нагнулась и украдкой подняла эти вещицы с пола. Скажите, так оно и было?

Сагден на миг задумался.

— Нет, — неуверенно произнес он. — Я бы не стал так утверждать. Она не выглядела виноватой, ничего подобного, но она действительно это сделала, причем быстро и тихо, ну, вы меня понимаете. Она не знала, что *я заметил, как она это сделала*. В этом я уверен. Она даже вздрогнула, когда я шагнул к ней.

— Так, значит, *была* причина? Что, по-вашему, могло ею стать? Этот кусочек резины совсем свежий. Его ни для чего не использовали. Он вполне может ничего не значить, и все же… — задумчиво

произнес сыщик.

— Можете размышлять об этом сколько вам угодно, мистер Пуаро, — нетерпеливо перебил его Сагден. — Меня же ждут другие дела.

— В какой стадии, по-вашему, находится расследование? — спросил бельгиец.

Суперинтендант извлек блокнот.

— Давайте обратимся к фактам. Прежде всего есть люди, которые никак не могли этого сделать. Вначале давайте исключим их.

— Это кто?

— Альфред и Гарри Ли. У обоих железное алиби. Также миссис Альфред Ли — Трессильян видел ее в гостиной примерно за минуту до того, как сверху донесся грохот. Эти трое чисты. Теперь перейдем к остальным. Вот список. Я составил его так для удобства.

С этими словами Сагден протянул Пуаро список подозреваемых.

Кто где находился на момент убийства

Джордж Ли?

Миссис Джордж Ли?

Дэвид Ли играл в музыкальном салоне на фортепьяно (подтверждено женой).

Миссис Дэвид Ли находилась в музыкальном салоне (подтверждено мужем).

Мисс Эстравадос — в своей спальне (никаких подтверждений).

Стивен Фарр был в комнате для танцев, ставил пластинки на граммофон (подтверждено тремя слугами, которые слышали музыку, будучи в комнате для прислуги).

— Следовательно? — спросил Пуаро, протягивая Сагдену список.

— Следовательно, — ответил суперинтендант, — старика вполне мог убить Джордж Ли. Старика вполне могла убить миссис Джордж Ли. Старика вполне могла убить Пилар Эстравадос, а также *или мистер, или миссис Дэвид Ли*, но только не *вместе*.

— То есть вы не принимаете их алиби?

Суперинтендант Сагден энергично тряхнул головой.

— Ни за что на свете. Муж и жена, преданные друг другу! Они могут быть замешаны оба, а если только один из них, то у другого для него тотчас найдется алиби. Лично мне это представляется так. *Кто-то* в музыкальном салоне играет на пианино. Это *мог* быть Дэвид Ли. Возможно, это он и *был*, поскольку известно, что он музыкант. Однако ничто не дает нам оснований утверждать, что его жена тоже была там, за исключением *их соб-*

ственных слов. Точно так же на пианино могла играть Хильда. Дэвид же тем временем прокрался наверх и убил отца! Это совершенно иной случай, нежели оба брата в столовой. Альфред и Гарри Ли не питают взаимных симпатий. Им нет никакого смысла выгораживать друг друга.

— А Стивен Фарр?

— Он также в числе подозреваемых: алиби с граммофоном смотрится не слишком убедительно. С другой стороны, такое алиби подчас куда лучше железного алиби, которое в девяти случаях из десяти придумывают заранее.

Пуаро задумчиво наклонил голову.

— Пожалуй, я понимаю, о чем вы. Это алиби человека, который не знал, что ему потребуется алиби.

— Именно! Кроме того, с трудом верится, чтобы посторонний человек был замешан в убийстве.

— Согласен, это явно семейное дело, — произнес Пуаро. — Это как яд, который отравляет кровь. Обида, которая сидит глубоко. Да-да, похоже, так и есть, ненависть и знание… — Он махнул рукой. — Не знаю, все так сложно!

Суперинтендант Сагден уважительно дождался конца тирады, хотя она явно не произвела на него должного впечатления.

— Верно, мистер Пуаро, — согласился он. — Но не переживайте, мы распутаем этот клубок, распутаем методом исключения и логики. У нас теперь есть люди, у которых имелись возможности: Джордж Ли, Магдалена Ли, Дэвид Ли, Хильда Ли, Пилар Эстравадос и, я бы добавил, Стивен Фарр. Теперь перейдем к мотиву. У кого имелся *мотив* убрать старого мистера Ли? Здесь мы опять-таки можем исключить некоторых подозреваемых. Например, мисс Эстравадос. Как я понимаю, в том виде, в каком осталось завещание, ей не причитается ничего. Умри Симеон Ли раньше ее матери, материнская доля досталась бы ей, если только мать не распорядилась бы иначе. Но поскольку Дженнифер Эстравадос отошла в мир иной раньше Симеона Ли, ее часть наследства переходит к остальным членам семьи. Иными словами, в интересах мисс Эстравадос, чтобы старик жил как можно дольше. Она ему понравилась, так что при составлении нового завещания он наверняка оставил бы ей внушительную сумму. В случае же смерти мистера Ли она теряет все и ничего не выигрывает. Вы согласны со мной?

— Абсолютно.

— Разумеется, она могла перерезать ему горло во время ссоры, но лично мне это представляется

крайне маловероятным. Начнем с того, что у них были прекрасные отношения, а во-вторых, она пробыла здесь не слишком долго, чтобы из-за чего-то затаить на него обиду. По этой причине весьма сомнительно, что мисс Эстравадос причастна к преступлению. Если только вы станете утверждать, что перерезать старику горло — это так не по-английски, как выразилась ваша приятельница миссис Джордж Ли.

— Не называйте ее моей знакомой, — поправил его Пуаро. — Иначе я буду называть вашей приятельницей мисс Эстравадос, ибо в ее глазах вы красавец-мужчина.

К великой радости Пуаро, суперинтендант на миг растерял свой гонор. Более того, сделался красным как рак. Пуаро наблюдал за ним с приятным злорадством.

— Кстати, у вас превосходные усы, — произнес он с задумчивой ноткой в голосе. — Скажите, вы пользуетесь какой-то специальной *помадой*?

— Помадой? Боже упаси!

— Тогда чем вы пользуетесь?

— Пользуюсь? Ничем. Она просто растут — сами по себе.

— Везет вам, — вздохнул Пуаро и погладил свои собственные шикарные иссиня-черные усы. —

Ибо даже самая дорогая краска, — пробормотал он себе под нос, — отрицательно сказывается на качестве волос.

Парикмахерские проблемы явно оставили суперинтенданта Сагдена равнодушным, ибо он непоколебимо продолжал:

— В том, что касается мотива преступления, думаю, мы можем исключить также мистера Фарра. Даже если между его отцом и мистером Ли когда-то вышла ссора, поскольку мистер Ли пытался его надуть, крайне сомнительно, что это мотив для убийства. Когда Фарр заговорил на эту тему, он держался раскованно и уверенно. Не похоже, что с его стороны это было притворство. Нет, здесь мы явно ничего не найдем.

— Пожалуй, — согласился Пуаро.

— Есть еще один человек, заинтересованный в том, чтобы мистер Ли оставался жив, — его сын Гарри. Согласен, по завещанию ему причитается доля, но, как мне кажется, он об этом даже не догадывался. И уж тем более не был в этом уверен. Общее впечатление таково, что когда Гарри порвал с семьей, отец лишил его доли наследства. Но ведь теперь он вновь снискал благосклонность отца! И если б тот изменил завещание, то наверняка в его пользу. Так что с какой стати

Гарри убивать старика? Кроме того, мы знаем, что он этого никак не мог сделать. Таким образом, мы постепенно сужаем круг подозреваемых.

— Верно. Этак вскоре вообще никого не останется!

— До этого не скоро дойдет, — улыбнулся Сагден. — У нас еще есть Джордж Ли и его жена, а также мистер и миссис Дэвид Ли. Все они выгадали бы в случае смерти мистера Ли, а насколько мне известно, у Джорджа Ли имеются трудности денежного характера. Более того, отец угрожал урезать ему содержание. Таким образом, у нас есть Джордж Ли, мотив и возможность совершить преступление.

— Продолжайте, — сказал Пуаро.

— У нас есть также миссис Джордж! Которая любит деньги так же, как кошка — сметану. Более того, готов спорить на что угодно, что она в долгах, как в шелках. И еще миссис Джордж ревнует эту испанскую барышню. Например, она быстро заметила, что старик находится под ее чарами. Она также слышала, как он посылал за адвокатом. И быстро сообразила, к чему идет дело. Вот вам и готовое дело.

— Что ж, возможно.

— Затем есть Дэвид Ли и его жена. По нынешне-

му завещанию они наследуют долю, но я сильно сомневаюсь, что в данном случае мотивом являются деньги.

— Неужели?

— Нет. Дэвид Ли по натуре мечтатель, деньги для него не главное. Но он, как бы это лучше выразиться… странноват. Лично мне видятся три возможных мотива. Во-первых, алмазы, во-вторых, завещание, и, в-третьих, — самая обычная ненависть.

— Ага, то есть вы это заметили?

— Разумеется, — произнес Сагден, — я уже давно обратил на это внимание. Если Дэвид Ли убил отца, то только не из-за денег. И если убийца действительно он, это может объяснить такое обилие крови.

Пуаро пристально посмотрел на суперинтенданта.

— Я давно ждал, когда вы это скажете. Такое обилие крови — именно так выразилась миссис Альфред. Невольно вспоминаются древние ритуалы — кровавые жертвоприношения, умащение себя кровью жертвы…

— Вы хотите сказать, что убийца — сумасшедший? — нахмурился Сагден.

— *Mon cher*, в человеке глубоко сидят самые

разные инстинкты, и подчас такие, о каких мы даже не догадываемся. Жажда крови, требование жертвоприношения!

— Дэвид Ли на вид совершенно безобидное создание, — с сомнением в голосе заметил Сагден.

— Вы не разбираетесь в психологии, — возразил Пуаро. — Дэвид Ли живет прошлым. Для него память о матери жива и по сей день. Он много лет держался особняком от отца, потому что не мог простить ему, как тот обращался с матерью. Допустим, он приехал сюда с целью простить его. Но не смог. Мы точно знаем лишь одно — когда Дэвид Ли стоял рядом с мертвым телом отца, какая-то часть его «я» была этому рада. Божьи мельницы мелют медленно, да мелко. Возмездие! Расплата! Воздание за содеянное зло!

Сагден внезапно передернулся.

— Не говорите так, мистер Пуаро, — взмолился он. — От ваших слов мне едва не стало дурно. Возможно, все так и есть. В этом случае миссис Дэвид знает правду и намерена покрывать мужа всеми доступными ей способами. Я легко могу себе это представить. С другой стороны, столь же легко я могу представить ее в роли убийцы. Она довольно решительная особа.

Пуаро пытливо посмотрел на своего собесед-

ника.

— То есть она произвела на вас такое впечатление? — пробормотал он.

— Да, этакая наседка, если вы понимаете, что я имею в виду.

— О, еще как! Я прекрасно вас понял!

Сагден бросил на него внимательный взгляд.

— Полноте, мистер Пуаро, у вас наверняка уже имеются соображения по этому поводу. Хотелось бы их услышать.

— Верно, — медленно произнес сыщик, — соображения имеются, но довольно туманные. Сначала я предпочел бы услышать ваши.

— Итак, как я уже сказал, мне видятся три основных мотива: ненависть, деньги и эта история с алмазами. Рассмотрим факты в хронологическом порядке. Половина четвертого, семейный сбор. Все члены семьи слышат телефонный разговор с адвокатом. Старик срывается на них, кричит, заявляет, где им всем место. Они разбегаются, как стая испуганных кроликов…

— Не все. Хильда Ли задержалась у него, — уточнил Пуаро.

— Верно, но ненадолго. Затем, примерно в шесть, у Альфреда с отцом состоялся неприятный разговор. Гарри будет вновь включен в

завещание. Альфред против. По идее, он должен быть главным подозреваемым — у него самый сильный мотив. Далее, следующим к старику поднимается Гарри. Он в приподнятом настроении. Он только что добился, чего хотел. Увы, прежде чем состоялись эти два разговора, старик обнаружил пропажу алмазов и позвонил мне. Сыновьям же он о ней ничего не сказал — ни одному, ни другому. Почему?

Я склоняюсь к тому, что он был уверен: ни тот, ни другой не имеют к ней отношения. Они были вне подозрений. Как я уже говорил, по всей видимости, старик заподозрил Хорбери и *кого-то еще*. И я знаю, что он намеревался сделать. Помните, он сказал, что не хочет, чтобы в тот вечер кто-то поднимался к нему. Почему? Потому что он готовился к двум вещам. Во-первых, к моему визиту, и, во-вторых, *к визиту второго подозреваемого*. Он попросил *кого-то* подняться к нему и хотел увидеть его сразу после ужина. Вопрос: кто это мог быть? Возможно, Джордж Ли, но, скорее всего, его жена. Есть еще одна фигура, которая возвращается в нашу картину, — Пилар Эстравадос. Мистер Ли показывал ей алмазы. Он сказал ей, сколько они стоят. Вдруг эта особа — воровка? Откуда нам знать? Вспомните таинственные на-

меки на сомнительное поведение ее отца. Вдруг это был профессиональный вор, за что он и сел в тюрьму?

— Итак, по вашим словам, Пилар Эстравадос возвращается в картину, — медленно произнес Пуаро.

— Да. Как воровка, и никак иначе. Возможно, узнав, что дед заподозрил ее, она утеряла хладнокровие и набросилась на него.

— Что ж, не исключаю такой возможности… — задумчиво произнес сыщик.

Суперинтендант Сагден пристально посмотрел на него.

— Но вы так не думаете. Полноте, Пуаро, говорите, что думаете вы?

— Мне не дает покоя одна вещь — *характер покойного*. Что за человек был Симеон Ли? — спросил маленький бельгиец.

— Тут нет никакой тайны, — ответил Сагден, вопросительно глядя на него.

— Тогда скажите мне — причем скажите как местный житель, — что было о нем известно?

Суперинтендант задумчиво потер пальцем подбородок. Вопрос явно его озадачил.

— Я не местный. Я родом из Рившира, из другого графства. Разумеется, мистер Ли был фигурой

известной в здешних краях. Но все, что я о нем знаю, я знаю понаслышке.

— Вот как? И что же вы знаете о нем понаслышке?

— То, что характер у него был трудный, и мало кому удавалось в делах с ним настоять на своем. Зато он был щедр в том, что касалось денег. Раздавал их направо и налево. У меня в голове не укладывается, что мистер Джордж может быть полной противоположностью. Они же отец и сын!

— В этой семье четко просматриваются две линии. Альфред, Джордж и Дэвид — пусть только внешне — пошли в мать. Сегодня утром я рассматривал портреты в галерее.

— Он был вспыльчив, — продолжал суперинтендант Сагден, — и большой ловелас — в молодые годы, разумеется. Но он уже много лет являлся инвалидом. Однако даже с женщинами он всегда бывал щедр. Случись у девушки неприятности, он обычно давал ей приличную сумму и помогал выйти замуж. Пусть он не был человеком высоких моральных устоев, но жадиной уж точно не был. А вот с женой был черств, вечно третировал ее, заводил на стороне романы с другими женщинами… Можно сказать, она умерла

от горя. Это избитая фраза, но, думаю, миссис Ли действительно была несчастной женщиной. Она вечно хворала и почти не выходила из дома. Несомненно и то, что характер у мистера Ли был не подарок. А еще он был мстителен. Говорят, если кому-то случалось перейти ему дорогу, он всегда старался расквитаться, как бы долго ему ни приходилось ради этого ждать.

— Божьи мельницы мелют медленно, да мелко, — пробормотал Пуаро.

— Скорее, мельницы дьявола, — хмуро заметил Сагден. — В Симеоне Ли не было ничего от святого. Такой легко бы продал дьяволу душу и никогда бы не пожалел об этом. А еще он был горд — горд, как Люцифер.

— Горд, как Люцифер, говорите? — переспросил Пуаро. — Это, знаете ли, наводит на размышления…

— Вы хотите сказать, что, по-вашему, его убили из-за его гордыни? — озадаченно спросил суперинтендант.

— Я хотел сказать, — возразил Пуаро, — что есть такая вещь, как наследственные черты. Симеон Ли передал гордость своим сыновьям…

Он не договорил. Из дома вышла Хильда Ли и остановилась, глядя на террасу.

Глава 3

— Я искала вас, мсье Пуаро.

Суперинтендант Сагден извинился и зашагал назад в дом.

— Я не знала, что он с вами, — сказала Хильда, глядя ему вслед. — Мне казалось, он сейчас у Пилар. Такой милый человек, такой деликатный…

Голос у нее был на редкость приятный — низкий и бархатистый.

— Вы говорите, что хотели видеть меня? — уточнил Пуаро.

— Да. Мне кажется, вы можете мне помочь, — ответила Хильда.

— Буду только рад, мадам.

— Вы на редкость проницательны, мистер Пуаро. Я поняла это вчера вечером. Есть вещи, которые вы — я в этом уверена — выясните легко. Я хочу, чтобы вы поняли моего мужа, — произнесла она.

— Что именно, мадам?

— Я не хотела говорить об этом с суперинтендантом Сагденом. Он бы меня не понял. В отличие от вас.

— Я польщен, мадам, — ответил Пуаро с легким

поклоном.

— Мой муж, — продолжала тем временем Хильда, — на протяжении многих лет, с тех самых пор, как я вышла за него замуж, был, как я выражаюсь, душевно искалечен.

— А!

— Когда человек получает физическую травму, он испытывает шок и боль, но рана со временем затягивается, кости срастаются, боль ослабевает. Да, какое-то время человек ощущает слабость, остается шрам, но этим, как правило, и ограничивается. Мой супруг, мистер Пуаро, перенес сильнейшую душевную травму, причем в самом ранимом возрасте. Он обожал мать и видел, как она умерла. Он был убежден, что моральная ответственность за ее смерть целиком и полностью лежит на его отце. Он так и не оправился от этого. Его обида на отца никуда не делась. Приехать сюда на Рождество и помириться с отцом его убедила я. Мне хотелось этого ради него самого: чтобы его душевная рана, наконец, затянулась. Теперь мне понятно, что приезд сюда был ошибкой. Симеон Ли забавлялся тем, что бередил эту старую рану. Думаю, с его стороны это было весьма опасно…

— Вы хотите сказать, мадам, — перебил ее Пуа-

ро, — что ваш муж убил своего отца?

— Я говорю лишь то, мистер Пуаро, что он легко мог это сделать. А еще я скажу вам следующее — он этого не делал! Когда Симеон Ли был убит, его сын играл «Похоронный марш». Желание убить жило в его сердце, но оно рвалось наружу через его пальцы и умирало в звуках музыки, и это правда.

— Скажите, мадам, каков ваш вердикт относительно той старой драмы? — спросил Пуаро, немного помолчав.

— Вы имеете в виду смерть супруги Симеона Ли?

— Да.

— Я неплохо знаю жизнь и давно сделала вывод, что нельзя выносить суждения на основании лишь первого впечатления. На первый взгляд, Симеон Ли виноват — он недостойно себя вел, жестоко обращался с женой. В то же время я искренне полагаю, что существует некая кротость, некая склонность к мученичеству, которая пробуждает у определенного типа мужчин их худшие инстинкты. Думаю, ему больше подошла бы женщина с характером, наделенная силой духа, Симеон Ли восхищался бы такой. Но долготерпение миссис Ли, ее постоянные слезы

раздражали его, — медленно сказала Хильда.

— Понятно, — кивнул Пуаро.

— Что вам понятно? — резко спросила она.

— То, что вам пришлось заменить вашему мужу мать, в то время как вы сами предпочли бы быть его женой, — ответил он.

Хильда Ли отвернулась.

— Ваш муж сказал вчера вечером: «Моя мать никогда не жаловалась». Это так?

— Нет, конечно! — раздраженно воскликнула Хильда. — Она только и делала, что жаловалась Дэвиду. Все свои страдания она взвалила на его плечи. Он же был слишком молод, если не сказать юн, чтобы нести это бремя!

Пуаро задумчиво посмотрел на нее. Почувствовав на себе его взгляд, Хильда вспыхнула и закусила губу.

В этот момент из дома вышел Дэвид Ли и направился в их сторону.

— Хильда, какой прекрасный день! Скорее похоже на весну, чем на зиму, — с неподдельной радостью произнес он.

Затем с гордо поднятой головой подошел ближе. Он выглядел по-мальчишески юным: голубые глаза сияли, белокурый локон упал на лоб. Дэвид в буквальном смысле светился беззаботностью

юности. У Пуаро перехватило дыхание.

— Хильда, как ты смотришь на то, чтобы нам прогуляться до озера? — предложил мистер Ли.

Пуаро проводил их взглядом. В какой-то момент Хильда обернулась и посмотрела в его сторону. Ему показалось, что в ее глазах промелькнула тревога или даже — кто знает? — страх.

Сыщик медленно направился в другой конец террасы.

— Я всегда говорю, — пробормотал он, — что я этакий отец-исповедник. А так как женщины исповедуются чаще мужчин, то сегодня утром ко мне приходили исключительно женщины. Интересно, придет ли вскоре еще одна или нет?

В конце террасы он развернулся и зашагал назад. Ответ на вопрос не заставил себя ждать. Ему навстречу шла Лидия Ли.

Глава 4

— Доброе утро, мистер Пуаро. Трессильян просил меня разыскать вас с Гарри, но я рада, что застала вас одного. Мой муж рассказывал о вас и очень хотел бы с вами поговорить, — произнесла Лидия.

— Вот как? Он ждет меня прямо сейчас? — удивился Пуаро.

— Нет-нет, он почти не спал прошлой ночью, и я в конце концов дала ему сильное снотворное. Она пока еще не проснулся, и я не хочу его будить.

— Прекрасно вас понимаю. Мудрое решение с вашей стороны. Вчера вы все пережили настоящее потрясение.

— Видите ли, мистер Пуаро, Альфред любил отца, — серьезно произнесла Лидия, — любил больше, чем все остальные.

— Понимаю.

— Скажите, у вас — или у суперинтенданта — есть соображения насчет того, кто это мог сделать? — поинтересовалась она.

— У нас, мадам, есть определенные соображения насчет того, кто этого не делал, — медленно проговорил Пуаро.

— Это просто какой-то кошмар! С трудом верится, что такое бывает на самом деле! — с легким раздражением воскликнула Лидия. — Кстати, как насчет Хорбери? Он действительно был в кино, как и утверждает?

— Да, мадам, его показания проверены. Он говорит правду.

Женщина остановилась и сорвала веточку тиса. Лицо ее сделалось еще бледнее.

— Но ведь это ужасно! В таком случае остаются лишь члены семьи! — сокрушенно воскликнула она.

— Именно.

— Мистер Пуаро, я отказываюсь в это верить!

— Отчего же, мадам? Вы очень даже в это верите.

Лидия открыла было рот, чтобы возразить, но вместо этого печально улыбнулась.

— Какая же я лицемерка, — прошептала она.

Кивнув, Пуаро произнес:

— Если б вы, мадам, были честны со мной, вы признали бы, что находите вполне естественным то, что вашего свекра мог убить кто-то из членов семьи.

— Вы говорите фантастические вещи, мистер Пуаро! — заявила Лидия.

— Верно. Но ваш покойный свекор был фантастической личностью.

— Бедный старик. Как мне теперь его жаль… А ведь когда он был жив, он невероятно меня раздражал! — призналась Лидия.

— Представляю себе! — отозвался Пуаро и наклонился к одной из каменных ваз. — Как, однако, интересно придумано… Очень красиво.

— Я рада, что вы оценили. Они — мое хобби. Вам нравится эта, с арктической темой? С пингвинами и льдом?

— Очаровательно. А следующая — это что такое?

— О, это Мертвое море. Вернее, будет Мертвым морем. Я пока не закончила. Поэтому не надо на него смотреть. А вот эта — Пиана, на Корсике. Там розовые скалы, ужасно красивые, особенно когда они обрываются прямо в лазурное море. Этот пустынный пейзаж тоже по-своему интересен, вы не находите?

С этими словами она повела его дальше. Когда они почти дошли до конца террасы, Лидия посмотрела на часы.

— Пойду проверю, проснулся ли Альфред, — сказала она.

С этими словами Лидия ушла. Пуаро же медлен-

но вернулся к вазе, символизирующей Мертвое море, и пристально ее осмотрел. Затем нагнулся и поднял горсть мелких камешков. Подержав их пару мгновений на ладони, он дал им просыпаться между пальцами.

Внезапно сыщик нахмурился и поднес камешки ближе к глазам.

— *Sapristi!*[26] — воскликнул он. — Вот это сюрприз! Интересно, что бы это значило?

[26] Примечания: 26
Черт возьми! (*фр.*)

Часть V
26 декабря

Глава 1

Главный констебль и суперинтендант Сагден удивленно уставились на Пуаро. Тот осторожно вернул небольшие камешки в картонную коробочку и подтолкнул ее через стол к Джонсону.

— Да-да, — сказал он. — Это те самые алмазы.

— И где вы их, говорите, нашли? В саду?

— Да, в одном из крошечных садиков, устроенных мадам Альфред Ли в каменных вазах.

— Миссис Альфред! — Сагден покачал головой. — Но это невероятно!

— Невероятно? Вы хотите сказать, что, по-вашему, миссис Ли не могла перерезать горло своему свекру? — уточнил Пуаро.

— Мы все знаем, что она этого не делала. Я хотел сказать, что невероятно то, что она украла алмазы, — произнес Сагден.

— Верно, ее трудно в этом заподозрить, — согласился Пуаро.

— Их там мог спрятать любой, — сказал суперинтендант.

— Тоже верно. Особенно в этом конкретном садике, который, как известно, означает Мертвое море. Там много других камней похожего вида

и формы.

— Вы хотите сказать, что она подготовила его заранее? — спросил Сагден.

— Не верю! И никогда не поверю, даже ни на секунду. Начнем с того, какой смысл ей красть эти алмазы? — произнес полковник Джонсон.

— Что касается последнего… — медленно начал Сагден. Пуаро не дал ему договорить:

— Здесь есть возможный ответ. Она взяла алмазы, чтобы сымитировать мотив убийства. Но тогда она должна была знать, что убийство состоится, хотя сама и не принимала в нем непосредственного участия.

Джонсон нахмурился.

— Это шито белыми нитками. Вы делаете из нее соучастницу, но в таком случае чья она соучастница? Только собственного мужа. Мы же с вами знаем, что к убийству он не причастен. Вся ваша гипотеза рушится, как карточный домик.

Сагден задумчиво потер подбородок.

— Согласен. Если алмазы украла миссис Ли, подчеркиваю, если, то это может быть обычной кражей. Если это так, то да, она вполне могла заранее сделать из садика тайник и прятать алмазы там до того момента, пока шум не уляжется. Другое объяснение — мы имеем обыкновенное

совпадение. Вор — он или она, кем бы он ни был, — обратил внимание на садик, на обилие в нем похожих камней и решил, что это идеальное место, чтобы спрятать украденное.

— Что ж, вполне возможно, — сказал Пуаро. — Я всегда готов признать *одно* совпадение. А каково ваше мнение, суперинтендант?

— Миссис Ли — милая женщина, — осторожно начал тот. — Не похоже, что она может быть замешана в чем-то недостойном. Но, как говорится, зарекаться нельзя.

— В любом случае, — вмешался в разговор полковник Джонсон, — какова бы ни была правда в том, что касается алмазов, к убийству миссис Альфред не имеет никакого отношения. Как вы, надеюсь, помните, Пуаро, в тот момент лакей видел ее в гостиной.

— Не волнуйтесь, я помню, — ответил бельгиец.

Главный констебль повернулся к своему подчиненному.

— Давайте дальше. У вас есть что-то новое?

— Да, сэр. Я раздобыл кое-какие новые факты. Начнем с Хорбери. Ему есть причины опасаться полиции.

— Кража? Или что-то еще?

— Нет, сэр. Вымогательство с применением угроз. Своего рода шантаж. Доказать не смогли, и он избежал наказания, но смею предположить, что такое имело место не один раз. Когда Трессильян вчера вечером обмолвился о визите полицейского, Хорбери, имея больную совесть, наверняка решил, что его заподозрили, и, соответственно, насторожился.

— С Хорбери все ясно, — сказал главный констебль. — Что еще?

Суперинтендант кашлянул.

— Э-э-э, видите ли, сэр… Миссис Джордж Ли. Тут кое-что выяснилось про ее жизнь до замужества. Она жила с коммандером Джонсом. Выдавала себя за его дочь, *хотя была ему никакая не дочь*. Из того, что мы узнали, старый мистер Ли поступил правильно, позвав ее в гости. Он был зорким в том, что касалось женщин, распознавал авантюристок с первого взгляда. Точно он, конечно, не знал, но все равно решил забавы ради попробовать. И наступил ей, как говорится, на больную мозоль.

— Это дает ей еще один возможный мотив, помимо денег, — задумчиво произнес полковник Джонсон. — Она могла решить, что ему известно что-то конкретное и он собрался поставить в

известность ее мужа. Этот ее рассказ про телефонный звонок наводит на подозрения. Она никуда *не звонила*.

— Давайте сэр, соберем их всех вместе и выясним, как и что было с их звонками. Вдруг что-то всплывет? — предложил Сагден.

— Что ж, неплохая идея, — отозвался полковник Джонсон и позвонил в колокольчик. На его зов откликнулся Трессильян.

— Пригласите мистера и миссис Джордж Ли прийти к нам.

— Хорошо, сэр.

— Дата на настенном календаре осталась той же, что и в день убийства? — спросил Пуаро, когда старый дворецкий повернулся, чтобы уйти.

— На каком календаре? — обернулся к нему Трессильян.

— На том, что вон на той стене.

Они снова сидели в небольшой гостиной Альфреда Ли. Календарь, о котором шла речь, был большим отрывным календарем. На каждом листке крупным шрифтом была отпечатана дата. Трессильян бросил взгляд через всю комнату, затем, шаркая, подошел ближе и остановился в паре футов от стены.

— Извините, сэр, листок оторван. Сегодня у нас

двадцать шестое, — сказал он.

— Прошу прощения. Кстати, а кто мог оторвать листок?

— Мистер Ли, сэр. Он делает это каждое утро. Он крайне методичный джентльмен.

— Понятно. Спасибо.

Трессильян вышел.

— Скажите, Пуаро, с календарем что-то не так? — озадаченно спросил Сагден. — Или я чего-то не понял?

— Нет, календарь не имеет значения, — ответил сыщик, пожав плечами. — С моей стороны это был небольшой эксперимент.

— Завтра состоится вскрытие, — сообщил полковник Джонсон. — Разумеется, будет задержка.

— Да, сэр. Я уже видел коронера. Все готово, — сказал Сагден.

Глава 2

Джордж Ли вошел в комнату в сопровождении супруги.

— Доброе утро. Присаживайтесь. У меня к вам обоим несколько вопросов. Хотелось бы выяснить кое-какие мелочи, — произнес полковник Джонсон.

— Буду только рад оказаться полезным вам по мере возможности, — слегка напыщенно произнес Джордж.

— Разумеется, — негромко поддакнула Магдалена.

Главный констебль кивком сделал знак Сагдену.

— Речь идет о телефонных звонках, которые вы сделали вечером, когда произошло убийство, — сказал суперинтендант. — Если не ошибаюсь, мистер Ли, вы сказали, что звонили в Уэстерингем.

— Да, — холодно подтвердил Джордж, — моему представителю в избирательном округе. Могу отослать вас к нему и…

Сагден поднял руку, прерывая поток его красноречия.

— Всё так, мистер Ли. Всё так. Я не намерен с вами спорить. Ваш звонок был сделан ровно в восемь пятьдесят девять.

— Я, пожалуй, затруднился бы назвать точное время.

— Зато мы легко можем это сделать, — сказал Сагден. — Мы всегда тщательно проверяем такие вещи. Предельно тщательно. Соединение имело место в восемь пятьдесят девять, трубку вы положили в девять ноль четыре. Ваш отец, мистер Ли, был убит примерно в девять пятнадцать. Так что я вынужден еще раз просить вас рассказать обо всех ваших передвижениях.

— Я же уже сказал — я разговаривал по телефону!

— Неправда, мистер Ли. Вы этого не делали.

— Чушь! Вы наверняка допустили ошибку. Согласен, возможно, к этому моменту я уже завершил разговор. И собирался сделать новый звонок — вернее, размышлял о том, стоит ли он тех расходов, когда сверху донесся грохот.

— Не представляю себе, как можно в течение десяти минут размышлять, звонить или не звонить.

Джордж побагровел.

— Вы на что намекаете, черт возьми? — взо-

рвался он. — Что вы себе позволяете! Это дерзость с вашей стороны! Вы сомневаетесь в правдивости моих слов? Ставите под сомнение слова депутата парламента? С какой стати я вообще должен отчитываться перед вами буквально за каждую минуту моего времени?

— Это обычная процедура, — невозмутимо возразил суперинтендант Сагден, за что удостоился от Пуаро одобрительного взгляда.

Пылая гневом, Джордж повернулся к главному констеблю.

— Полковник Джонсон, как только вы терпите такое… такую беспрецедентную дерзость?

— Когда расследуется убийство, мистер Ли, — спокойно ответил тот, — принято задавать вопросы и *отвечать на них*.

— Но я уже на них ответил! Я закончил говорить по телефону и… намеревался сделать следующий звонок.

— Скажите, вы были в этой комнате, когда наверху послышался шум?

— Да, именно в ней.

Джонсон повернулся к Магдалене.

— Если не ошибаюсь, миссис Ли, — произнес он, — вы утверждали, что когда все бросились наверх, вы разговаривали по телефону и на тот

момент были в этой комнате одна.

Магдалена смутилась. Она вздохнула и покосилась на мужа. Затем посмотрела на Сагдена и наконец с мольбой воззрилась на полковника Джонсона.

— Не знаю. Я точно не помню, что вам говорила, ведь я была так *расстроена*…

— Мы записали ваши показания, мадам, — напомнил ей Сагден.

Тогда она направила залп артиллерийских батарей в его сторону — застывшая в глазах мольба, дрожащие губы. Увы, ответом ей стал холодный, отчужденный взгляд полицейского при исполнении служебных обязанностей, более того, осуждающего таких женщин, как она.

— Я, конечно, звонила, — запинаясь, пролепетала Магдалена. — Просто я не совсем уверена, когда *именно.*

Она умолкла.

— Впервые слышу! — воскликнул Джордж. — И откуда же ты звонила? Только не отсюда!

— Смею предположить, миссис Ли, — произнес суперинтендант Сагден, — что вы *вообще никуда не звонили*. В таком случае где вы были и что делали?

Магдалена обвела их несчастными глазами и

разрыдалась.

— Джордж, не позволяй им меня запугивать! Ты ведь знаешь, стоит меня испугать, а потом начать осыпать вопросами, как я вообще перестаю что-либо помнить! Я не знаю, что говорила в тот вечер. Это было так ужасно… Я была так расстроена… и вот теперь они намекают, что я…

С этими словами Магдалена вскочила и, рыдая, выбежала из комнаты.

— Вы что себе позволяете?! — в очередной раз взорвался Джордж Ли, тоже вскакивая со стула. — Я не позволю вам третировать мою жену, не позволю ее запугивать! Она такая чувствительная натура! Это возмутительно! Я поставлю в парламенте вопрос о недопустимых методах работы полиции! Вы запугиваете людей! Это не делает вам чести!

Громко топая, он вышел вон и хлопнул дверью. Суперинтендант Сагден закинул голову назад и расхохотался.

— Как мы их?.. Посмотрим, что они теперь будут делать! — воскликнул он.

— Удивительное дело. Мутное со всех сторон. Нужно будет взять у нее новые показания, — нахмурился полковник Джонсон.

— О, она вернется через пару минут. Когда

решит, что сказать. Как вы думаете, Пуаро? — игриво спросил Сагден.

Сыщик, который сидел погруженный в задумчивость, вздрогнул.

— *Pardon!* [27]

— Я сказал, что она вернется.

— Возможно… вероятно… о да!

— В чем дело, мистер Пуаро? — спросил Сагден, пристально на него глядя. — Увидели призрака?

— Видите ли, я не удивлюсь, если именно *так и было*, — медленно ответил бельгиец.

— Есть что-то еще, Сагден? — нетерпеливо произнес полковник Джонсон.

— Я попытался проверить последовательность, с которой все появились на месте убийства. В целом все довольно ясно. После убийства, когда всех переполошил предсмертный крик жертвы, убийца выскользнул из комнаты, с помощью плоскогубцев или другого инструмента замкнул дверь и через пару секунд смешался с остальными, что бежали наверх, к месту убийства, — сказал Сагден. — К сожалению, трудно проверить, кто именно кого увидел, потому что в такие моменты память обычно подводит людей.

---

[27] Примечания: 27
Извините! (*фр.*)

Трессильян утверждает, что он видел, как Гарри и Альфред выбежали из столовой и бросились наверх. Это вычеркивает их из списка вероятных убийц, но, с другой стороны, мы их и так не подозревали. Насколько я могу судить, мисс Эстравадос прибежала наверх позже других, если не последней. В целом же можно предположить, что первыми наверху оказались Фарр, миссис Джордж и миссис Дэвид. Каждый утверждает, что видел впереди себя кого-то из них троих. Беда в том, что невозможно отличить намеренную ложь от по-настоящему смутных воспоминаний. Все побежали наверх — в этом не приходится сомневаться, — но вот кто за кем, это установить гораздо труднее.

— Вы думаете, это важно? — медленно спросил Пуаро.

— Да, ибо это предполагает временной фактор. А время, как вы помните, было довольно коротким, — сказал Сагден.

— Что ж, я, пожалуй, соглашусь с вами, что в данном случае временной фактор крайне важен, — произнес Пуаро.

Сагден продолжал:

— Не способствует установлению истины и то, что лестниц в доме две. Главная, в холле, нахо-

дится на равном расстоянии от дверей столовой и гостиной. Вторая расположена в другом конце дома. Именно ею воспользовался Стивен Фарр. Мисс Эстравадос прибежала по коридору верхнего этажа с того же конца, ибо там расположена ее комната. Остальные утверждают, что взбежали наверх по главной лестнице.

— И впрямь неразбериха — согласился Пуаро.

В следующий миг дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошла Магдалена. Она задыхалась, на щеках выступили красные пятна.

— Мой супруг думает, что я решила лечь передохнуть. Я незаметно выскользнула из комнаты, — негромко сообщила она, подойдя к столу. — Полковник Джонсон, — обратилась женщина к главному констеблю, глядя на него несчастными глазами. — Если я скажу вам правду, вы ведь никому ее потом не расскажете? Не предадите мои слова *огласке*?

— Если я правильно вас понял, миссис Ли, это нечто такое, что не имеет непосредственного отношения к убийству? — уточнил полковник Джонсон

— Верно, никакого. Скажем так, это нечто из моей личной жизни.

— Будет лучше, если вы, миссис Ли, все честно

нам расскажете, а мы решим, как нам поступить с вашими показаниями, — сказал полковник.

— Я вам доверяю, — прошептала Магдалена с затуманенным взором. — Я не сомневаюсь в вашей порядочности. У вас добрые глаза. Видите ли, дело вот в чем. Есть один человек… — Она умолкла.

— Да, миссис Ли?

— Вчера вечером я хотела ему позвонить… это мужчина, как вы понимаете, мой хороший знакомый, и я не хотела, чтобы Джордж об этом узнал. Наверное, это не совсем порядочно с моей стороны, но так уж получилось. После ужина, когда Джордж остался в столовой, я решила пойти позвонить. Но когда пришла сюда, то услышала, как он разговаривает по телефону, и была вынуждена ждать, когда он закончит.

— И где же вы ждали, мадам? — уточнил Пуаро.

— За лестницей есть закуток для пальто и тому подобных вещей. Там темно. Я притаилась и стала ждать, когда Джордж выйдет из этой комнаты. Но он все не выходил, а потом раздался этот грохот, затем мистер Ли закричал, и я бросилась наверх.

— То есть ваш муж до самого момента убийства не покидал этой комнаты?

— Нет.

— А вы сами с девяти до девяти пятнадцати прятались за лестницей? — уточнил главный констебль.

— Да, но не могла же я этого *сказать*! Всем наверняка захотелось бы узнать, что я там делала. Согласитесь, что я оказалась бы в крайне неловком положении, не правда ли?

— Согласен, это было бы крайне неловко, — сухо заметил Джонсон.

Магдалена приторно ему улыбнулась.

— Я так рада, что сказала вам правду… Мне даже стало легче на душе. Вы же не расскажете моему мужу? Нет, я уверена, что вы этого не сделаете. Я доверяю вам, всем троим.

Обведя мужчин напоследок умоляющим взглядом, она быстро выскользнула из комнаты.

Полковник Джонсон шумно вздохнул.

— Что ж, очень даже может быть! Вполне правдоподобная история. С другой стороны…

— С другой стороны, может, и нет, — закончил за него Сагден. — Откуда нам знать?

Глава 3

Наполовину скрытая тяжелыми шторами, Лидия Ли стояла в дальнем конце гостиной и смотрела в окно. Еле слышный шорох заставил ее вздрогнуть. Она резко обернулась: в дверях стоял Эркюль Пуаро.

— Вы испугали меня, мистер Пуаро, — сказала она.

— Прошу простить меня, мадам. Я ступаю неслышно.

— Я подумала, что это Хорбери, — сказала она.

Сыщик кивнул.

— Верно, он ступает бесшумно, как кошка или как *вор*.

Он помолчал, не спуская с нее глаз. Ее лицо ничего не выражало. Однако стоило ей заговорить, как на нем появилось выражение брезгливости.

— Мне он никогда не нравился. Буду рада от него избавиться.

— Думаю, с вашей стороны это будет мудрое решение, мадам.

— Что вы хотите этим сказать? — Лидия вопросительно посмотрела на Пуаро. — Вам о нем что-то известно?

— Этот человек собирает чужие секреты, а потом извлекает из них выгоду, — ответил маленький бельгиец.

— Вы думаете, ему что-то известно про убийство? — спросила Лидия.

Пуаро пожал плечами.

— У него бесшумные ноги и длинные уши. Он вполне мог что-то подслушать и взять на заметку.

— Если я правильно вас поняла, он вполне может нас шантажировать? — уточнила женщина.

— Не исключаю такой вероятности. Но я пришел сюда, чтобы сказать вам нечто другое.

— И что же именно вы пришли сказать?

— У меня состоялся разговор с мистером Альфредом Ли. Он сделал мне одно предложение, но прежде чем принять или отклонить его, я хотел обсудить его с вами. Однако я был так поражен представшей моему взору картиной — тем, как ваш джемпер контрастирует с бордовыми шторами, — что невольно залюбовался, стоя в дверях, — нехотя признался Пуаро.

— Право, мистер Пуаро, стоит ли нам тратить время на комплименты? — резко спросила Лидия.

— Прошу простить меня, мадам. Но англичанки

редко разбираются в тонкостях *la toilette.* Платье, в котором вы были в тот первый вечер, его смелый и вместе с тем такой простой рисунок — оно было сама элегантность, утонченный вкус…

— Так зачем вы хотели видеть меня? — перебила его Лидия.

Пуаро посерьезнел.

— Видите ли, мадам, ваш супруг хочет, чтобы я серьезно занялся расследованием. Он потребовал, чтобы я остался в вашем доме и сделал все для того, чтобы докопаться до истины.

— И?.. — холодно уточнила Лидия.

— Я готов принять приглашение, но только в том случае, если оно также исходит от хозяйки дома, — медленно ответил Пуаро.

— Естественно, я поддержу приглашение моего мужа, — по-прежнему холодно отозвалась женщина.

— Да, мадам, но мне нужно нечто большее. Вы действительно *хотите*, чтобы я поселился у вас?

— Почему бы нет?

— Хорошо. Тогда давайте будем откровенны друг с другом. Я спрашиваю у вас вот что: вы действительно хотите знать правду?

— Естественно.

— Вы всегда так сдержанны в своих ответах? —

вздохнул Пуаро.

— Да, я привыкла сдерживать свои мысли и чувства, — ответила Лидия и, прикусив, губу, на миг задумалась. — Так уж меня воспитали… Наверное, нам лучше говорить откровенно. Разумеется, я вас понимаю. Вам не позавидуешь. Мой свекор был зверски убит, и если только обвинение в краже и убийстве не будет предъявлено самому очевидному подозреваемому, Хорбери — а оно, похоже, не будет ему предъявлено, — то вывод напрашивается один: это сделал кто-то из членов семьи. Привлечь такого человека к ответственности — значит покрыть несмываемым позором всех нас. И если говорить откровенно, мне бы не хотелось, чтобы это произошло.

— То есть вы не будете против, если убийца избежит наказания? — уточнил Пуаро.

— Думаю, в этом мире на свободе безнаказанно разгуливает не один убийца.

— Тоже верно.

— Одним больше, одним меньше, какая разница…

— А как же другие члены семьи, те, что невиновны? — спросил Пуаро.

— А что с ними? — удивилась Лидия.

— Но ведь вы понимаете, что если будет так,

как вы надеетесь, *никто не узнает правды*. Тень подозрения останется висеть над всеми…

— Об этом я как-то не подумала, — призналась Лидия.

— Никто так и не узнает, кто на самом деле этот убийца, — сказал Пуаро и мягко добавил: — Если только вы сами этого не знаете, мадам.

— Вы не имеете права так говорить! Неправда! О, если б это был кто-то посторонний, но только не член семьи! — сокрушенно воскликнула она.

— Он может быть и тем и другим, — сказал Пуаро.

— Это как понимать? — недоуменно спросила Лидия.

— Это может быть член семьи и вместе с тем посторонний человек. Неужели вы еще не поняли? *Eh bien*, эта идея только что посетила Эркюля Пуаро. Итак, мадам, что я должен сказать мистеру Ли?

Сыщик пристально посмотрел на Лидию. Та лишь беспомощно всплеснула руками.

— Разумеется, вы должны принять приглашение, — ответила она.

Глава 4

Пилар застыла посередине музыкального салона. Она стояла очень прямо, стреляя глазами из стороны в сторону, как животное, которое боится, что на него сейчас нападут.

— Как я хочу уехать отсюда! — воскликнула она.

— Ты не одна такая. Я тоже. Но нас никуда не выпустят, — мягко возразил Стивен Фарр.

— Ты имеешь в виду полицию?

— Да.

— С полицией лучше не иметь никаких дел, — серьезно произнесла Пилар. — С приличными людьми такого не бывает.

— Ты имеешь в виду себя? — спросил Стивен со слабой улыбкой.

— Нет. Я имею в виду Альфреда и Лидию, Дэвида и Джорджа, Хильду и даже Магдалену, — пояснила Пилар.

Стивен зажег сигарету и прежде, чем что-то сказать, сделал пару затяжек.

— Почему ты сделала исключение?

— Ты о чем?

— Почему не включила в свой список Гарри? —

поинтересовался Стивен.

Пилар рассмеялась, блеснув ровными, белоснежными зубами.

— Гарри другой. Думаю, он прекрасно знает, что это такое — иметь дело с полицией!

— Пожалуй, ты права. Он действительно слишком колоритен для семейной идиллии… Кстати, Пилар, тебе нравятся твои английские родственники? — задал новый вопрос Стивен.

Пилар задумалась.

— Они добры, все до единого. Но они мало смеются и вообще какие-то невеселые, — ответила она, медленно подбирая слова.

— Дорогая моя, но ведь в доме только что произошло убийство!

— Неужели? — с сомнением в голосе ответила Пилар.

— Убийства случаются не каждый день, — менторским тоном произнес Стивен, — даже если твоя игривость предполагает иное. Не знаю, как в Испании, но в Англии к убийствам относятся серьезно.

— Ты смеешься надо мной, — сказала Пилар.

— Неправда. Я вообще не в том настроении, — возразил Стивен.

Девушка пристально посмотрела на него.

— Потому что ты тоже хочешь отсюда уехать?

— Да.

— И рослый красивый полицейский тебя не отпустит?

— Я его не спрашивал. Но даже если б и спросил, уверен, что получил бы отказ. Надо быть осторожным, Пилар, осторожным и осмотрительным.

— Это утомительно, — кивнула она.

— Дорогая моя, утомительно — это мягко сказано. А еще этот чокнутый иностранец, который везде сует свой нос… Сомневаюсь, что он что-то собой представляет, но мне от него по себе.

Пилар нахмурилась.

— Мой дед был очень богат, ведь так? — спросила она.

— Предполагаю, что да.

— И кому теперь достанутся все его деньги? Альфреду и остальным?

— В зависимости от того, что сказано в завещании.

— Он мог завещать мне денег, — задумчиво произнесла Пилар, — но боюсь, что не сделал этого.

— С тобой все будет хорошо, — успокоил ее Стивен. — Все-таки ты часть семьи. Это и твой дом тоже. Тебя не оставят без средств к существованию.

— Да, это и мой дом тоже, — вздохнула Пилар. — Смешно, не правда ли? И в то же время ни капельки не смешно.

— Думаю, мне понятно, почему ты так говоришь.

Девушка снова вдохнула.

— Послушай, если я сейчас включу граммофон, мы с тобой потанцуем?

— Думаю, это было бы неуместно, — с сомнением в голосе ответил Стивен. — В доме траур, ты, бесчувственная испанская красотка!

— Но ведь я не чувствую никакого горя, — бесхитростно призналась Пилар, сделав большие глаза. — Я совсем не знала деда, хотя мне и нравилось вести с ним разговоры. Не понимаю, почему я должна плакать и чувствовать себя несчастной потому, что его больше нет? Притворяться так глупо!

— Ты бесподобна! — воскликнул Стивен.

— Мы могли бы положить на граммофон чулки и перчатки, чтобы было не так громко. И никто не услышит, — продолжила уговаривать его Пилар.

— Что ж, давай попробуем, искусительница!

С радостным смехом Пилар выбежала из комнаты и быстро направилась к танцевальному залу в дальнем конце дома. Дойдя до бокового

коридора, который вел к садовой двери, она резко остановилась. Стивен нагнал ее и тоже замер на месте.

Эркюль Пуаро, сняв со стены портрет, внимательно разглядывал его в падающем с террасы свете. Услышав шаги, он поднял глаза и воскликнул:

— А! Вы появились в очень удачный момент!

— Что вы тут делаете? — удивилась Пилар и, подойдя, встала с ним рядом.

— Изучаю нечто очень важное, а именно лицо Симеона Ли в молодости, — серьезно произнес Пуаро.

— Так это мой дедушка?

— Да, мадемуазель.

Пилар уставилась на портрет.

— Совсем не такой, совершенно другой, — задумчиво произнесла она. — Он был такой старый, такой сморщенный, а здесь он похож на Гарри… Каким Гарри мог быть лет десять назад.

Эркюль Пуаро кивнул.

— Верно, мадемуазель. Гарри Ли — копия своего отца. А теперь взгляните сюда, — с этими словами он провел ее чуть дальше по галерее. — Перед вами ваша бабушка — нежное продолговатое лицо, белокурые волосы, кроткие голубые глаза.

— Как у Дэвида, — сказала Пилар.

— Немного похожа на Альфреда, — добавил Стивен.

— Интересная вещь наследственность. Мистер Ли и его супруга были полными противоположностями. В целом дети от этого брака унаследовали черты матери. Взгляните сюда, мадемуазель, — сказал Пуаро, указав на портрет девушки лет девятнадцати-двадцати с золотыми волосами и смеющимися голубыми глазами. Волосы и глаза она явно унаследовала от миссис Ли, но чувствовалось в ней и нечто другое — непокорный дух, жизнелюбие, каких было лишено кроткое лицо ее матери.

— О! — воскликнул Пилар, и лицо ее вновь просветлело. Рука ее потянулась к шее и извлекла медальон на длинной золотой цепочке. Легкое нажатие пальца, и крышка открылась. На Пуаро посмотрело все то же смеющееся лицо.

— Моя мать, — сказала девушка.

Пуаро кивнул. На внутренней стороне крышки имелся портрет мужчины. Он был молод и хорош собой: иссиня-черные волосы, синие глаза.

— Ваш отец? — спросил Пуаро.

— Да, мой отец. Красавец, не правда ли? — сказала Пилар.

— Еще какой! Насколько я понимаю, синие глаза редкость у испанцев?

— Отчего же? На севере моей страны их можно встретить довольно часто. К тому же мать моего отца была ирландкой.

— То есть в ваших жилах течет испанская, ирландская, английская кровь и даже чуть-чуть цыганской… Знаете, что я думаю, мадемуазель? С такой наследственностью в вашем лице лучше не иметь врага, — задумчиво произнес Пуаро.

— Помнишь, Пилар, что ты сказала в поезде про то, как поступила бы со своими врагами? — с усмешкой спросил Стивен. — Мол, перерезала бы им горло!

Он тут же осекся. До него дошел смысл его слов. Впрочем, Пуаро поспешил увести разговор в сторону:

— Кстати, сеньорита, пока я не забыл… Моему другу суперинтенданту нужен ваш паспорт. Сами понимаете, полицейские правила глупы и утомительны. Но, увы, без них никак, тем более когда дело касается иностранных граждан. Да-да, согласно законам этой страны вы иностранка.

— Мой паспорт? — удивилась Пилар. — Да, сейчас принесу. Он у меня в комнате.

— Мне, право, неловко, что я вынужден доста-

вить вам это неудобство, — виновато произнес Пуаро, шагая с ней рядом.

Они вместе дошли до конца длинной галереи. Дальше начиналась лестница. Пилар быстро взбежала наверх. Пуаро поднялся за ней следом. Стивен последовал за ними. Дверь спальни девушки выходила на лестничную площадку.

— Сейчас я вам его принесу, — сказала она, когда они подошли к двери, и вошла внутрь. Пуаро и Фарр остались ждать снаружи.

— Наверное, с моей стороны глупо говорить такое, — с раскаянием в голосе произнес Стивен, — но вряд ли она обратила внимание.

Пуаро не ответил. Он стоял, слегка наклонив голову, как будто прислушивался.

— Англичане питают удивительную любовь к свежему воздуху. Похоже, мисс Эстравадос унаследовала эту черту, — произнес он.

— Вы это к чему? — не понял его Ставен.

— К тому, что хотя сегодня жутко холодно — кажется, здесь это называют черный мороз, не то что вчера, когда было тепло и солнечно, — мисс Эстравадос только что открыла окно. Нет, просто потрясающая любовь к свежему воздуху, — тихо произнес Пуаро.

Внезапно с той стороны двери раздалось вос-

клицание по-испански, и к ним в коридор со смешком вышла Пилар.

— А! — воскликнула она. — Какая же я глупая и неуклюжая! Мой маленький чемодан стоял на подоконнике. Я по глупости перебирала вещи в нем так быстро, что выронила из окошка паспорт. Теперь он лежит на клумбе. Сейчас я его принесу.

— Давай лучше я, — предложил Стивен, но Пилар бросилась мимо него.

— Нет, это все моя глупость! — крикнула она, обернувшись через плечо. — Вы с мистером Пуаро идите в гостиную, я принесу его вам туда.

Стивен бросился было за ней вдогонку, однако на плечо ему мягко легла рука Пуаро, а его голос произнес:

— Пойдемте лучше сюда.

Они прошли по коридору второго этажа на другой его конец до главной лестницы.

— Давайте на минуту задержимся здесь, — сказал сыщик. — Сейчас мы с вами войдем в комнату, в которой произошло убийство. Я хочу задать вам несколько вопросов.

И они зашагали дальше по коридору к комнате Симеона Ли. По пути, слева, мужчины миновали альков с мраморными статуями двух дебелых

нимф. Со страдальческими лицами те цеплялись за складки одежд, дабы соблюсти викторианские приличия.

— Жуткое зрелище, особенно днем, — прошептал Стивен Фарр, посмотрев на них. — Когда я шел по коридору тем вечером, мне показалось, что их трое. Слава богу, их всего двое!

— Да, нынче редко кто ими восхищается, — согласился Пуаро. — Хотя в свое время они наверняка стоили немалых денег. Думаю, ночью они смотрятся гораздо лучше.

— Да, видишь только белесые силуэты.

— В темноте все кошки серы, — проворчал Пуаро.

В комнате они застали суперинтенданта Сагдена. Стоя на коленях рядом с сейфом, он рассматривал его в увеличительное стекло. Стоило бельгийцу и его спутнику переступить порог, как он тотчас поднял глаза.

— Его открыли ключом, — произнес он. — Тот, кто это сделал, явно знал комбинацию цифр. Потому что больше никаких следов.

Пуаро шагнул к нему, отвел в сторонку и что-то шепнул на ухо. Суперинтендант кивнул и вышел из комнаты.

Сыщик повернулся к Стивену Фарру. Тот стоял,

уставившись на кресло, в котором обычно сидел Симеон Ли. Брови его были насуплены, на лбу выступили жилы.

— Что-то вспомнилось? — подал голос Пуаро, молча понаблюдав за ним пару минут.

— Всего два дня назад он сидел в этом кресле живой, и вот теперь… — медленно ответил Фарр и, тряхнув головой, добавил: — Итак, мистер Пуаро, вы привели меня сюда затем, чтобы что-то спросить.

— Ах да. Если не ошибаюсь, вы первым прибежали сюда в ту ночь?

— Я? Честно сказать, не помню… Впрочем, нет. Думаю, здесь уже был кто-то из женщин.

— Кто именно?

— Кто-то из жен, не то Джорджа, не то Дэвида. Помню только, что обе вскоре уже были здесь.

— Кажется, вы сказали, что не слышали крик?

— Вроде бы нет… Точно не помню. Кто-то действительно крикнул, но это мог быть кто-то из тех, кто был внизу.

— А это вы слышали? — спросил Пуаро и, закинув голову назад, издал пронзительный вопль.

Это произошло столь неожиданно, что Стивен отшатнулся назад и едва не упал.

— Ради бога, прекратите, или вы хотите ис-

пугать весь дом? Нет, ничего подобного я не слышал. Этак вы снова поставите весь дом на уши. Люди подумают, что произошло очередное убийство! — возмутился он.

— Верно, как глупо с моей стороны, — упавшим голосом пробормотал Пуаро. — Нам надо срочно уйти отсюда.

И они поспешили вон из комнаты. У нижней ступеньки лестницы, испуганно глядя вверх, стояли Лидия и Альфред. К ним присоединился Джордж, вышедший из библиотеки. И, наконец, с паспортом в руке прибежала Пилар.

— Не волнуйтесь, ничего страшного не произошло, — успокоил их Пуаро. — Просто небольшой эксперимент, вот и всё.

Альфред был явно недоволен. Джордж был готов лопнуть от злости. Оставив Стивена объяснить им, что произошло, Пуаро поспешил по коридору в другой конец дома.

На том конце коридора ему навстречу из комнаты Пилар шагнул суперинтендант Сагден.

— *Eh bien?* — спросил маленький бельгиец. — Итак?

Суперинтендант покачал головой.

— Ни единого звука, — сказал он и, встретившись с Пуаро взглядом, кивнул.

Глава 5

— Значит, вы приняли приглашение, мистер Пуаро? — уточнил Альфред.

Его рука, поднятая ко рту, подрагивала. Мягкие карие глаза горели новым, лихорадочным блеском. Он слегка заикался. Лидия молча стояла рядом и с тревогой наблюдала за ним.

— Вы не знаете, вы не представляете, что это значит для меня. Убийца моего отца *должен* быть найден, — пролепетал Альфред.

— Поскольку вы заверили меня, что долго и основательно размышляли об этом, то да, я принимаю ваше предложение. Однако поймите, мистер Ли, пути назад у вас не будет. Я не пес, которому хозяин велел взять след, а потом позвал назад, потому что ему, видите ли, не нравится дичь, которую тот ему принес, — произнес Пуаро.

— Я вас отлично понял. Все готово. В том числе ваша комната. Можете оставаться у нас сколько пожелаете.

— Я задержусь ненадолго, — хмуро ответил сыщик.

— Извините, что вы сказали?

— Я сказал, что ненадолго задержусь. В таком преступлении, как это, круг подозреваемых узок, так что правда выяснится довольно быстро. К тому же мне кажется, что конец расследования уже виден.

— Не может быть! — изумился Альфред.

— Это почему же? Все факты указывают более-менее ясно в одном направлении. Осталось прояснить лишь пару второстепенных вопросов. Как только это будет сделано, мы узнаем правду.

— Вы хотите сказать, что уже знаете ее? — не поверил своим ушам Альфред.

— О, да, — улыбнулся Пуаро. — Уже знаю.

— Мой отец, мой отец… — пролепетал Альфред и отвернулся.

— Мистер Ли, у меня к вам две просьбы, — быстро произнес сыщик.

— Ради бога, просите что угодно… что угодно, — сдавленным голосом ответил Альфред.

— В таком случае прежде всего я хотел бы иметь портрет мистера Ли в молодости у себя в спальне, которую вы так любезно мне отвели.

Альфред и Лидия недоуменно уставились на него.

— Портрет моего отца… но зачем он вам? — удивился Альфред.

— Скажем так, для вдохновения, — махнул рукой бельгиец.

— Неужели, мистер Пуаро, вы намерены прибегнуть к ясновидению? — холодно осведомилась Лидия.

— Скажем так, мадам, что я намерен воспользоваться не только глазами тела, но и глазами души.

Лидия пожала плечами.

— Далее, мистер Ли. Я хотел бы знать истинные обстоятельства смерти Хуана Эстравадоса, мужа вашей покойной сестры, — продолжил Пуаро.

— В этом есть необходимость? — спросила Лидия.

— Мне нужны факты, мадам.

— Хуан Эстравадос убил в кафе другого мужчину, поссорившись с ним из-за женщины, — заявил Альфред.

— Как именно он его убил?

Альфред умоляющим взглядом посмотрел на Лидию.

— Ударил его ножом, — ровным тоном пояснила та. — Хуан Эстравадос избежал смертного приговора, ибо погибший первым начал драку. Его приговорили к длительному сроку заключения, и он умер в тюрьме.

— Дочери что-то известно об отце?

— Думаю, что нет.

— Нет, Дженнифер ей ничего не рассказывала, — подтвердил Альфред.

— Спасибо.

— Я не поверю, что Пилар… Нет, этого быть не может! — воскликнула Лидия.

— А теперь, мистер Ли, хотелось бы услышать от вас кое-какие факты о вашем брате, мистере Гарри Ли, — произнес Пуаро.

— Что именно вы хотите узнать?

— Насколько мне известно, он считался чем-то вроде паршивой овцы, запятнавшей честь семьи. Почему?

— Это было так давно, — произнесла Лидия.

— Если вам, мистер Пуаро, действительно нужно это знать, — медленно произнес Альфред, заливаясь краской, — он украл крупную сумму денег, подделав на чеке подпись моего отца. Естественно, тот не стал сообщать на него в полицию. Гарри всегда был мошенником. Он попадал в переделки по всему миру. Вечно слал нам телеграммы, клянчил денег… То и дело попадал за решетку, не в одном месте, так в другом.

— Ты ничего не знаешь, Альфред! — выкрикнула Лидия.

— Гарри — бездельник и проходимец! — сердито крикнул Альфред. Руки его тряслись. — Всегда им был!

— Вижу, вы никогда не питали взаимных симпатий, верно? — уточнил Пуаро

— Он наплевал на отца, запятнал его имя позором! — кипятился Альфред.

Лидия вздохнула — быстрый, нетерпеливый вздох. Услышав его, Пуаро резко посмотрел в ее сторону.

— О, если б только нашлись алмазы… Уверена, разгадка заключается в них! — воскликнула Лидия.

— Они *нашлись*, мадам, — негромко произнес Пуаро.

— Что?

— Обнаружились в вашем садике Мертвого моря, — уточнил сыщик.

— В моем садике? Ну кто бы мог подумать! — воскликнула Лидия.

— Вот и я о том же, мадам, — тихо произнес Пуаро.

Часть VI
27 декабря

Глава 1

— Я ожидал худшего, — со вздохом произнес Альфред Ли.

Они только что вернулись с дознания. Мистер Чарльтон, старомодного вида стряпчий с настороженными голубыми глазами, также присутствовал на нем и вернулся в дом вместе с ними.

— Я же говорил тебе, это пустая формальность, не более того. Я так и знал, что срок расследования продлят, с тем чтобы полиция могла собрать дополнительные улики.

— Это крайне неприятно! В высшей степени неприятно! — раздраженно воскликнул Джордж Ли. — Оказаться в такой ужасной ситуации! Лично я убежден, что убийство совершил маньяк, который каким-то образом проник в дом. Этот ваш Сагден — упрямый осел. На месте полковника Джонсона я бы обратился за помощью в Скотланд-Ярд. Эти местные полицейские ни на что не годятся, тупые болваны… Кстати, а что с этим Хорбери? Я слышал, что у парня темное прошлое, однако полиция смотрит на это сквозь пальцы.

— Думаю, у вашего Хорбери имеется убедительное алиби на весь вечер убийства. И у полиции нет оснований ему не верить, — ответил мистер Чарльтон.

— Это с какой стати? — кипятился Джордж. — На их месте я бы отнесся к его алиби настороженно, очень даже настороженно. Естественно, у преступника всегда имеется алиби. И долг полиции это алиби опровергнуть — при условии, конечно, что эти парни знают свою работу.

— Мне кажется, — произнес мистер Чарльтон, — не нам учить полицию, как ей работать. В целом они неплохо справляются со своим делом.

Джордж хмуро покачал головой.

— И все же следует привлечь Скотланд-Ярд. Я не удовлетворен тем, как суперинтендант Сагден ведет расследование. Согласен, он дотошен, но далеко не блещет умом.

— Позволю себе с вами не согласиться, — возразил Чарльтон. — Сагден — хороший полицейский. Да, не в его привычках давить авторитетом, но это не мешает ему добиваться результатов.

— Я уверена, полиция делает все, что в ее силах, — прощебетала Лидия. — Мистер Чарльтон, могу я предложить вам стакан хереса?

Стряпчий вежливо поблагодарил ее, однако от

хереса отказался. И, как только все собрались, прочистив горло, приступил к оглашению завещания.

Он читал проникновенно, замедляя темп на туманных, каверзных формулировках и явно наслаждаясь юридическим крючкотворством. Дочитав до конца, снял очки, протер их и вопросительно обвел глазами собравшихся.

— Всю эту вашу юридическую тарабарщину невозможно понять. Изложите нам лучше самую суть, — потребовал Гарри Ли.

— Неужели? — удивился мистер Чарльтон. — Мне кажется, здесь все предельно ясно и просто.

— О боже, что же тогда вы назовете сложным? — спросил Гарри.

Мистер Чарльтон смерил его холодным взглядом.

— Основные положения завещания предельно просты. Половина имущества покойного мистера Ли отходит его сыну Альфреду, остальная половина должна быть поровну разделена между остальными детьми.

Гарри неприятно рассмеялся.

— Как обычно, везет только Альфреду. Получить половину отцовского имущества — это вам не что-нибудь! Ну и как тебе это, везунчик ты

наш?

Альфред вспыхнул.

— Альфред был верным и преданным сыном, — резко произнесла Лидия. — Он в течение многих лет вел отцовское дело, причем нес на своих плечах всю ответственность.

— О да, как я забыл… Альфред всегда у нас был образцово-показательным парнем! — воскликнул Гарри.

— А, по-моему, это *тебе* крупно повезло, что отец хотя бы что-то тебе оставил! — бросил ему Альфред.

Гарри, откинув назад голову, расхохотался.

— Получается, ты бы предпочел, чтобы он исключил меня из числа наследников? Ты ведь никогда меня не любил.

Мистер Чарльтон кашлянул. Он привык — еще как привык! — к некрасивым сценам, которые нередко разыгрывались после оглашения завещаний. И в данный момент ему хотелось одного: поскорее уйти отсюда, пока обмен колкостями не перерастет в громкое выяснение отношений.

— Думаю, это всё. В моем присутствии больше нет необходимости, — пробормотал он.

— А как же Пилар? — неожиданно спросил Гарри.

Мистер Чарльтон вновь смущенно прокашлялся.

— Боюсь, что мисс Эстравадос в завещании не упомянута.

— Но разве ей не причитается доля ее матери? — спросил Гарри.

— Видите ли, — счел своим долгом пояснить мистер Чарльтон, — будь сеньора Эстравадос жива, она получила бы равную со всеми долю наследства. Но поскольку она умерла, ее доля возвращается в ту часть наследства, которая делится между всеми остальными.

— То есть мне не положено… ничего? — медленно спросила Пилар своим сочным испанским голосом.

— Моя дорогая, — поспешила успокоить ее Лидия, — можешь на нас рассчитывать.

— Ты можешь пожить здесь у Альфреда, правда, Альфред? Мы — ты ведь наша племянница — о тебе позаботимся, это наш долг, — заявил Джордж Ли.

— Мы всегда будем рады принять у себя Пилар, — сказала Хильда.

— Нет, ей полагается ее законная доля. Та, что получила бы Дженнифер, — стоял на своем Гарри.

— Мне действительно пора. До свидания, миссис Ли. Если я вдруг вам понадоблюсь, не стесняйтесь, обращайтесь в любое время, — пробормотал мистер Чарльтон.

И поспешил уйти. Опыт подсказывал ему, что все ингредиенты бурной семейной ссоры налицо.

— Я согласна с Гарри, — громко сказала Лидия, как только дверь за ним закрылась. — Думаю, Пилар имеет право на некую долю. Завещание было составлено много лет назад, задолго до смерти Дженнифер.

— Чушь! — крикнул Джордж. — Я бы назвал это ущербной и даже порочной логикой, Лидия. Закон есть закон. И мы должны ему следовать.

— Что и говорить, Пилар не повезло, и мы все искренне ей сочувствуем, но Джордж прав. Как он сказал, закон есть закон, — поддержала мужа Магдалена.

Лидия встала с места и взяла Пилар за руку.

— Мой дорогая, я понимаю, тебе сейчас крайне неприятно. Но не могла бы ты выйти на пару минут, пока мы не обсудим этот вопрос? — С этими словами она подвела девушку к двери. — Не переживай, Пилар. Я приложу все усилия.

Пилар медленно вышла из комнаты. Закрыв

за ней дверь, Лидия повернулась к присутствующим. На какой-то миг воцарилось молчание, затем все дружно сделали глубокий вдох. В следующую секунду битва уже кипела вовсю.

— Ты всегда был толстокожим скрягой, Джордж! — заявил Гарри.

— По крайней мере, я ни на ком не паразитировал и ни у кого не клянчил денег! — возразил ему брат.

— Не паразитировал? Это еще как сказать! По-моему, ты сидел на шее у отца все эти годы.

— По-моему, ты забываешь, что я занимаю ответственный пост, который требует от меня полной отдачи сил.

— Ага, ответственный пост, который требует полной отдачи сил… Кто бы говорил! — презрительно воскликнул Гарри.

— Как ты смеешь! — взвилась Магдалена.

— Неужели нельзя обсудить все спокойно? — спросила Хильда чуть громче обычного.

Лидия с благодарностью посмотрела в ее сторону.

— Неужели мы должны устраивать весь этот позорный шум из-за денег?! — с неожиданной яростью воскликнул Дэвид.

— О, какие мы, однако, благородные! — проши-

пела на него Магдалена. — Вы же не откажетесь от своей доли, не правда ли? Вам ведь нужны деньги, как и всем остальным. И ваше благородство не более чем поза!

— Вы считаете, я должен от них отказаться? А как же… — произнес Дэвид сдавленным голосом.

— Разумеется, не должен. Но должны ли мы вести себя как дети? Альфред, ты старший в семье, — заявила Хильда.

Тот как будто пробудился от сна.

— Простите? Вы все кричали одновременно. Это сбивает с толку.

— Как только что сказала Хильда, должны ли мы вести себя, как жадные дети? — сказала Лидия. — Давайте все тихо и спокойно обсудим, но только по одному, — быстро добавила она. — Альфред будет говорить первый, потому что он старший. Как ты считаешь, Альфред, как нам поступить с Пилар?

— Конечно же, она должна поселиться у нас, — медленно начал он. — Мы же должны выделить ей содержание. Насколько я понимаю, претендовать на материнскую долю она не может, таких прав у нее нет. В конце концов, она не Ли, более того, подданная Испании.

— Согласна, по закону не может, — вмешалась

Лидия. — Но моральное право у нее, безусловно, есть. Насколько я понимаю, твой отец, хотя его дочь и вышла замуж за испанца вопреки его воле, признал ее в качестве законной наследницы наравне с остальными. Джордж, Гарри, и Дэвид, и Дженнифер должны были получить равные доли. Дженнифер умерла лишь в прошлом году. Я уверена, когда твой отец послал за мистером Чарльтоном, он хотел включить в завещание Пилар. Он как минимум решил отдать ей материнскую долю. А возможно, и гораздо больше. Не забывайте, она была его единственной внучкой. И в наших с вами силах исправить несправедливость по отношению к ней, которую намеревался исправить ваш отец. Это самое меньшее, что мы можем для нее сделать.

— Отлично сказано, Лидия, — с теплотой в голосе произнес Альфред. — Я был не прав. Я согласен с тобой, что Пилар должна получить долю Дженнифер.

— Твоя очередь, Гарри, — сказала Лидия деверю.

— Как вы знаете, я согласен. Думаю, Лидия все очень правильно сказала, за что я ею восхищаюсь, — сказал Гарри.

— Джордж? — спросила Лидия.

Тот покраснел как рак.

— Разумеется, нет! — выкрикнул он. — Вы предлагаете немыслимые вещи. Дайте ей крышу над головой и деньги на наряды. С нее этого вполне хватит!

— То есть ты отказываешься пойти нам навстречу? — уточнил Альфред.

— Да, отказываюсь.

— И он совершенно прав, — вмешалась Магдалена. — Предлагать такое — боже, как это некрасиво с вашей стороны! Учитывая, что Джордж — единственный из всей семьи, кто что-то делает в этой жизни. Это просто позор, что ваш отец оставил ему сущие крохи!

— Дэвид? — обратилась к другому брату Лидия.

— Думаю, ты права, — туманно произнес он. — Жаль, что все это вылилось в такой некрасивый скандал.

— Ты совершенно права, Лидия. Так будет только справедливо! — воскликнула Хильда.

Гарри обвел взглядом присутствующих.

— Что ж, по-моему, все ясно. Альфред, Дэвид и я поддерживаем предложение. Джордж против. Наши голоса перевешивают его голос.

— Ни о каком голосовании не может быть и речи! — сердито произнес Джордж. — Моя доля

в наследстве неоспорима и принадлежит только мне одному. Я не расстанусь ни с единым пенсом.

— Правильно, дорогой! — поддакнула Магдалина.

— Не хотите участвовать — не надо, — резко сказала Лидия. — Остальные выделят причитающуюся тебе долю из общей суммы. — Она посмотрела на трех других братьев. Те согласно кивнули.

— Львиная доля досталась Альфреду. Соответственно, пусть он выделит больше других, — сказал Гарри.

— Вижу, от твоего первоначального незаинтересованного предложения вскоре ничего не останется, — парировал Альфред.

— Ради бога, не начинайте снова. Пусть Лидия сообщит Пилар наше решение. Мелкие детали уладим позднее. Кстати, — добавила она в надежде отвлечь их внимание, — а где мистер Фарр и мистер Пуаро?

— Мы высадили Пуаро в деревне по пути на дознание. Он сказал, что ему нужно купить какую-то важную вещь, — сказал Альфред.

— Почему он не присутствовал на дознании? Ему не помешало бы там быть! — удивился Гар-

ри.

— Возможно, он знал, что ничего важного там не произойдет. Кстати, кто это там, в саду, суперинтендант Сагден или мистер Фарр? — спросила Лидия.

Усилия обеих женщин увенчались успехом. Семейный конклав принял решение.

— Спасибо, Хильда, что поддержала меня. С твоей стороны это так благородно. Как хорошо, что ты была с нами в эти трудные дни, — поблагодарила Лидия.

— Странно, почему люди так расстраиваются из-за денег, — задумчиво произнесла Хильда.

Другие уже вышли из комнаты. Две женщины остались одни.

— Да, даже Гарри, хотя ведь он сам это предложил. И мой бедный Альфред, он до мозга костей британец, ему неприятна сама мысль о том, что деньги семейства Ли могут достаться испанке, — сказала Лидия.

— Ты считаешь, что женщины — более тонкие натуры? — с улыбкой спросила Хильда.

— Вряд ли, — Лидия пожала изящными плечами, — просто это не *наши* деньги. Наверное, в этом-то и все дело.

— Странная она какая-то, эта Пилар, — задум-

чиво произнесла Хильда. — Не знаю даже, что с ней станет.

— Я рада, что она будет независима в средствах. Быть в этом доме приживалкой, получать деньги на наряды — вряд ли это ее устроило бы. Она слишком горда для этого, и слишком… не такая, как мы, — вздохнула Лидия и задумчиво продолжила: — Как-то раз я привезла из Египта нитку ожерелья из прекрасной ляпис-лазури. Там, на фоне солнца и песка, она поражала своим цветом, своей теплой, насыщенной голубизной. Когда же я вернулась домой, камень стало не узнать. Он как будто поблек, стал тусклым, невыразительно-синим.

— Понятно, — ответила Хильда.

— Я так рада, что наконец познакомилась с тобой и Дэвидом… Как хорошо, что вы приехали сюда, — мягко сказала Лидия.

Хильда вздохнула.

— В последние дни я часто корила себя за то, что мы это сделали.

— Понимаю. Ты наверняка… Знаешь, Хильда, случившееся могло сказаться на Дэвиде гораздо сильнее. Он ведь такой ранимый и легко мог принять все гораздо ближе к сердцу. Он же после убийства как будто даже воспрянул духом…

— Ты это заметила? — с тревогой в голосе спросила Хильда. — Это даже слегка пугает… Но ты права, Лидия! Так оно и есть.

Она умолкла, вспоминая слова, сказанные мужем буквально накануне. Тогда, откинув со лба непокорную прядь светлых волос, он сказал ей:

— Хильда, ты помнишь как в «Тоске», когда Скарпия мертв и Тоска зажигает у его головы и ног свечи? Ты помнишь, что она говорит? «Теперь я его прощаю». То же самое чувствую и я — по отношению к отцу. Теперь мне понятно, что все эти годы я был не в состоянии его простить, хотя всем сердцем желал этого. И вот теперь все позади. Все обиды остались в прошлом. У меня такое чувство, будто я сбросил с плеч тяжелую ношу.

Тогда она спросила у него, охваченная внезапным страхом:

— Это потому, что он мертв?

Дэвид ответил не колеблясь, даже слегка заикался от желания высказаться:

— Нет-нет! Ты неправильно меня поняла. Не потому, что мертв *он*, а потому, что мертва моя глупая, ребяческая ненависть к нему.

Теперь Хильда подумала об этих словах. Она с радостью повторила бы их женщине, которая сейчас была рядом, но внутренний голос подска-

зывал ей, что лучше этого не делать.

Вслед за Лидией Хильда вышла в холл. Там была Магдалена. Она стояла рядом со столиком с небольшим свертком в руке. Увидев их, женщина вздрогнула.

— Должно быть, это важное приобретение мистера Пуаро. Я видела, как он только что положил сверток на стол. Интересно, что это такое?

Магдалена с легким смешком посмотрела сначала на Лидию, затем на Хильду. Впрочем, глаза ее оставались серьезны. Их беспокойный взгляд резко контрастировал с напускной веселостью ее слов. Лидия вопросительно посмотрела на нее.

— Пожалуй, я пойду к себе. Хотелось бы умыться перед ланчем.

— Ой, можно я взгляну хотя бы одним глазком? — спросила Магдалена с деланым наивным любопытством, хотя в ее голосе слышались отчаянные нотки.

С этими словами она развернула коричневую оберточную бумагу. С губ ее тотчас слетел удивленный возглас, и она растерянно уставилась на предмет в своей руке. Лидия и Хильда тоже остановились, чтобы взглянуть, что это такое.

— Это… это накладные усы, — пролепетала Магдалена. — Но… зачем они ему?

— Чтобы изменить внешность? — задумчиво предположила Хильда. — Но…

— У мистера Пуаро уже есть свои усы, причем пышные, — закончила ее мысль Лидия.

Магдалена поспешила завернуть усы в бумагу.

— Ничего не понимаю. Это… безумие. Зачем только мистеру Пуаро понадобились накладные усы?

Глава 2

Выйдя из гостиной, Пилар медленно пошла по коридору. В садовую дверь ей навстречу шагнул Стивен Фарр.

— И как? Закончился семейный конклав? Завещание огласили?

— Мне ничего не досталось! — выпалила Пилар. — Это завещание было составлено много лет назад. Дед оставил деньги моей матери, но поскольку та умерла, ее доля переходит не мне, а остальным.

— Довольно жесткое условие, — заметил Стивен.

— Останься старик жив, он наверняка составил бы новое завещание. Он завещал бы деньги мне. Большие деньги! Возможно, со временем даже все! — воскликнула Пилар.

— Согласись, это тоже было бы не слишком справедливо, — с улыбкой заметил Стивен.

— Это почему же? Он ведь наверняка любил меня больше всех остальных.

— Ты жадный ребенок, вот ты кто. Маленькая золотоискательница, — пошутил Стивен.

— Мир жесток к женщинам, — холодно возра-

зила Пилар. — Пока они молоды, они вынуждены делать ради себя все, что в их силах. Когда же они стары и уродливы, им никто не поможет.

— В принципе, ты права, — медленно согласился Стивен. — Но не совсем. Например, Альфред Ли искренне любил отца, хотя тот был в высшей степени несправедлив к нему.

Пилар надменно вскинула подбородок.

— Альфред — дурак! — презрительно заявила она.

Стивен рассмеялся.

— Не переживай, моя милая Пилар. Ты же знаешь, эти Ли не оставят тебя без гроша за душой.

— Лично я не нахожу в этом ничего смешного, — ответила испанка довольно угрюмо.

— Я так и подумал, — согласился Стивен. — Не представляю тебя живущей здесь. Скажи, не хотела бы ты уехать в Южную Африку?

Пилар кивнула.

— Там солнце, там простор… А также упорный труд. Скажи, Пилар, ты не боишься труда? — спросил Стивен.

— Я не знаю, — неуверенно ответила та.

— Или ты предпочла бы весь свой век сидеть на балконе и есть сласти? Чтобы с годами растолстеть и отрастить себе тройной подборо-

док? — спросил Фарр.

Пилар рассмеялась.

— Вот видишь. Тебе уже лучше. Я рассмешил тебя, — сказал Стивен.

— Я думала, что буду смеяться все Рождество. В книгах, которые я читала, Рождество обычно бывало очень веселым. Все хватают из огня изюм, на стол подают пылающий пудинг и еще какое-то святочное бревно, — сказала Пилар.

— Верно, но такое Рождество не предполагает никакого убийства. Кстати, зайди сюда на минутку. Лидия пригласила меня сюда вчера. Это ее кладовая…

Пилар шагнула в небольшую комнату размером чуть больше шкафа.

— Ты только взгляни! — с этими словами Стивен подвел ее к ящикам и коробкам с хлопушками, фруктами, апельсинами, финиками и орехами. — А вот здесь…

— Ой! — Пилар даже хлопнула в ладоши. — Какие они красивые, эти золотые и серебряные шары!

— Они должны были висеть на елке, вместе с подарками для слуг. А вот маленькие снеговики, сверкающие инеем. Их место — на обеденном столе. А еще надувные шары всех цветов! Ждут,

когда их надуют…

У Пилар зажглись глаза.

— Ой, можно мы надуем один? Думаю, Лидия будет не против. Я обожаю шары!

— Давай. Какой бы ты хотела? — спросил Стивен.

— Хочу красный! — ответила девушка.

Выбрав себе по шару, они принялись их надувать. Пилар остановилась, чтобы рассмеяться, и ее шар снова сдулся.

— Ты так смешно надуваешь щеки! — сказала она, заливаясь смехом, после чего вновь взялась старательно надувать свой шар. Затем они осторожно завязали свои шары и принялись играть ими, легкими шлепками посылая их друг другу.

— Давай перейдем в холл, там больше места, — предложила Пилар.

Они, смеясь, перебрасывались шарами, когда в холл шагнул Пуаро.

— Играем в детские игры? Хорошая идея! — сказал он, с одобрением на них глядя.

— Мой шарик — красный! — запыхавшись, пояснила Пилар. — И он больше, гораздо больше. Если его вынести на улицу, он тотчас же улетит в небо!

— Тогда давай выпустим в небо каждый свой и

загадаем желание, — предложил Стивен.

— Замечательная идея.

Пилар побежала к садовой двери, Стивен — за ней следом. Пуаро с улыбкой последовал за ними,

— Я загадаю большие деньги, — заявила Пилар.

Держа шар за веревочку, она стала на цыпочки. Стоило подуть ветру, как веревка натянулась. Пилар отпустила ее, и шар, увлекаемый ветром, поплыл прочь. Стивен рассмеялся.

— Желания не загадывают вслух.

— Нет? Это почему же?

— Потому что тогда оно не сбудется. Теперь моя очередь, — сказал Стивен и отпустил свой шар. Увы, ему повезло меньше. Шар отнесло в сторону, где он зацепился за куст остролиста и с громким хлопком лопнул. Пилар бросилась к нему.

— Он лопнул! — трагическим тоном объявила она. Затем, подцепив носком туфли сморщенный кусочек резины, добавила: — Точно такой же я подняла в спальне у дедушки. Значит, у него тоже был шар. Только розовый.

Пуаро невольно вскрикнул. Пилар вопросительно обернулась в его сторону.

— Ничего страшного. Просто я ушиб большой

палец, — сказал сыщик, затем развернулся на пятках и посмотрел на дом. — Сколько же здесь окон! Дом, мадемуазель, имеет глаза и уши. Воистину можно пожалеть о том, что англичане так любят открытые окна.

На террасу вышла Лидия.

— Ланч подан, — сказала она. — Пилар, дорогая моя, мы обо всем договорились. Альфред введет тебя в курс дела после ланча. Прошу всех к столу.

Все четверо вошли в дом, Пуаро — последним. Вид у него был хмурый.

Глава 3

Ланч завершился. Все поднялись из-за стола.

— Ты не зайдешь ко мне в комнату? Я бы хотел обсудить с тобой кое-какие вещи, — сказал Альфред, обращаясь к Пилар, когда они вышли из столовой.

С этими словами он повел ее в свой кабинет и закрыл за ними дверь. Остальные перешли в гостиную. В холле остался стоять лишь Эркюль Пуаро, задумчиво глядя на закрытую дверь кабинета. Внезапно он почувствовал, что рядом, переминаясь с ноги на ногу, стоит старый дворецкий.

— Слушаю вас, Трессильян. В чем дело? — спросил он.

Старик был явно чем-то обеспокоен.

— Я хотел поговорить с мистером Ли. Но не хочу ему мешать.

— Что-то случилось? — удивился сыщик.

— Такая странная вещь, что я даже не знаю, что и думать, — медленно ответил Трессильян.

— Говорите! — велел ему Пуаро.

Было видно, что дворецкий колеблется.

— Видите ли, сэр… Вы наверняка заметили, что

снаружи, с обеих сторон входной двери лежит по пушечному ядру. Это такие тяжелые каменные ядра… Так вот, сэр, *одно из них исчезло*.

Эркюль Пуаро недоуменно выгнул бровь.

— И с каких это пор?

— Утром, сэр, их было два. Могу поклясться, если необходимо.

— Хотелось бы взглянуть.

Они вдвоем вышли на улицу. Пуаро наклонился и осмотрел оставшееся ядро. Когда он выпрямился, лицо его было хмурым.

— Ну кому могло понадобиться ядро? — причитал Трессильян. — Ничего не понимаю. Полная бессмыслица.

— Что-то мне это не нравится, — произнес маленький бельгиец. — Совсем не нравится.

Трессильян обеспокоенно посмотрел на него.

— Что случилось с этим домом, сэр? С тех пор, как убили хозяина, дом стало не узнать, — медленно произнес он. — У меня такое чувство, будто я обитаю в дурном сне. Я вечно что-то путаю. Порой не доверяю собственным глазам…

Пуаро покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Вы должны доверять собственным глазам.

Теперь головой покачал Трессильян.

— У меня слабое зрение. Не то, что когда-то. Я путаю вещи, и даже людей. Наверное, я уже стар для моей работы.

— Не падайте духом, — сказал Пуаро, похлопав его по плечу.

— Спасибо, сэр. Вы говорите это по доброте душевной. Но я-то знаю: я слишком стар. Я вечно вспоминаю былые дни и былые лица. Мисс Дженни, мистера Дэвида, мистера Альфреда. Для меня они всегда остаются молодыми. Но с того вечера, когда мистер Гарри вернулся домой…

Пуаро кивнул.

— Я так и подумал. Вы только что сказали: «С тех пор, как убили хозяина». Но все началось раньше. *С того момента, как мистер Гарри вернулся домой*. Именно тогда все стало для вас как будто во сне, не так ли?

— Совершенно верно, сэр, — ответил старый дворецкий. — Именно с того момента. Мистер Гарри вечно приносил в дом неприятности, даже в старые дни.

Взгляд Трессильяна скользнул к пустому постаменту.

— Кто мог его взять, сэр? — шепнул он. — И зачем? Это какой-то… сумасшедший дом.

— Боюсь, это не сумасшествие, а наоборот,

здравый рассудок. Кому-то, Трессильян, грозит опасность, и немалая, — сказал Пуаро.

С этими словами он повернулся и вошел в дом. В этот же момент из кабинета вышла Пилар. На щеках у нее пылали красные пятна. Но голову она держала гордо, глаза ее сверкали.

— Я этого не возьму! — заявила она, топнув ногой, как только Пуаро подошел к ней.

Сыщик удивленно выгнул бровь.

— И чего же вы не возьмете, мадемуазель? — поинтересовался он.

— Альфред только что сказал мне, что я получу долю моей матери из тех денег, что оставил дедушка, — сказала Пилар.

— И?..

— Я не могу получить ее по закону, сказал он. Но он и Лидия, а также другие считают, что она по праву принадлежит мне. По их словам, так будет справедливо. И они отдадут ее мне.

— И?.. — снова уточнил Пуаро.

Пилар раздраженно топнула ногой — во второй раз.

— Ну как вы не понимаете? Они отдают ее мне. Отдают.

— И это задевает вашу гордость? Они правы, говоря, что эти деньги ваши, и пытаются вос-

становить справедливость. Не вижу причин обижаться.

— Вы не понимаете! — заявила Пилар.

— Наоборот, я все прекрасно понимаю, — возразил Пуаро.

— О! — Она капризно отвернулась от него.

В следующий момент в дверь позвонили. Сыщик оглянулся через плечо. На улице маячил силуэт суперинтенданта Сагдена.

— Вы куда? — торопливо спросил Пуаро у Пилар.

— В гостиную, к остальным, — оскорбленным тоном ответила она.

— Хорошо, оставайтесь с ними, — быстро сказал бельгиец. — Не ходите по дому одна, особенно в темноте. Будьте настороже. Вы, мадемуазель, в большой опасности. Такой опасности, как сегодня, в вашей жизни больше не будет.

С этими словами он повернулся и направился к Сагдену. Тот дождался, пока Трессильян не уйдет в буфетную, и лишь тогда сунул Пуаро под нос телеграмму.

— Теперь мы имеем вот это! — воскликнул он. — Прочтите. Это из Южной Африки, от местной полиции!

«Единственный сын Эбенезера Фарра умер два

года назад», — говорилось в телеграмме.

— Теперь все встало на свои места. Даже смешно, что до сих пор я шел по абсолютно ложному следу, — произнес Сагден.

Глава 4

Пилар вошла в гостиную с гордо поднятой головой и направилась прямиком к Лидии. Та сидела возле окна и вязала.

— Лидия, я пришла сказать, что не возьму этих денег. Я уезжаю… прямо сейчас, — объявила она.

Лидия растерянно посмотрела на нее и отложила вязание.

— Мое дорогое дитя, — сказала она. — Наверное, Альфред плохо тебе объяснил… Благотворительность здесь ни при чем, если тебе так кажется. Это не вопрос доброты и щедрости с нашей стороны. Это вопрос справедливости и несправедливости. Будь твоя мать жива, она бы унаследовала эти деньги, которые затем перешли бы к тебе. Они твои по праву — по праву крови. Так что это никакая не благотворительность, а справедливость.

— Именно потому я от них и отказываюсь. Тем более после этих ваших слов. После того, что вы мне сейчас сказали! Мне здесь так нравилось, здесь было так весело… Это было приключение, а теперь вы всё это испортили! — с жаром воскликнула Пилар. — Я уезжаю, и вы больше обо мне не услышите… — Голос ее дрогнул. Она повернулась

и выбежала из комнаты.

Лидия растерянно посмотрела ей вслед.

— Я даже не представляла себе, что она это так воспримет, — сказала она.

— Похоже, она сильно расстроилась, — заметила Хильда.

Джордж многозначительно прочистил горло.

— Э-э-э… как я заметил сегодня утром, принцип, которому вы следовали, совершенно неверен. Пилар хватило ума увидеть это самой. Она сочла для себя унизительным быть обласканной вашей благотворительностью.

— Это не благотворительность! — резко возразила ему Лидия. — Это ее право!

— Но ведь она так не думает, — возразил Джордж.

В следующий момент в гостиную шагнули суперинтендант Сагден и Эркюль Пуаро. Полицейский обвел глазами присутствующих и спросил:

— Где мистер Фарр? Я хотел бы поговорить с ним.

Но прежде чем кто-то успел ответить, Эркюль Пуаро задал новый вопрос:

— Где сеньорита Эстравадос?

— Пошла собирать вещи, — не скрывая своего

злорадства, ответил Джордж Ли. — Похоже, английские родственники ей надоели.

Пуаро резко развернулся.

— Пойдемте, — сказал он Сагдену.

Не успели они выйти в холл, как сверху донесся тяжелый удар, а за ним — приглушенный крик.

— Быстро за мной! — крикнул Пуаро.

Они бросились по коридору к дальней лестнице. Дверь в комнату Пилар была открыта. В дверях стоял мужчина. Как только они подбежали ближе, он повернул голову. Это был Стивен Фарр.

— Она жива, — произнес он.

Пилар стояла, прижавшись к стене, и с ужасом смотрела на пол, где лежало тяжелое каменное ядро.

— Кто-то положил его на дверь. Оно наверняка упало бы мне на голову, но когда я входила, то зацепилась юбкой за гвоздь, и меня дернуло назад, — задыхаясь, пояснила она.

Пуаро опустился на одно колено и осмотрел гвоздь. На нем виднелась фиолетовая шерстяная нитка. Сыщик поднял глаза и серьезно кивнул.

— Этот гвоздь, мадемуазель, спас вам жизнь, — сказал он.

— Послушайте, что здесь у вас происходит? — недоуменно воскликнул Сагден.

— Кто-то пытался меня убить! — выкрикнула Пилар и несколько раз кивнула.

Суперинтендант посмотрел на дверь.

— Ловушка, — произнес он. — Старомодная ловушка с целью убить человека. Это уже второе покушение на убийство в этом доме. С той разницей, что на этот раз план убийцы не сработал. Слава богу, вы живы, — глухо произнес полицейский.

Пилар в умоляющем жесте раскинула руки.

— *Madre de Dios!*[28] — вскричала она. — Ну почему кто-то пытался меня убить? Что такого я сделала?

— Лучше, мадемуазель, задайте себе другой вопрос: «*Что такого я знаю?*» — медленно произнес Пуаро.

— Знаю? — растерялась девушка. — Но ведь я ничего не знаю.

— Вот здесь-то вы и ошибаетесь. Признайтесь мне, мадемуазель Пилар, где вы находились в момент убийства? Вас ведь не было в этой комнате, — произнес Пуаро.

— Неправда, была. Я ведь вам говорила!

— Верно, говорили, — согласился суперин-

---

[28] Примечания: 28
Матерь Божья! (*исп.*)

тендант Сагден с обманчивым сочувствием в голосе. — Но, говоря это, вы сказали неправду. По вашим словам, вы слышали крик вашего деда, хотя, будучи в вашей комнате, вы никак не могли его слышать. Мы с мистером Пуаро вчера провели эксперимент на этот счет.

— О! — вырвалось у Пилар.

— Вы находились где-то ближе к его комнате. Я даже могу предположить, где именно, мадемуазель. Вы спрятались в нише со статуями, рядом с дверью в комнату вашего деда, — сказал Пуаро.

— Как вы узнали? — испуганно спросила Пилар.

— Мистер Фарр видел вас там, — ответил бельгиец с легкой улыбкой.

— Неправда, это совершенная ложь! — воскликнул Стивен.

— Прошу прощения, мистер Фарр, но вы действительно ее видели. Вспомните ваше впечатление, что в нише было *три* статуи, а не *две*. Единственная, на ком вчера было белое платье, это мадемуазель Эстравадос. Она и была третьей фигурой, которую вы увидели в нише. Ведь это так, мадемуазель? — спросил Пуаро.

— Да, это так, — ответила Пилар, помешкав пару секунд.

— А теперь скажите нам правду, мадемуазель, — вкрадчиво произнес Пуаро. — Почему вы там стояли?

— После ужина я вышла из гостиной и решила подняться наверх и проведать дедушку. Я подумала, что ему это будет приятно. Но, свернув в коридор, я увидела, что рядом с его дверью уже кто-то стоит. Я не хотела, чтобы меня заметили. Ведь дедушка сказал, что в тот вечер он больше не хочет никого видеть. Поэтому я шмыгнула в нишу, на тот случай, если человек возле двери обернется, — пояснила Пилар. — В следующий момент послышался страшный грохот, как будто в его комнате все рушилось и падало… столы, стулья… — Она взмахнула руками. — Я стояла, боясь пошелохнуться. Не знаю, почему, но я испугалась. Потом раздался этот ужасный крик… — Пилар перекрестилась. — У меня даже екнуло сердце, и я сказала себе: «*Кто-то умер*».

— И тогда?..

— И тогда послышался топот ног. Это все бежали по коридору. Я вышла из моего укрытия и присоединилась к ним.

— Почему вы ничего не сказали об этом, когда мы допрашивали вас? Почему промолчали? — строго спросил суперинтендант Сагден.

Пилар покачала головой.

— Полиции лучше не говорить слишком много, — мудро рассудила она. — Видите ли, я подумала, что, скажи я вам, что была рядом, вы решили бы, что его убила я. И я сказала, что была у себя в комнате.

— Если намеренно говорите ложь, вы автоматически попадаете под подозрение, — резко произнес Сагден.

— Пилар? — спросил Стивен.

— Да?

— Скажи нам, *кто стоял рядом с дверью, когда ты свернула в коридор*?

— Да, скажите нам, — поддержал Фарра Сагден.

Было видно, что Пилар колеблется. Сначала она широко открыла глаза, затем прищурилась.

— Я не знаю, кто это был. Там было темно. Но это точно была *женщина*, — медленно сказала она.

Глава 5

Суперинтендант Сагден обвел взглядом лица присутствующих.

— Это довольно неожиданно, мистер Пуаро, — произнес он с видимым раздражением, чего раньше за ним не замечалось.

— У меня есть соображение на этот счет, — откликнулся тот, — которым я хотел бы поделиться с вами. После чего я приглашу всех к сотрудничеству, и тогда мы наверняка узнаем правду.

— Дешевый фокус, — пробормотал Сагден и откинулся на спинку стула.

— Кстати, мне казалось, что у вас были вопросы к мистеру Фарру, — напомнил ему Пуаро.

— Я предпочел бы задать их без свидетелей, — процедил сквозь зубы суперинтендант. — Тем не менее я не возражаю. — С этими словами он протянул Стивену телеграмму. — Ну а теперь, мистер Фарр, или как вы себя называете, будьте добры объяснить вот это.

Стивен Фарр взял у Сагдена телеграмму. Его брови тотчас поползли вверх. Он медленно зачитал ее вслух, после чего с кивком вернул Сагдену.

— Что ж, — сказал он, — на первый взгляд, се-

рьезная улика, не так ли?

— И это все, что вы можете нам сказать? Вы ведь знаете, что от вас не требуется делать никаких заявлений… — произнес Сагден.

— Вам нет необходимости предупреждать меня, суперинтендант! — перебил его Фарр. — Я вижу, что кое-что готово вот-вот сорваться с вашего языка. Хорошо, я дам вам объяснение. Оно не слишком хорошее, но зато правда. Да, я не сын Эбенезера Фарра, — начал свой рассказ Стивен, немного помолчав. — Но я хорошо знал их обоих — и отца, и сына. А теперь попробуйте встать на мое место. Кстати, мое подлинное имя Стивен Грант. Я приехал в эту страну впервые в жизни. Я был разочарован. Все вокруг меня было серым и неживым. Затем одним дождливым днем я сел в поезд и увидел девушку. Признаюсь сразу, она понравилась мне с первого взгляда. Столь красивого и удивительного создания я еще ни разу не встречал. В поезде мы с ней поговорили, и я дал себе слово, что не выпущу ее из вида. Я уже выходил из купе, когда мой взгляд упал на ее чемодан. Ее имя мне ничего не говорило — в отличие от адреса на ее чемодане. Я был наслышан про Горстон-холл и знал многое о его владельце, бывшем партнере Эбенезера Фарра. Старина Эйб

частенько рассказывал о нем, о том, что это за человек.

И мне в голову пришла мысль: а не поехать ли мне в Горстон-холл и не выдать себя за сына Эйба? Как верно сказано в телеграмме, тот умер два года назад, но я вспомнил, что старина Эйб говорил, что вот уже много лет не получал от Симеона Ли никаких известий. И потому рассудил, что старый Ли вряд ли в курсе событий. В любом случае почему бы не рискнуть?

— Однако рискнули вы не сразу, — сказал Сагден. — В течение двух дней вы обитали в Эддлсфилде, в гостинице «Королевский герб».

— Я колебался, взвешивал все «за» и «против». И в конечном итоге решился. Подумал, что небольшое приключение мне не повредит. И действительно, все получилось как в сказке! Старик тепло принял меня и тотчас же потребовал, чтобы я переселился к нему в дом. Я принял его приглашение. Вот и все мое объяснение, суперинтендант Сагден. Если оно вам не нравится, то советую вам вспомнить молодость. Вдруг окажется, что и на вашем счету есть безрассудные поступки. Что касается моего настоящего имени, то я уже сказал, что меня зовут Стивен Грант. Можете послать телеграмму в Южную Африку и

сделать новый запрос. Но заранее скажу: в ответ вам напишут, что я добропорядочный, законопослушный гражданин. Я не мошенник и не похититель алмазов, — произнес Стивен.

— Я так никогда и не думал, — пробормотал Пуаро.

Суперинтендант Сагден задумчиво почесал подбородок.

— Я должен проверить эту историю. В частности, хотелось бы знать, почему после убийства вы не признались во всем, а, наоборот, пытались подсунуть нам откровенную ложь?

— Потому что я был дурак, — сказал Стивен и улыбнулся обезоруживающей улыбкой. — Я подумал, что вам никогда не поймать меня на лжи. Ведь стоит мне признаться, что я здесь под вымышленным именем, как я тотчас навлеку на себя подозрения. Не будь я круглым дураком, я сразу сообразил бы, что вы наверняка пошлете запрос в Йоханнесбург.

— Мистер Фарр, то есть Грант, я не говорю, что не верю вам. Я лишь сказал, что ваша история требует проверки, что и будет сделано, — уточнил Сагден и вопросительно посмотрел на Пуаро.

— Мне кажется, мисс Эстравадос что-то хочет нам сказать, — произнес тот.

Пилар сделалась белой как мел.

— Верно, — сказала она еле слышно. — Я бы никогда вам этого не сказала, если б не Лидия и не деньги. Приехать сюда, притворяться, обманывать, играть роль — это одно. Это было весело. Но когда Лидия сказала, что деньги по праву принадлежат мне и что это вопрос справедливости, все тотчас стало иначе. Игры закончились.

— Дорогая моя, о чем ты? Я ничего не понимаю, — растерянно произнес Альфред.

— Вы думаете, я ваша племянница Пилар Эстравадос? А вот и нет! Пилар погибла, когда мы ехали с ней по Испании. В нашу машину попала бомба, и Пилар погибла. Я же не получила даже царапинки. Я не слишком хорошо ее знала, но она рассказала мне все о себе, про то, как дед пригласил ее приехать в Англию, и что он очень богат. У меня же вообще не было ни гроша, и я не знала, куда мне податься и чем заняться. И вдруг меня осенило. Почему бы мне не позаимствовать паспорт Пилар и не отправиться в Англию, где я стану богатой? — сказала девушка.

Внезапно ее лицо осветилось счастливой улыбкой.

— Мне было жутко интересно, получится у меня это или нет. Наши лица на фото довольно

похожи. Но когда у меня здесь попросили мой паспорт, я нарочно открыла окно и выбросила его в сад. Затем сбежала вниз и немного потерла фото землей. Хотя на паспортном контроле на границе не стали приглядываться к снимку, здесь вполне могли это сделать…

— Вы хотите сказать, что выдали себя моему отцу за его внучку и сыграли на его теплых чувствах к вам? — гневно спросил Альфред.

Пилар кивнула.

— Да, я сразу поняла, что могу легко расположить старика к себе, — невинным тоном произнесла она.

— Возмутительно! — взорвался Джордж. — Преступно! Наглая попытка втереться в доверие в расчете получить чужие деньги!..

— От тебя она не получила и гроша, приятель! — перебил его Гарри Ли. — Пилар, я на твоей стороне. Я восхищен твоей дерзостью. И, слава богу, я больше тебе не дядя. Что развязывает мне руки.

— Так вы знали? Когда вы это поняли? — спросила Пилар у Пуаро. Тот улыбнулся.

— Мадемуазель, если б вы изучали законы Менделя, вы знали бы, что у голубоглазых родителей практически никогда не родится ребенок

с карими глазами. Ваша мать, я уверен, была порядочной, благонравной женщиной. Из чего следует, что вы никакая не Пилар Эстравадос. Когда же вы устроили этот трюк с паспортом, мои последние сомнения рассеялись. Вы, конечно, изобретательны, но в данном случае изобретательности вам не хватило.

— Здесь многим недостает изобретательности, — неприятным тоном произнес Сагден.

Пилар недоуменно посмотрела на него.

— Не понимаю, о чем вы, — сказала она.

— Вы рассказали нам вашу историю, но я уверен, что умолчали вы о большем, — сказал суперинтендант.

— Оставьте ее в покое! — крикнул Стивен.

Сагден оставил его слова без внимания и продолжил:

— Вы сказали нам, что после ужина поднялись в комнату к вашему деду. С вашей стороны это якобы был сердечный порыв. Посмею предположить нечто иное. Алмазы украли вы. Вы держали их в руках. В какой-то момент вы не положили их назад в сейф, и старик не заметил, как вы это сделали. Когда же пропажа выяснилась, он сразу понял, что взять их могли лишь двое. Один из них — Хорбери. Он вполне мог подглядеть

код и ночью прокрасться в комнату и выкрасть алмазы. Второй человек — это *вы*. Мистер Ли тотчас же принял меры. Он позвонил мне и срочно вызвал меня к себе. После чего попросил вас прийти к нему сразу после ужина. Вы выполнили его просьбу, и он обвинил вас в краже. Вы все отрицали, и тогда он вам пригрозил. Я не знаю, что произошло потом. Возможно, он понял, что вы никакая ему не внучка, а хитрая профессиональная воровка. Как бы там ни было, игра была закончена, вам светило разоблачение. Вы набросились на него с ножом. Завязалась борьба, он вскрикнул. Вам пришлось уносить ноги. Вы выбежали из комнаты, повернули снаружи в замке ключ и, поняв, что вам уже никуда не скрыться, так как снизу уже доносился топот ног, юркнули в нишу и встали рядом со статуями.

— Неправда! Неправда! — выкрикнула Пилар. — Я не крала никаких алмазов! Я не убивала его! Клянусь Благословенной Девой Марией!

– *Кто же тогда это сделал*? — резко спросил Сагден. — Вы утверждаете, что видели рядом с дверью мистера Ли чью-то фигуру. Если верить вашей истории, *это, очевидно, был убийца. Никто* не проходил мимо ниши! Мы вынуждены верить *вам на слово*. Вероятней всего, возле дверей *не*

было никакой фигуры. Иными словами, вы все это *придумали*, чтобы отвести от себя вину.

— Разумеется, это она! — поддакнул Джордж Ли. — Это ясно как божий день. Я всегда говорил: отца убил кто-то посторонний. Какая глупость — предполагать, что на такую гнусность способен кто-то из членов семьи. Это… это было бы противоестественно!

Пуаро поерзал на стуле.

— Позволю себе не согласиться, — возразил он. — Учитывая характер Симеона Ли, это как раз было бы вполне естественно.

— Что? — растерялся Джордж и, разинув рот, посмотрел на Пуаро.

Тот невозмутимо продолжал:

— И, по моему убеждению, именно это и произошло. Симеон Ли пал от рук своей же плоти и крови, причем убийца наверняка имел вескую причину лишить старика жизни.

— Один из нас? — воскликнул Джордж. — Я отрицаю…

— Обвинение можно предъявить любому в этой комнате. — Голос Пуаро зазвенел сталью. — Кстати, мистер Джордж Ли, почему бы не начать именно с вас? Вы ведь не любили отца! Безусловно, ради денег вы поддерживали с ним

отношения, но не более того. В день его смерти он грозился *урезать вам содержание*. Вы знали, что после его смерти унаследуете весьма внушительную сумму. Чем не мотив? После ужина вы пошли, как утверждаете, сделать телефонный звонок. Что ж, вы действительно его сделали, но он продолжался всего *пять минут*! После этого вы могли легко подняться к отцу в комнату, побеседовать с ним пару минут, после чего наброситься на него и убить. Затем вы вышли из комнаты и повернули снаружи ключ, в надежде, что все эти действия припишут грабителю. В панике вы забыли, в подтверждение своей версии об ограблении, настежь открыть окно. Что было величайшей глупостью. Впрочем, коль об этом зашла речь, умом вы и так не блещете… С другой стороны, — продолжил Пуаро после короткой паузы, во время которой Джордж безуспешно пытался вставить хотя бы слово, — немало глупцов были преступниками!

Он повернулся к Магдалене.

— У мадам тоже есть мотив. Она, смею предположить, вся в долгах, а тон замечаний, которые позволял себе в ее адрес свекор, наверняка послужил причиной не лучших предположений. Как и у ее супруга, у нее тоже нет алиби. Она отпра-

вилась позвонить, но *не позвонила*. И в итоге мы имеем лишь ее *слова* относительно того, что она делала… А теперь, — Пуаро выдержал очередную паузу, — перейдем к мистеру Дэвиду Ли. Как мы слышали, причем не раз, по причине старых обид он не питал к отцу теплых чувств, скорее наоборот. Мистер Дэвид Ли не мог простить отцу, как тот обращался с его матерью. Чашу его терпения переполнили язвительные слова в адрес покойной. Согласно свидетельским показаниям, в момент убийства мистер Дэвид Ли играл в салоне на пианино. По странному совпадению, это был «Похоронный марш». Но, предположим, что «Похоронный марш» играл *кто-то другой*, кто знал, что он намерен сделать, и кто оправдывал его действия.

— Это возмутительное предположение, — тихо сказала Хильда Ли.

Пуаро повернулся к ней.

— Мадам, я готов предложить вам другое. Убийство — дело ваших рук. Это вы прокрались наверх, чтобы покарать того, кто в ваших глазах был недостоин человеческого прощения. Вы из той породы людей, мадам, которые страшны в гневе…

— Я его не убивала! — заявила Хильда.

— Мистер Пуаро прав, — резко сказал суперинтендант Сагден. — Обвинение можно выдвинуть против любого из здесь присутствующих, за исключением мистера Альфреда Ли, мистера Гарри Ли и миссис Альфред Ли.

— Я бы не стал исключать даже их, — мягко сказал маленький бельгиец.

— Да будет вам, мистер Пуаро, — слабо запротестовал суперинтендант.

— И какое же обвинение вы можете выдвинуть против меня, мистер Пуаро? — спросила Лидия Ли. Она произнесла эти слова с улыбкой, иронично выгнув брови.

Сыщик отвесил поклон.

— Ваш мотив, мадам, я опущу, — сказал он. — Ибо он очевиден. Теперь что касается всего остального. Вчера вечером на вас было платье из тафты с броским цветочным рисунком и пелерина. Хочу напомнить тот факт, что ваш дворецкий, Трессильян, близорук. Предметы, что находятся в удалении, кажутся ему смутными, как бы размытыми. Я также обращу ваше внимание на то, что ваша гостиная велика, а источником света в ней служат лампы с абажурами. В тот вечер за минуту или две до того, как раздался крик, Трессильян вошел в гостиную, чтобы забрать

кофейные чашки. Как ему *показалось*, он увидел вашу фигуру в любимом вашем месте — у дальнего окна, полускрытую тяжелыми шторами.

— Он видел меня, — призналась Лидия.

— Я же смею предположить, что на самом деле *Трессильян видел пелерину вашего платья*, наброшенную на подоконник так, чтобы могло показаться, что рядом со шторой стоите вы сами, — продолжал Пуаро.

— Я стояла там, — сказала Лидия.

— Прекратите ваши гнусные инсинуации! — возмутился Альфред.

— Пусть говорит дальше, — перебил его Гарри. — Теперь наша очередь. Как, по-вашему, наш дорогой Альфред убил своего бесценного отца, если в этот момент мы с ним вместе находились в столовой?

Пуаро улыбнулся ему.

— О, это очень просто. Алиби приобретает дополнительную силу, если оно дается вынужденно, с неохотой. Вы и ваш брат не переносите друг друга. Это общеизвестный факт. Вы в присутствии посторонних делаете в его адрес язвительные выпады. У него, в свою очередь, нет ни единого доброго слова для вас. Но *что, если это всего лишь часть очень хитрого сговора*? Что,

если мистер Альфред устал быть мальчиком на побегушках у капризного отца? Что, если какое-то время назад у вас состоялась встреча? Ваш план готов. Вы возвращаетесь домой. Альфред делает вид, что возмущен, и всячески демонстрирует свое нерасположение к вам. Вы же не скрываете своего презрения к нему. Наконец наступает вечер тщательно спланированного вами убийства. Один из вас остается в столовой, разговаривает и даже громко ссорится, чтобы со стороны могло показаться, будто в комнате двое. *Другой тем временем идет наверх и совершает преступление.*

Альфред вскочил на ноги.

— Вы — дьявол! — крикнул он, но его голос тотчас оборвался.

Сагден в упор посмотрел на Пуаро.

— Вы действительно считаете?.. — начал было он.

— Я всего лишь продемонстрировал возможные вероятности, — произнес Пуаро с внезапной серьезностью. — То, что *могло* произойти. Которая же из них имела место в действительности, мы сможем сказать, лишь перейдя от внешних иллюзий к внутренней реальности… — Пуаро на минуту умолк, а потом медленно добавил: — Мы должны вернуться, как я уже говорил, к характе-

ру покойного Симеона Ли.

Глава 6

На минуту воцарилось молчание. Возмущенные голоса смолкли. Все, словно заколдованные, уставились на Пуаро. Выдержав аудиторию под действием своих чар, он заговорил снова.

— Да-да, дело исключительно в нем. Покойный — это фокус, сердцевина нашей загадки. Мы должны проникнуть в самые глубины сердца и разума Симеона Ли и посмотреть, что мы там найдем. Ибо человек не живет и не умирает в полном одиночестве. То, что у него имеется, он передает тем, кому жить после него.

Что же мог завещать Симеон Ли своим сыновьям и дочери? Во-первых, гордость. Причем гордость, уязвленная разочарованием старика в собственных детях. Затем — такое качество, как терпение. Мы не раз слышали, что Симеон Ли мог терпеливо ждать многие годы, чтобы отомстить своим обидчикам. Причем этот аспект отцовского характера унаследовал тот его сын, который менее всего похож на отца внешне. Дэвид Ли помнил и носил в сердце обиды долгие годы. А вот черты отцовского лица унаследовал только Гарри Ли. Это сходство особенно бросается

в глаза, если внимательно рассмотреть портрет Симеона Ли в молодости. Тот же самый нос с горбинкой, та же резкая линия подбородка, та же гордая посадка головы… Думаю, что Гарри унаследовал и кое-что из отцовских привычек. Например, привычку, смеясь, откидывать голову назад, а также привычку очерчивать пальцем линию подбородка.

Учитывая эти вещи, а также будучи убежден в том, что убийца тесно связан с покойным, я изучил семью с психологической точки зрения. Иными словами, попытался определить, кто из ее членов психологически был предрасположен к убийству. И, на мой взгляд, таковых было всего двое. Это Альфред Ли и супруга Дэвида, Хильда. Дэвида в качестве потенциального убийцы я отмел сразу же. Вряд ли человек столь тонкой, чувствительной натуры нашел бы в себе силы перерезать кому-то горло. Точно так же я отмел Джорджа Ли и его жену. Какими бы ни были их помыслы, они не из тех, кто готов *рисковать*. Оба держались предельно осторожно. Далее, миссис Альфред Ли. Уверен, она не способна на столь кровавое преступление, ибо в ее характере слишком много иронии. Что же касается Гарри Ли, я колебался. С одной стороны, в его характере есть

склонность к грубости. С другой — я был в этом почти уверен, — несмотря на свою склонность ко лжи и мошенничеству, Гарри Ли по натуре человек слабый. Кстати, теперь мне известно, что того же мнения придерживался и его покойный отец. В его глазах Гарри был ничуть не лучше всех остальных. В результате у меня остались лишь те двое, кого я только что упомянул.

Альфред Ли был способен на редкую преданность и долготерпение. Он на долгие годы отрекся от самого себя, повинуясь воле другого человека. В таком положении всегда есть риск не выдержать и сорваться. Не исключаю также, что многие годы он носил в сердце обиду на отца, которая росла с каждым днем, даже если внешне это никак не выражалось. Именно самые кроткие, самые тихие порой способны на самые что ни на есть страшные поступки, ибо стоит чему-то надломиться в их душе, как они уже над собой не властны. Вторая кандидатура на роль потенциального убийцы — это Хильда Ли. Она из тех, кто нередко берет правосудие в свои руки, даже если ими движут благородные мотивы. Такие люди выносят приговоры и сами же исполняют их. Таковы, например, многие персонажи Ветхого Завета — например, Иаиль и Юдифь.

Далее, определившись с подозреваемыми, я изучил обстоятельства самого преступления. Первое, что тотчас же бросается в глаза, это их из ряда вон выходящий характер! Перенесемся мысленно в комнату, где лежало бездыханное тело Симеона Ли. В ней все было вверх дном: тяжелый стол и кресло перевернуты, повсюду осколки разбитых ламп, фарфора и так далее. Но перевернутые кресло и стол поражают больше всего. И то, и другое из массивного красного дерева. Я при всем желании не могу представить себе борьбу между тщедушным стариком и его противником, которая могла бы привести к тому, что в результате была перевернута тяжелая, неподъемная мебель. Вся эта сцена представлялась совершенно *нереальной*. И все же вряд ли кто-то, если он в своем уме, стал бы устраивать этот разгром нарочно, чтобы имитировать следы борьбы. Если только убийца Симеона Ли не был человек сильный и крепкий, однако хотел отвести от себя подозрения и представить дело таким образом, будто убийца — женщина или кто-то слабый.

Однако такая версия была в высшей степени неубедительной, ибо грохот переворачиваемой мебели переполошил всех и убийца вряд ли бы

успел скрыться с места преступления. Так что убийце *было на руку* перерезать Симеону Ли горло как можно *тише*.

Второй удивительный момент — это то, что ключ в замке был повернут снаружи. Опять-таки на первый взгляд этому нет никаких *причин*. Это вряд ли могло навести на мысль о самоубийстве, ибо ничто в смерти Симеона Ли самоубийства не предполагало. Не могло это навести и на мысль о том, будто убийца скрылся через окно, ибо окна устроены так, что скрыться через них невозможно! Более того, для этого требовалось бы *время*, а для убийцы оно было *на вес золота*.

Следующая необъяснимая вещь — кусочек резины, вырезанный из сумочки для туалетных принадлежностей Симеона Ли, и маленькая деревяшка, которые мне показал суперинтендант Сагден. Их поднял с пола тот, кто вошел в комнату первым. Опять-таки — обе эти вещи совершенно бессмысленные! Они ровным счетом ничего не значат. И все-таки они были там.

Преступление, как вы видите, становится еще более и более темным и невероятным. В нем нет порядка, нет метода и — *enfin*[29] — нет смысла.

---

[29] Примечания: 29
В конце концов (*фр.*).

Далее мы сталкиваемся с еще одной трудностью. Покойный посылал за суперинтендантом Сагденом, которому он рассказал о пропаже алмазов, и попросил вернуться через полтора часа. *Зачем*? Если Симеон Ли заподозрил свою внучку или кого-то еще из членов семьи, то почему он не попросил суперинтенданта Сагдена подождать внизу, пока сам он не поговорит с подозреваемым? Ведь жди суперинтендант в доме, мистеру Ли было бы легче заставить виновника признаться в краже.

Итак, вы с вами подошли к тому, что невероятным было поведение не только убийцы, но и поведение самого Симеона Ли.

И я сказал себе: «Здесь все не так». Почему? Потому что мы смотрим на происшедшее *не под тем углом. Мы смотрим под тем углом, какой выгоден убийце, под каким он заставляет нас все это видеть*...

Итак, мы имеем три совершенно бессмысленные вещи — следы борьбы, ключ в замке и кусочек резины. Но ведь должен же быть способ посмотреть на них так, чтобы они обрели смысл!

И тогда я выбросил все из головы, забыл про обстоятельства убийства и попытался рассмотреть *только три эти вещи*. Итак, *борьба*. Что это

предполагает? Насилие, разгром, грохот. *Ключ? Почему* поворачивают ключ в замке? Чтобы никто не вошел? Но ведь ключ этого не предотвратил, ибо дверь практически сразу выбили. Чтобы запереть кого-то *внутри*? Или, наоборот, *снаружи*? А кусочек резины? Я сказал себе: «Кусочек резины — это всего лишь кусочек резины. И всё».

То есть на первый взгляд ничего нового мне не открылось, что, однако, не совсем так. Ибо три впечатления никуда не делись — грохот, запертая дверь, непонятный предмет.

Вписываются ли они в психологический портрет моих подозреваемых? Очевидно, нет. И для Альфреда Ли, и для Хильды Ли предпочтительно было бы *тихое* убийство. Тратить время на то, что замкнуть дверь снаружи, — это, извините, абсурд. Кроме того, кусочек резины как был, так и остается загадкой и ничего не объясняет.

И все же я убежден, что в этом убийстве нет ничего абсурдного. Наоборот, это тщательно спланированное и мастерски осуществленное преступление. Боле того, оно *удалось*! Иными словами, все, что произошло, — это чей-то умысел…

Я вновь задумался, и внезапно для меня забрезжил свет…

Кровь — можно сказать, *море крови*. Некий акцент на кровь — свежепролитую, невысохшую, алую кровь. Столько крови, даже *слишком много крови*.

И вторая мысль, которая приходит в связи с этим. Это преступление крови, и оно *в крови. На Симеона Ли подняла руку его собственная кровь*.

Эркюль Пуаро подался вперед.

— Две самые ценные зацепки были невольно высказаны двумя разными людьми. Первой была строчка из «Макбета», процитированная миссис Альфред Ли. «*Кто бы мог подумать, что в старике так много крови*?» Вторую фразу произнес Трессильян, дворецкий. По его словам, у него возникло странное чувство, будто все происходит не в первый раз. Причем причиной тому была весьма простая вещь. Услышав звонок в дверь, он пошел ее открыть. На пороге стоял Гарри Ли. На следующий день звонок повторился, но за дверью был уже Стивен Фарр.

Почему, спросите вы, у него возникло это чувство? Посмотрите на Гарри Ли и Стивена Фарра, и вы получите *ответ на свой вопрос*. Эти двое удивительным образом похожи! Именно поэтому, *открыв дверь Стивену Фарру*, Трессильян подумал, что это уже было. Потому что стоявший за

дверью человек был почти точной копией *Гарри Ли*. Затем, уже сегодня, Трессильян упомянул, что он вечно путает лица. Не удивительно. У Стивена Фарра тот же самый нос с горбинкой, а также привычка, смеясь, откидывать голову назад и водить по подбородку указательным пальцем. Приглядитесь как следует к портрету Симеона Ли в молодости и увидите не только Гарри Ли, но и Стивена Фарра…

Стивен пошевелился. Стул под ним скрипнул.

— Вспомните гневную тираду Симеона Ли, когда тот набросился с обвинениями на своих детей, — продолжил Пуаро. — Он, как вы помните, заявил, что у него есть лучшие сыновья, пусть даже они и рождены *вне брака*. Что вновь возвращает нас к характеру Симеона Ли. Мы знаем, что он пользовался успехом у женщин и разбил сердце собственной жене. Более того, Симеон Ли похвастался Пилар, что при желании мог бы выставить вокруг себя охрану из сыновей одного и того же возраста. И я пришел к выводу: в доме находились не только сыновья Симеона Ли, рожденные в законном браке, но и сын незаконный, *неузнанный и непризнанный*.

Стивен вскочил на ноги.

— Ведь в этом и заключалась настоящая причи-

на вашего приезда сюда, а вовсе не в симпатичной девушке, которую вы встретили в поезде. Вы уже ехали сюда, когда встретили ее. Ехали посмотреть, что за человек ваш отец, — сказал Пуаро.

Кровь отхлынула от лица Фарра.

— Мне давно уже было интересно, — произнес он глухим, сдавленным голосом. — Мать иногда рассказывала мне о нем. Со временем для меня это превратилось в своего рода навязчивую идею — увидеть своего отца! Хотелось взглянуть, что это за человек. Накопив немного денег, я приехал в Англию. В мои намерения не входило говорить ему, кто я такой. Я притворился, будто я сын старого Эбенезера. Но я приехал сюда с единственной целью — увидеть человека, который был моим отцом.

— Боже! — прошептал суперинтендант Сагден. — Теперь я это вижу. Я дважды обознался, приняв вас за Гарри Ли, но мне и в голову не пришло!..

Он повернулся к Пилар.

— Теперь мне все ясно. Вы увидели рядом с дверью Стивена Фарра. Помнится, вы колебались и даже посмотрели на него, прежде чем сказать, что это была женщина. Что было неправдой. Вы увидели Стивена Фарра, но *не захотели его*

выдавать.

Послышался шорох платья, и в следующий миг грудной голос Хильды Ли произнес:

— Вы ошибаетесь, Пилар увидела меня.

— Вас, мадам? Впрочем, я так и думал, — произнес Пуаро.

— Самосохранение — удивительная вещь. Никогда бы не подумала, что я могу быть такой трусихой. Я молчала, потому что боялась, — тихо сказала Хильда.

— Вы ведь нам сейчас скажете? — спросил Пуаро.

Хильда кивнула.

— Мы с Дэвидом были в музыкальном салоне. Он играл. Я заметила, что мой муж в каком-то странном состоянии, и немного за него испугалась. Я остро ощущала свою ответственность за него, ибо это я настояла на нашем приезде сюда. Дэвид заиграл «Похоронный марш», и внезапно я приняла решение. Наверное, это покажется вам странным, но я решила, что мы с ним должны уехать — уехать немедленно, этим же вечером. Я на цыпочках вышла из музыкального салона и поднялась наверх, намереваясь пойти к старому мистеру Ли и откровенно сказать ему, что мы уезжаем. Я прошла по коридору и постучала в его

дверь. Ответа не последовало. Я постучала еще раз, чуть громче. И вновь никакого ответа. Тогда я попробовала дверную ручку. Дверь оказалась заперта. Как вдруг, пока я стояла, не зная, что мне делать, из комнаты *донесся какой-то звук*.

Она умолкла.

— Вы мне не поверите, но это так! *Там кто-то был*! И этот кто-то творил там разгром. Мне было слышно, как падают столы и кресла, как на пол со звоном летит посуда. Затем раздался ужасный крик. Когда же он оборвался, воцарилась мертвая тишина.

Я словно окаменела и стояла, не в силах пошевелиться. В следующий миг ко мне подбежали мистер Фарр, Магдалена и все остальные. Мистер Фарр и Гарри принялись колотить в дверь. Наконец они ее выбили, и мы шагнули внутрь. *В комнате никого не было* — кроме мертвого мистера Ли, лежащего посреди моря крови.

Голос ее дрогнул.

– Кроме него, там никого не было, понимаете, никого! — пронзительно выкрикнула она. — *И никто не выходил из комнаты*!

Глава 7

Суперинтендант Сагден глубоко вздохнул.

— Либо я схожу с ума, либо кто-то еще. То, что вы только что сказали нам, миссис Ли… как такое может быть? Это какое-то безумие! — заявил он.

— А я говорю вам, что слышала внутри звуки борьбы и крик старика, когда ему перерезали горло. И да, никто не выходил из комнаты, и в ней никого не было! — стояла на своем миссис Ли.

— И все это время вы хранили молчание, — укоризненно произнес Пуаро.

Хильда побледнела, однако голос ее остался тверд.

— Да, потому что скажи я вам, чему стала свидетелем, как вы тотчас заявили бы, что это я убила его…

Пуаро покачал головой.

— Нет, — возразил он, — вы его не убивали. Его убил сын.

— Клянусь Господом Богом, я не притронулся к нему даже пальцем! — воскликнул Стивен Фарр.

— Не вы, у него есть и другие сыновья, — успокоил его Пуаро.

— Какого дьявола! — взревел Гарри.

Джордж удивленно округлил глаза. Дэвид уткнулся лицом в ладони. Альфред дважды моргнул.

— В первый вечер моего пребывания здесь — в вечер, когда произошло убийство, — я видел призрака, — произнес Пуаро. — *Это был призрак убитого*. Впервые увидев Гарри Ли, я был озадачен. Мне показалось, что я его уже где-то видел. Внимательно изучив черты его лица, я понял: он — копия своего отца, и сказал себе, что именно это и есть причина моего странного ощущения. Но вчера сидевший напротив меня человек откинул голову назад и расхохотался. И тогда я понял, *кого напомнил мне Гарри Ли*. Более того, в чертах лица этого человека я разглядел черты покойного мистера Ли.

Не удивительно, что бедный старый Трессильян был сбит с толку, когда он открыл дверь не двоим, а *троим* людям, которые были едва ли не копией друг друга. Не удивительно, что он признался, что с трудом различает лица. Еще бы, когда в доме было трое, кого легко можно было перепутать, особенно на расстоянии! То же телосложение, те же жесты — особенно потирание подбородка; та же привычка, смеясь, откидывать голову назад, тот же характерный нос с

горбинкой. И вместе с тем, это сходство не сразу бросалось в глаза, ибо *у третьего были усы*.

Он подался вперед.

— Порой мы забываем, что офицеры полиции тоже люди, что у них есть жены, дети, матери… — Пуаро выдержал паузу. — И отцы. Вспомните репутацию Симеона Ли. Этот человек разбил сердце собственной жене, крутя романы с другими женщинами. Родившийся вне брака сын может унаследовать многое от своего отца, в том числе черты его лица, его жесты. Он может также унаследовать его гордость, его терпение и его мстительность!

Голос Пуаро зазвучал громче.

— Всю свою жизнь, Сагден, вы носили в душе обиду на отца. Думаю, вы уже давно решили убить его. Вы родом из соседнего графства, недалеко отсюда. Не сомневаюсь, что ваша мать благодаря деньгам, полученным от Симеона Ли, смогла найти себе мужа, который сошел бы за отца ребенка. Вы идете служить в полицию Миддлшира и ждете подходящего момента. У суперинтенданта полиции громадные возможности совершить убийство и уйти от возмездия.

Сагден сделался белым как мел.

— Вы с ума сошли! В момент убийства меня

даже не было в доме! — воскликнул он.

Пуаро покачал головой.

— Нет, вы убили его раньше, во время своего первого прихода в дом. После того, как вы ушли, его больше не видели живым. Сделать же это было проще простого. Верно, Симеон Ли ждал вас, но *никогда не посылал за вами*. Это вы позвонили ему и туманно намекнули на вероятную кражу. Вы сказали ему, что придете к нему где-то около восьми вечера, под предлогом, будто собираете пожертвования на приют.

У мистера Ли не возникло никаких подозрений. Он не знал, что вы его сын. Вы пришли и рассказали ему вашу басню про подмену алмазов. Он открыл сейф, дабы показать, что настоящие алмазы на месте. Вы извинились, перешли назад к камину, и когда он отвернулся, перерезали ему горло, зажав при этом ему рот, чтобы он не закричал. Для человека вашей комплекции сделать это — пара пустяков.

После чего вы взялись за место преступления. Достали из сейфа алмазы. Нагромоздили столы и стулья, лампы и бокалы и обвили их очень тонкой веревкой, которую, очевидно, принесли с собой. Кроме того, у вас с собой была бутылка со свежей кровью недавно убитого животного, в ко-

торую вы добавили немного цитрата натрия[30]. Этой кровью вы обрызгали комнату, а также добавили цитрата натрия в лужу крови, которая вытекла из раны на шее Симеона Ли.

Затем вы развели в камине огонь, чтобы тело оставалось теплым. После чего продели оба конца веревки сквозь узкую щель под оконной рамой и оставили их болтаться на стене. И, наконец, вышли из комнаты и повернули снаружи ключ в замке. Для вас было важно, чтобы никто, ни одна душа, не зашел в комнату.

Выйдя из дома, вы спрятали алмазы в одной из каменных ваз. Если их рано или поздно обнаружат, вам это только на руку, ибо подозрения падут на кого-нибудь из законных отпрысков Симеона Ли или их жен. В четверть девятого — вернее, чуть раньше — вы вернулись и, незаметно прокравшись к стене под окном комнаты мистера Ли, потянули за веревку. Тем самым вы обрушили сооруженную вами заранее пирамиду из мебели и фарфора. Все это с грохотом полетело на пол. Затем вы потянули за один конец веревки и обмотали ее вокруг себя, под пиджаком и жилетом.

---

[30] Примечания: 30

Цитрат натрия — натриевая соль лимонной кислоты $Na_3C_6H_5O_7$; используется в качестве консерванта.

Но у вас в запасе был еще один, заключительный штрих! — Пуаро повернулся к остальным. — Вы обратили внимание, что все из присутствующих по-разному описали крик умирающего Симеона Ли? По вашим словам, мистер Ли, это был крик человека, терпящего страшные муки. Ваша супруга, а также Дэвид Ли описали это как стенание души в преисподней. Миссис Дэвид Ли, наоборот, утверждала, что так мог кричать лишь тот, у кого вообще не было души. По ее словам, это был нечеловеческий крик, скорее даже животный. Ближе всех к истине был Гарри Ли. По его словам, как будто где-то рядом резали свинью.

Надеюсь, вы видели длинные розовые шары с нарисованными на них лицами? Их обычно продают на ярмарках, и называются они «умирающие свиньи». Когда воздух вырывается из шара и тот начинает сдуваться, он издает нечеловеческий вой. Это, Сагден, и был ваш заключительный штрих. Вы оставили в комнате такой шар. Горловину вы скрепили деревянной прищепкой, а прищепку присоединили к веревке. Стоило вам потянуть за ее конец, как прищепка отцепилась и шар начал сдуваться. Грохот мебели и звон бьющейся посуды увенчал вопль «умирающей свиньи».

С этими словами Пуаро вновь повернулся к присутствующим.

— Теперь вам понятно, что подобрала Пилар Эстравадос? Суперинтендант надеялся попасть в комнату первым, чтобы убрать кусочек резины прежде, чем его кто-то заметит. Впрочем, он быстро и, главное, в официальной манере отобрал его у Пилар. Но вспомните, он *ни разу не упомянул этот эпизод*. Что уже само по себе наводило на подозрения. Я услышал о нем от Магдалены Ли и задал суперинтенданту пару вопросов. Тот был к этому готов. Он отщипнул от сумочки для туалетных принадлежностей мистера Ли кусочек резины и показал его мне вместе с деревянной прищепкой. На первый взгляд, это соответствовало описанию — клочок резины и кусок дерева. Что — как я уже тогда понял — ровным счетом ничего не значило. Но мне не хватило ума сказать сразу: «Но ведь это ничего не значит! Этого не могло там быть, следовательно, суперинтендант Сагден *лжет*…» Нет, я по своей глупости пытался найти этим вещам какое-то объяснение. Лишь когда лопнул шар, с которым играла мадемуазель Эстравадос, когда она воскликнула, что, по всей видимости, подняла с пола в комнате Симеона Ли клочок лопнувшего шара, мне, наконец, от-

крылась правда.

Надеюсь, теперь вы видите, как все прекрасно ложится одно к одному? Невероятная борьба, необходимая, чтобы ввести в заблуждение относительно момента смерти, запертая дверь — чтобы никто не обнажил тело раньше, чем нужно, крик умирающего… Теперь все логично и объяснимо. Все встало на свои места.

Увы, с того момента, как Пилар Эстравадос воскликнула про то, что клочок резины был лопнувшим шаром, она превратилась для убийцы в источник опасности. И если он, будучи внутри дома, услышал ее слова — что вполне вероятно, ибо голос у нее высокий и звонкий, а окна в доме были открыты, — в опасности оказалась она сама. Однажды мадемуазель Пилар уже заставила убийцу пережить неприятный момент. Говоря о старом мистере Ли, она сказала: «В молодости он наверняка был хорош собой, — и добавила, глядя в лицо Сагдену: — Как и вы». Она вложила в эти слова буквальный смысл, и Сагден это понял. Не удивительно, что он побагровел и едва не задохнулся от гнева. Это было так неожиданно и так опасно… После этого случая он всеми силами пытался взвалить вину на нее, но сделать это оказалось нелегко, ибо оставленная без наслед-

ства внучка не имела очевидного мотива убивать старика.

Позднее, когда Сагден, будучи в доме, услышал, как она своим высоким, чистым голосом воскликнула про лопнувший шар, он решился на крайние меры. Когда мы все сидели за столом, он подстроил в ее комнате ловушку. К счастью, та не сработала и Пилар чудом осталась жива…

Пуаро умолк. В комнате воцарилась гробовая тишина.

— И когда же ваша догадка переросла в уверенность? — тихо спросил Сагден.

— Меня терзали сомнения, пока я не принес домой накладные усы и не приложил их к портрету Симеона Ли. На меня с картины посмотрело ваше лицо, — сказал Пуаро.

— Пусть его душа гниет в аду. Я рад, что сделал это! — воскликнул Сагден.

Часть VII
28 декабря

Глава 1

— Пилар, наверное, тебе лучше остаться у нас, пока мы что-нибудь для тебя не придумаем, — сказала Лидия Ли.

— Вы так добры, Лидия, — робко ответила девушка. — Так милы… Вы легко прощаете людей, ни в чем их не упрекая.

— Я все еще называю тебя Пилар, хотя у тебя наверняка другое имя, — с улыбкой сказала Лидия.

— Да, на самом деле я Кончита Лопес.

— Кончита — тоже красивое имя.

— Нет, вы чересчур добры ко мне, Лидия. Но не волнуйтесь, я не стану злоупотреблять вашей добротой. Я собираюсь замуж за Стивена, и мы вместе уезжаем в Южную Африку.

— Что ж, все хорошо, что хорошо кончается, — вновь улыбнулась Лидия.

— Поскольку вы были так добры к нам, можно нам когда-нибудь приехать навестить вас — например, на Рождество? И тогда у нас будет все: и хлопушки, и горящий изюм, и блестящие игрушки на елке, и крошечные снеговики, так ведь? — робко спросила Кончита.

— Конечно же! Приезжайте и вкусите настоя-

щего английского Рождества.

— Это было бы замечательно! Потому что это Рождество было совсем не веселым, ведь так?

— Верно, это Рождество было совсем не веселым, — вздохнув, согласилась Лидия.

Глава 2

— До свидания, Альфред. Вряд ли ты будешь часто меня видеть. Я уезжаю на Гавайи. Всегда мечтал поселиться там, как только у меня появятся деньги, — сказал Гарри.

— До свидания, Гарри. Думаю, там тебе будет хорошо. Очень на это надеюсь, — сказал Альфред.

— Извини, старина, что я раздражал тебя, — смущенно произнес Гарри. — Просто у меня такое чувство юмора. Не могу удержаться, чтобы кого-нибудь не подколоть.

— Мне тоже стоит научиться не обижаться на шутки, — признался Альфред.

— Ну что ж, пока! — с облегчением произнес Гарри.

Глава 3

— Дэвид, мы с Лидией решили продать этот дом. Я подумал, вдруг ты захочешь оставить себе что-нибудь из вещей матери — ее кресло или скамеечку для ног… Ты ведь всегда бы ее любимцем, — сказал Альфред.

Дэвид на минуту задумался.

— Спасибо тебе, Альфред, — медленно произнес он. — Но, знаешь, мне почему-то не хочется ничего брать из этого дома. Пожалуй, будет лучше, если я окончательно порву с прошлым.

— Да, я понимаю. Возможно, ты прав, — сказал Альфред.

Глава 4

— До свидания, Альфред. До свидания, Лидия. Страшно подумать, через что мы прошли. А ведь впереди еще суд… Полагаю, эта некрасивая история непременно наделает шуму. Это же надо! Сагден — сын моего отца! — сказал Джордж. — Нет, это нам совершенно ни к чему. Тебе не кажется, что было бы лучше, если б он признался, что он коммунист и ненавидел моего отца за то, что тот был капиталистом? Или что-то в этом роде…

— Мой дорогой Джордж, неужели ты думаешь, что такой человек, как Сагден, станет лгать на суде, чтобы пощадить наши чувства? — возразила Лидия.

— Пожалуй, нет. Я вижу, что ты хочешь сказать. И все же этот человек безумен. Ну, что ж, в очередной раз до свидания, — сказал Джордж.

– *До свидания*. На следующий год давайте на Рождество все вместе отправимся на Ривьеру или куда-нибудь еще и от души повеселимся, — предложила Магдалена.

— Это будет зависеть от положения на фондовой бирже, — сказал Джордж.

— Дорогой, не надо скряжничать, — ответила Магдалена.

Глава 5

Альфред вышел на террасу. Лидия согнулась над каменной вазой. Заметив его, она выпрямилась.

— Ну всё, они уехали, — произнес он со вздохом.

— Наконец-то, какое счастье! — согласилась Лидия.

— Это точно.

— Ты была бы рада уехать отсюда, — сказал Альфред.

— Тебе этого не хочется? — спросила она.

— Наоборот, я был бы рад. Есть так много всего, чем мы могли бы заняться вместе… Остаться здесь — значит постоянно вспоминать этот кошмар. Слава богу, что все позади.

— Спасибо Эркюлю Пуаро, — сказала Лидия.

— Да, просто удивительно, как все тотчас встало на свои места, когда он все нам объяснил.

— Знаю. Это все равно, что когда заканчиваешь складывать пазл и с трудом веришь, что все эти разной формы фрагменты, которые, казалось, никуда не втиснуть, вдруг аккуратно встали на свои места…

— Нет, один фрагмент так никуда и не вписался. Что делал Джордж *после того,* как позвонил своему представителю? Почему он так и не признался? — спросил Альфред.

— Ты не знаешь? Я знала это с самого начала! Он перебирал бумаги на твоем столе.

— О нет, Лидия. Я не представляю, что кто-то мог пойти на такое!

— Джордж — запросто. Когда дело касается денег, он делается страшно любопытен. Разумеется, он не мог в этом признаться. Ибо это могло дорого ему обойтись — и в плане денег, и в плане карьеры.

— Ты создаешь еще один сад? — спросил, помолчав, Альфред.

— Да.

— И что это будет на этот раз?

— Наверное, попробую сотворить Эдемский сад, — сказала Лидия. — Новую версию, без змея. Причем Адам и Ева будут далеко не юными.

— Моя дорогая Лидия, сколько же терпения у тебя было все эти годы! Ты так добра ко мне, — с нежностью произнес Альфред.

— Но, Альфред, ведь я люблю тебя, — ответила Лидия.

Глава 6

— Благослови Господь мою душу! — воскликнул полковник Джонсон и добавил: — Честное слово! — После паузы он снова заговорил: — Благослови Господь мою душу! — Затем откинулся в кресле и жалобно посмотрел на Пуаро. — Мой лучший полицейский! Боже, куда мы катимся…

— У полицейских тоже есть частная жизнь. Сагден был человек гордый, — резонно рассудил Пуаро.

Полковник Джонсон покачал головой и, чтобы дать выход чувствам, пнул ногой поленья у каминной решетки.

— Я всегда говорил — нет ничего лучше камина, — отрывисто сказал он.

«*Pour moi*[31], лично я предпочел бы центральное отопление», — подумал Пуаро, ощущая затылком дыхание сквозняка.

---

[31] Примечания: 31
Что касается меня (*фр.*).